

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Михель

Мир, который не вернуть
Том 3: Год Второй

Павел Олегович Михель
Мир, который не вернуть.
Том 3: Год Второй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64322317

SelfPub; 2021

Аннотация

Главный герой – подросток, который был резко брошен в опасный новый мир. То, что он приобрёл, оказалось бесполезным – он потерял всё... Или ещё нет? Может он сможет найти что-то ещё, чтобы зацепиться? Содержит нецензурную брань.

Содержание

День 445-447	5
День 555-557	71
День 589-591	130
День 711-713	198
День 721-734	241
День 750	286
День 771	303

Павел Михель

Мир, который не вернуть.

Том 3: Год Второй

Посвящаю всему человеческому роду.

*Только потеряв – мы начнём ценить,
только опоздав – учимся спешить,
только не любив – можно отпустить,
только видя смерть – научиться жить.*

День 445-447

— Эй... ты как? – вошёл робко мальчик, лет одиннадцати. Он тихонько прикрыл за собой дверь и, пройдя мимо зеркала на шкафу, сел рядом с другим мальчиком, помладше, который лежал лицом к стене. – Кость...

Старший мальчик тронул младшего за плечо, но тот никак не отреагировал.

– Мама волнуется... Хочешь... хочешь я тебе анекдот расскажу? – спросил он. В ответ было лишь глухое молчание. – Слушай, как-то собрался новый борувенянин в Грим. Едет, едет... – мальчик внезапно замолчал, и удручённо продолжил: – Едет... Блин, дальше не помню. Мне ведь вчера Женька рассказывал...

Старший мальчик всё говорил. Но другому мальчику на это было всё равно – казалось, что весь мир потерял ценность для него. Неинтересны ему были ни рассказы своего брата, ни что-либо ещё. Он даже не слышал этого.

– Ну, Костя... – старший мальчик тихо подошёл и потряс брата за плечо, перевернул – мальчик даже не сопротивлялся. В его глазах стояли наполовину высохшие слёзы, а на подушке был небольшой влажный кружок. – Я понимаю... он ведь... он...

И у старшего мальчика тоже полились слёзы.

– И мама... она тоже плачет... и бабушка... все! Всем

грустно, понимаешь? – говорил, пытаюсь сдерживаться от того, чтобы не разреветься, старший мальчик. – И мне. Я... я понимаю, что и тебе тоже... Но ты не один, и маме... мы сейчас нужны. Особенно сейчас. Пожалуйста...

Лежащий мальчик медленно перевёл взгляд с потолка на своего брата и уставился, выпуская новые слёзы.

– Ты меня слышишь? Слышишь ведь, да? – спросил старший мальчик. Младший кивнул и тихо привстал. – Пойдём. Там все, в зале.

Младший мальчик молча, с помощью своего брата, встал, и они медленно пошли из комнаты. В глазах младшего, казалось, был какой-то туман, а красные припухлости вокруг них говорили о том, что он недавно сильно плакал.

– Костечка... – темноволосая женщина, что стояла до этого посреди зала, кинулась и обняла младшего мальчика, прижимая к себе покрепче, как бы пытаясь найти в нём всю ту силу, что необходима была ей самой сейчас. По её щёкам протянулись две тоненькие влажные нити. Мальчик в ответ слабо приобнял её.

За столом, у окна, молча сидела бабушка и наблюдала. Она не плакала, нет. Но ей тоже было очень больно. Эта потеря оказалась таким ударом, который её материнское сердце отказывалось принимать – поэтому она до сих пор не могла поверить в происходящее. А какая мать смогла бы? Вот ты родила ребёнка, он в школу пошёл, а вот привёл к тебе знакомиться свою девушку, с которой позже не сложилось, вот

уже и свадьба с «той самой», внуки – кажется, будто всё будет хорошо, и умрёшь счастливой бабушкой, но... вот ты целуешь его мёртвого, в гробу. Сначала смерть мужа, когда сын был маленький совсем, но ведь нужно было дальше жить – работать, чтобы вдвоём протянуть. Да, сейчас страшнее потеря, но остались ведь внуки и невестка – разве их бросишь? Конечно, нет – нужно было жить дальше...

– Кость... скажи, хоть что-нибудь, – тихо попросила женщина. Мальчик молчал, и это вызвало новую волну рыданий. – Пожалуйста...

– Мам, он слышит... Он кивнул, – сказал старший.

Младший мальчик тихо отстранился и подошёл к столу. Он молча посмотрел на бабушку, а затем в окно: там голубое небо простиралось, казалось, далеко ввысь. Жаль только, окрестные дома стояли стенами вокруг, мешая ощутить всё это великолепие обычного дня.

– Правда, красиво? – спросила пожилая женщина тихо.

Мальчик кивнул.

– Всё-таки праздник Огня прошёл – природа заново оживает... жаль, что мы уже так не можем. У каждого свой срок – это лишь Богу решать.

– Зинаида Ивановна, ну что вы к нему... – проговорила мама мальчика.

Но ему, на самом деле, было всё равно. Перед его глазами, бесконечным повтором, стояли одни и те же образы: удар, крики, кто-то убегает...

К слову, этих парней поймали через несколько дней – всю группу нашли «под кайфом» в квартире одного из них.

– Почему он не говорит? – спросила мама, неизвестно у кого. И, спрятавшись в ладони, ушла в другую комнату: – Боже...

– Кость... – подошёл к нему брат. – Ну, скажи что-нибудь... Зачем ты маму изводишь?

Маленький мальчик обернулся медленно, словно во сне, и побрёл мимо брата, в свою комнату.

– Мне тоже больно, но я ведь... ты ведь не один! – сказал старший мальчик, догоняя его в проходе. – Костя!

* * *

Медленно открыл глаза, тщетно пытаюсь задержать остатки сна.

«Что же там постоянно снится?..»

Перевернулся – внизу закрипели пружины. Пошарил рукой, взял фонарик с пола, включил его и поставил рядом – крохотная комната осветилась слабым мягким светом.

«Что ты здесь забыл?» – спросил Голос.

Проигнорировал его и встал с кровати – тело объял слабый холод. Взял фонарик и вышел за дверь, в маленький коридор. Здесь, сквозь окна, уже проникал слабый утренний свет. Глянул на часы – «11:21». Спустился по лестнице вниз и зашёл в зал слева. Повсюду на полу валялся разный мусор.

Глянул, на всякий случай направо – дверь в квартиру была плотно заставлена широким комодом. После этого прошёл на кухню и подошёл к одной из тумбочек, достал из одной пачку печенья, плотно закрытую. Сел за стол, открыл упаковку и принялся за завтрак.

Стены сверху, по углам, были с лёгкими подтёками, а обои наполовину уже отклеились. Кое-где ещё на тумбочках оставался тот слой пыли, который я застал, открыв квартиру, но за два дня более-менее постиралось.

«Когда ты поедешь дальше? – я молчал и кушал дальше. – Почему ты меня игнорируешь?».

Продолжал молчать, тихо жуя. Прошла минута, другая.

«Иди ты в жопу, ясно?» – и на этом Голос замолчал. Даже собственный голос в голове я взбесил...

От этого невольно улыбнулся, встал, захватив печенье, и подошёл к окну: по серому небу летела одинокая ворона. На земле небольшим слоем лежал снег. Возле дома была начатая стройка, но ей так и не суждено было когда-либо завершиться – время разрушит её до основания. За этой самой стройкой медленно шёл, пошатываясь, восставший. Он периодически останавливался и поднимал кверху голову – крикун. Значит, где-то рядом были ещё и бегуны, а, может, и охотники прячутся... Через несколько секунд из-за здания выбежали на четвереньках две фигуры. Они пробежали вперёд крикуна, потом вернулись назад, забежали за правую сторону дома – патрулируют. Нужно будет осторожно выхо-

дить. Отошёл от окна.

Сегодня нужно было, наконец, попасть на военную базу – на карте отметка была совсем рядом с этим городом.

«Зачем ты вообще туда идёшь? Ты действительно веришь, что кто-то мог остаться? Выжить? Если бы люди и выжили, то ты бы услышал сигнал, но, скажи мне, что ты слышишь на просторах радиоволн, когда едешь в машине, кроме монотонного шума? Может, ты слышишь предложения помощи выжившим? Может, эфир заполнен людскими голосами и просьбами о помощи? М? Хоть что-нибудь? – Голос выждал несколько секунд, а затем продолжил: – Ничего ты не слышишь из этого. Только помехи – никого».

– Скажи, почему ты меня спас? Зачем? – тихо спросил я, уходя с кухни в комнату, где нужно было взять рюкзак. – Почему не дал мне умереть? Ты ведь сам говорил, что нужно сделать последнее дело, а сейчас отговариваешь – почему?!

Голос молчал. Ему нечего было сказать на это, потому что единственное, что ему нужно – это мучить меня. Всему миру это только и нужно. Но он был прав: осталось последнее дело, а потом – хоть потоп.

Подхватил рюкзак, повесил катану за левое плечо, проверил всё ли взял – нож был на месте, а пистолет лежал в рюкзаке, вместе с картой. Еды почти не брал – всё равно потом вернусь.

Плотно застегнул куртку, вышел из квартиры и прикрыл дверь. Осторожно прошёл по коридору, по привычке нажал

на кнопку вызова лифта – всё уже давно безнадёжно замерло, в ожидании своего конца. Вышел на улицу. Снег медленно падал, набирая слой за слоем. Из рта небольшим облаком вырывался пар. Я оставил машину в другом дворе, чтобы, если восставшие меня найдут, смог оторваться и уехать без проблем. Поэтому сейчас шёл по опустевшему двору – типичному, с потускневшей от времени детской площадкой по центру, окружённому серыми домами. Слева, пошатываясь, шёл восставший. Он двигался медленно – не заметил ещё меня, поэтому я прибавил шагу и решил обойти дом, чтобы добраться до машины.

До машины дошёл нормально, проверил дно – никого. Надо было проверить, а то мало ли – вдруг охотники спрятались. Осторожность не помешает. Если уж и умирать, то, хотя бы, человеком.

Открыл дверь, достал из нагрудного кармана ключи, сел в салон и завёл мотор, закрывая дверь. Внутри было холодно, а металл двери обжигал льдом, но вскоре тепло начало проникать в салон из-под капота, и заметно потеплело. Через несколько секунд вспомнил о том, что забыл убрать снег на корпусе – поэтому выключил зажигание, быстро вышел из машины и принялся руками сгребать вниз снег со стёкол. Кто-то мне говорил, что если этого не делать, то стекло может лопнуть.

Как только снежный слой был, более-менее, убран, сел обратно и снял мокрые перчатки, кинув их на соседнее место –

руки жгло от холода. Теперь точно можно было ехать. Снова завёл мотор и начал быстро тереть ладони, чтобы их хоть как-то согреть. Из-за дома рядом вытянулась голова, а потом и тело – крикун. Он остановился на секунду, вслушиваясь, а затем быстро пошёл в мою сторону. Я отъехал назад, чтобы развернуться, а затем припал к рулю – его крик оглушающе бил по ушам. Когда поднял взгляд – он уже бился головой об лобовое стекло, а позади него, чуть дальше, к нам бежали трое бегунов. Я вжал педаль газа в пол, попутно сбивая одного из них – машину сильно тряхнуло, занесло в повороте, но я справился – затем выехал на главную дорогу и поехал прочь.

Небо было чистым. Серым, но чистым. Ничего не предвещало плохой погоды. До ближайшей базы ехать несколько часов. Я слушал, как гудит ветер, задуваемый в корпус, и рычал мотор, собирая на себя всё окружающее внимание, но пока едешь – это не страшно. Редкие восставшие только и успевали, что обернуться, как машина уже проезжала мимо. На пустынных дорогах то тут, то там встречались брошенные машины-одиночки. Кто-то бросал машины на обочине, а кто-то их оставлял посреди дороги. Возле одной такой, проезжая, заметил ссохшийся труп, облачённый в тёмную одежду и засыпанный снегом – это точно был охотник. Но проверять я, конечно же, не стал, а только проехал дальше.

Меня всё ещё волновал вопрос о том, где же все люди. Казалось бы, в стране больше ста миллионов людей, а за всё

время этого ада встретил не больше нескольких сотен. Может даже тысячу, но не больше. Хотя, лучше бы и их не встречал...

«Ты сам виноват. Я тебя предупреждал».

– Заткнись, пожалуйста, – тихо сказал я, включил на удачу радио, которое встретило меня лишь монотонным шипением. Покрутил ручку – то же самое было везде. Эфир был мёртв, как и вся остальная цивилизация.

«А разве что-то бы поменялось от того, что услышал? Поехал бы, сломя голову, неизвестно куда? Не смеди меня».

– Лучше уж что-то, чем ничего.

«Скажи это Кристине».

– Сука, – выдавил я, сквозь зубы.

«Это не я решил оставаться с группой зеков».

– Ты сам мне сказал, чтобы мы с ними остались!

«Тогда ещё я не знал, кто они такие. А ты, когда узнал, ещё неделю с ними оставался – а почему? Почему не сбежал?»

– Куда?! – не выдержал я. – В лес? Ночью? С маленькой девочкой зимой?! Там на много километров вокруг был лишь лес!

«Это не мои проблемы. Мог бы придумать, если бы захотел. А мог бы и прикончить их всех давно».

Я молчал. Голос знал, что ничего не отвечу. Ему это и не нужно было – этот разговор поднимается далеко не в первый раз. Каждый раз, когда закрываю глаза, вижу маленькие, застывшие от ужаса, зрачки и замёрзшие слёзы на мёртвых си-

них щеках.

Вскоре дома кончились, и только лес стоял стенами по бокам дороги. Остановился на обочине и достал потрёпанную, неаккуратно заклеенную по центру, карту, которая лежала на заднем сидении. Сверился с тем, где сейчас находился – нужно было по этой дороге ехать, вплоть до поворота на «Андреевку» – маленькую деревушку – потом на следующем повороте свернуть налево, на скрытую дорогу в лесу, и проехать несколько километров. После этого по полю, на развилке свернуть на небольшой поворот направо и ехать по лесу несколько километров – там и была на карте отметка «ВБ». Часы показывали «12:41». Как же быстро время идёт, когда за ним не следишь. Хотя, какая разница? Ничего не изменится от того, что буду торопиться – всё равно некуда. Вряд ли кто-то будет жив. Вряд ли найду хоть кого-то на этих базах. Сколько уже смотрел – ничего. Казалось бы, зачем тогда идти? Но должен попытаться, чтобы уйти свободным от долга. Перед концом мне нужно знать, что, хотя бы, попытался.

Слева, за большим полем, виднелись небольшие домики. Кажется, будто всё так же, как и было, и тут уж непонятно – то ли я не знал как выглядел настоящий мир, то ли раньше было всё так плохо.

Апокалипсис как будто ничего не поменял: дома стоят так же, монументы, дворцы, магазины, вокзалы, автобусы, лодки в доках – только людей нет, всё пустое. И они, слово забы-

тые инструменты в сарае, просто ждут своего часа и гниют. Правда, мастера уже никогда не придут.

В нужном месте я свернул. Из-за снега пришлось сбавить скорость, чтобы не пропустить поворот – еле его разглядел, и то лишь по промежутку в лесу. Конечно, завернув, остановился и ещё раз сверился с картой – вроде бы, это место. После этого медленно поехал вперёд – неизвестно, что могло бы быть под снегом. Нужно ехать аккуратнее.

Проехав небольшую лесополосу, выехал в поле, где снег полностью закрывал колёса. Хотя, нет, сугробы были даже немного больше, но, пока что, машина не встряла, и это было хорошо.

«Сейчас посреди поля буксовать начнёшь. Давай, встрянь ещё, просри тачку... Зря ты поехал сюда».

– Помолчи, не мешай, – я с силой сжимал руль, будто эта хватка как-то могла помочь. – Дай последнее дело сделать и сдохнуть спокойно. Узнаю, что они мертвы – и точка.

«А если найдёшь их – что дальше? Будешь и в этот раз притворяться, что всё хорошо пока они не умрут?»

– Нет. Если – повторяю, «если» – они и живы, то порадуясь и уйду. Большого не нужно.

«Ну-ну, посмотрим... А точно не было другого пути? Или ты, как обычно, выбрал самый сложный?»

Медленная езда и так выводила меня, а сейчас вообще начал терять терпение.

– Не было! Это единственная ближайшая дорога, а в объ-

езд ехать долго. И та дорога тоже через лес – не факт, что было бы лучше. Понятно?

Голос ничего не ответил, и я продолжил ехать в тишине. Лишь только снег скрипел, потираясь о корпус.

Только сейчас заметил, что небо стало голубым, и где-то вдалеке – там, где крыша не давала мне увидеть – светило солнце, и, отражаясь от снега, ослепляло. Сейчас всё поле было словно одно большое зеркало. Конечно, снежные шапки на деревьях выглядели красиво, но пробираться по такой дороге было тяжело.

Наконец, спустя минут пятнадцать, поле кончилось, и я снова въехал в густой лес. Как-то так получилось, что попал прямо к правильному въезду, если он тут был один. Ехать уже стало заметно легче, так как слой снега здесь был в два, если не в три, раза меньше из-за деревьев.

Проехав пару метров, заметил кое-что очень странное, а именно – следы. Но не хаотичные, неаккуратные, как у восставших, а чёткие, системные – человеческие. Совсем свежие.

– Неужели? – сказал я вслух и прибавил газу.

«Не надейся. Это могли быть и восставшие».

– Мёртвые таких не оставляют.

«Лучше будь готов к тому, что это, пусть и живые, но уже не люди».

– Знаю, – тихо ответил и быстро глянул на катану, что лежала на заднем сидении вместе с рюкзаком, в котором был

ещё пистолет.

Следы через несколько минут слегка свернули вправо – в направлении военного лагеря для выживших.

«Может, это та самая возможность? Может, они там всё-таки? Эта самая ближняя точка к Номиру. Тем более, там ведь живые люди...»

И тут перед глазами пронеслись образы тюрьмы, где убивали людей ради развлечения, а живых держали лишь в качестве рабов. Пронеслась мерзкая наглая ухмылка на окровавленном лице Толика, перед тем как я выстрелил в него первый раз. Вспомнил и того бедолагу, в деревне, с дробовиком, и его дневник, куда он записал последние дни своей общины и то, как люди, сойдя сума от голода, убивали за еду, не щадя даже детей. Вспомнил и Старейшину, который скармливал людей восставшим. И даже дерзкая улыбка Максима, когда он решил нас предать – это было так давно, но уже в этой, новой жизни.

Но одновременно с этим вспомнил и Павлова – человека, без которого не смог бы прожить даже первые несколько дней, и который пожертвовал жизнью, чтобы спасти другого. Вспомнил Свету, которая тоже защищала меня, рискуя собой, и научила выживать. Вспомнил Кристину – девочку, которая заставила меня поверить в людей, но именно они же и отняли её у меня...

«Всё было так не однозначно, но, тем не менее, какая разница? Мне, если честно, было уже всё равно. Если захотят

убить – буду только рад. Пусть убивают. Возможно, так будет только лучше. От меня у всех только проблемы – так зачем продолжать идти?»

В потоке мыслей не заметил, как лес оборвался, и впереди показался зелёный металлический забор, за которым скрывалось длинное, двухэтажное здание. Вроде бы, когда-то это было санаторием. На втором этаже во многих окнах были разбиты стёкла – зачем кому-то это делать? Это точно не для развлечения – значит, тут точно что-то есть... или было.

Следы вели к воротам. Немного не доезжая до забора, остановился и заглушил двигатель. Меня уже должны были увидеть, если там не дураки сидят и выставили охрану. Хотя, будь они такими – выжили бы? Сомневаюсь. Но лучше было приготовиться – взял с собой пистолет, заранее заложив за пояс: всего пара секунд, и он будет в руках. Тем более, он хорошо скрывался за длинной зимней курткой. А катану оставил внутри – сейчас она бы только мешалась.

Развернул машину в сторону леса, заглушил мотор и достал ключи, вышел на улицу. Шёл совсем слабый снегопад, светило солнце. На голых ветках деревьев, чуть дальше от базы, сидела пара ворон, о чём-то каркая.

«Я уверен, что это ловушка», – сказал Голос.

– Это очевидно, но разве у нас есть выбор? – улыбнувшись, сказал я, выдыхая при этом небольшое облако пара, которое через мгновение остыло и растворилось. Меня немного распирало от волнения и надежды. Надежды на

окончание: кошмара или жизни.

Обошёл машину и приблизился к забору – слегка проржавевший замок, который замыкал небольшую металлическую цепь создавал ощущение, что здесь никого нет.

Сквозь щели можно было увидеть небольшую площадку, которая внутри была огорожена сеткой – там тоже остались следы. Сомнений не оставалось – здесь точно кто-то есть. Но, пока что, никого не видел.

Подпрыгнул, чтобы зацепиться – холодный металл неприятно обжигал кожу. А затем перелез и спрыгнул вниз.

Подышал на руки и потёр их, чтобы разогреть. Забыл перчатки – ерунда. Потом заберу.

Впереди был ещё один вход, огороженный с двух сторон. Там-то и были следы. Получается, то, где я был – это въезд или что-то вроде того. И только сейчас понял, что следы шли дальше, обходя забор, а я, зачем-то, его перелез. Впрочем, это уже было неважно.

Прошёл дальше и попутно расстегнул защёлку на чехле ножа – мало ли, что может случиться. Восставшие могут быть где угодно. Особенно сейчас, зимой, когда охотники с лёгкостью могут спрятаться в снегу, который громко хрустел под ногами.

Главный вход, как и думал, был огорожен. Подходящие дорожки к нему были убраны от снега: кто-то явно здесь живёт, и не один.

Пошёл в обратную сторону, чтобы обойти здание – дол-

жен быть запасной вход. Их оказалось два. И оба были закрыты. Побродил немного вокруг здания, пытаюсь найти ещё что-нибудь, и тут на глаза попало разбитое окно на первом этаже, с левой стороны от главного входа. Снял куртку и перекинул её через раму, кое-как взобрался. После этого аккуратно забрал куртку, осмотрел – вроде бы нигде не порвалась. Только осталась небольшая полоска внизу: маленький порез на внутреннем мехе – ничего страшного. Надел куртку и осмотрел комнату: слева и справа было по разодранному дивану, из обоих торчали пружины, а у стены стоял деревянный маленький комод с отломанной дверцей. Стены в некоторых местах почернели от сырости. Пошёл дальше и вышел в узкий коридор, в который выходило много комнат – у некоторых не было дверей. Решил идти влево, попутно аккуратно заглядывая в двери: пусто, никого, открытый шкаф с голыми вешалками, постер с голой девушкой над кроватью – ничего интересного. Меня только смутила одна вещь: было много кроватей – точнее, от всех остался лишь каркас, а матрасов нет, будто, давно унесли – если здесь кто-то и живёт, то где?

Шёл медленно, аккуратно наступая, чтобы не создавать лишнего шума, но холодный бетон всё равно шуршал при каждом шаге. Кое-где в стенах были дырки от пуль, и иногда встречались пятна крови. Хоть ещё и было светло – всё равно чувствовалась пустота и заброшенность. Будто со времени начала этого дурдома прошло уже лет десять, а то и больше.

Продвигался всё дальше и дальше. Коридор иногда петлял, открывая разные служебные комнатки и туалеты, из которых чудовищно воняло. И, в самом конце, дверь вывела меня на небольшую площадку, где лестница вела на верхний и нижний этажи.

«Иди вниз. Наверху ничего не будет», – посоветовал Голос.

– Откуда ты знаешь? – еле слышно, шепнул я.

«Ниоткуда. Просто подумай сам: там выбиты окна – значит, холодно, и никто жить не станет. Тем более, в подвале всегда теплее, и там легче спрятаться».

Посмотрел на лестницу, которая вела вниз, скрываясь во тьме, а затем наверх: в любом случае придётся всё проверить.

Посмотрел на часы – около двух:

«По крайней мере, у меня в запасе минимум два часа, чтобы потом отсюда нормально выбраться».

Достал фонарик, пустил небольшой кружок вниз и пошёл следом. Свет выхватывал в темноте облики коробок, стульев, металлических трубок и прочего мусора. В самом низу лестница кончалась металлической дверью. Опустил ручку – открыто. Зашёл внутрь.

Здесь стоял спёртый воздух, но было теплее. Намного теплее. В воздухе стоял запах сырости и ещё чего-то тёплого. Будто кто-то готовил совсем недавно, но непонятно что.

«Не нравится мне это, но, думаю, ты уже близко», – сказал

Голос. Его слова ничего нового не открыли – я и сам это уже понял.

Вслушался: слышно было, как в ушах отдаётся стук сердца. Оно билось быстро, а на ладонях от волнения выступил пот. Достал нож и пошёл вперёд, аккуратно наступая. Приходилось светить, иначе ничего не было видно – стояла крошечная тьма.

Слева была деревянная дверь, которая уже почернела по краям. Аккуратно взялся за ручку, и, стараясь меньше шуметь, открыл её – она предательски скрипнула, и я сразу же спрятался за стену. Аккуратно выглянул, быстро посветил – пусто. Даже крыс не было. Пошёл дальше. На полу стояли металлические ящики – внутри лежала грязная одежда. Дно у этих ящиков прогнило. Чуть дальше была ещё одна дверь, но уже слегка приоткрытая.

«Это ловушка», – сказал Голос.

– И дураку понятно, – еле слышно сказал я. Мои слова больше напоминали ветер, чем речь.

И так было понятно, что это ловушка, но, если не проверить, на меня могут напасть сзади. Не буду же я уходить отсюда, пройдя столько всего. Выбора не было. Прошёл к проходу и быстро открыв дверь, чтобы неожиданно напасть, шагнул внутрь, но комната оказалась пустой. И тут позади послышался шелест, и не успел я обернуться, как почувствовал у шеи что-то холодное и тонкое – острие ножа. Попытался ударить назад, наугад, но человек позади плотно прижал-

ся ко мне, у нас завязалась борьба, и вскоре он ударил меня о стену, а мой нож выпал из рук. В голове гудело, и, пока я ничего не понимал, он поднял меня на ноги. Было тяжело стоять, но вновь приставленный к горлу нож не давал упасть. Упавший позади меня на пол фонарик светил в стену, впереди меня. За моей спиной высилась зловещая тень.

– Шевельнёшься – зарежу как свинью, – сказал неизвестный за спиной. Он говорил тихо, холодно, и старался делать это прямо в ухо.

– В смысле? – спросил я.

– Перережу тебе горло и оставлю захлёбываться собственной кровью. Будешь потом у Создателя молиться. – пояснил он медленно, будто наслаждался своими словами. – Так, кто ты?

Я тяжело сглотнул, а затем попытался медленно потянуть руку к поясу, чтобы неизвестный ничего не заметил.

– А, а, а, – быстро сказал незнакомец, и быстрым ловким движением откинул мой пистолет в сторону. Металл жалко брякнул где-то в темноте. – Не так быстро. Сначала на мои вопросы ответь.

Мужчина говорил тихо и быстро, словно шипела извивающаяся ядовитая змея.

– Кто ты? Зачем сюда пришёл? – повторил он так, будто не мог вытерпеть моего молчания. – Ну? Отвечай... отвечай.

– Послушай, – начал я, как можно доброжелательнее, – я просто путешествоую, ок? Я не хочу неприятностей. Я просто

пытаюсь выжить, путешествую по стране, и тут забрёл сюда. Случайно, – я попытался выдавить из себя смешок, но вышло как-то неубедительно.

– Знаем мы таких. Где? Где они? Где твои дружки? Я же знаю. Знаю... Где вы встретитесь? – быстро выдавил он повелительным тоном. Я потерял контроль над собой.

– Я... я не понимаю! Ты о чём вообще?

– Отвечай, иначе они найдут здесь только труп. Твой. А потом свою смерть, – он посильнее прижал нож к коже, и что-то тёплое каплей пронеслось по горлу. Он зачем-то пошевелил мои волосы. – Странно. Вроде не похож. Но всё равно.

– Послушай, я честно не знаю! Я говорю правду! Я один. Приехал на машине. Она там, у забора стоит, – человек позади меня быстро убрал нож и толкнул меня вперёд, а затем послышался механический щелчок затвора. Он отошёл, держа меня на прицеле.

– Посмотрим... Снимай рюкзак! – скомандовал он.

– Послушай, просто отпусти меня, ладно? Я действительно не понимаю, о чём ты, – я попытался заговорить его. Хотя, конечно, и не врал – я ведь действительно не понимал, о чём он. – Давай мирно разойдёмся. Обещаю, что больше никогда меня не увидишь. Я один, больше никого нет.

– Рюкзак, – он был неприступен. Я послушно снял почти пустой рюкзак и бросил его в сторону к нему. Кружок света дрогнул, а затем и вовсе исчез, лишь изредка мелькая.

– Ну? – спросил я. Понятия не имею, что он мог там найти. – Пожалуйста, давай просто разойдёмся. Я действительно не тот, за кого ты меня принял.

– Так... так-так... Что это? – спросил он. Послышался шелест страниц. Это была карта. Он подошёл ближе, и я чуть ли не ощущал его дыхание на себе. – Что это?!

– Карта, – ответил я.

– Я, блять, вижу, что не журнал с наклейками! Что это за отметки? Почему эта база здесь отмечена? Откуда она у тебя?! – незнакомец задавал один за другим вопросы так быстро, что не было времени даже вставить хоть слово.

«Попал ты. Лучше бы тебе его прикончить и бежать отсюда, пока его дружки не подоспели», – сказал Голос. Но я не собирался его убивать. По крайней мере, сейчас.

– Я её нашёл.

– Где?

– На одной из баз. Послушай, это какая-то ошибка. Недопонимание. Отпусти меня, пожалуйста. Ты больше меня никогда не увидишь – обещаю, – сказал я, пытаюсь обернуться к нему.

– Стой ровно, – с жаром сказал он, отходя. Я продолжал поворачиваться, но он крикнул: – Я сказал: «ровно»... ЭЙ, СЮДА!

«Давай. Нож под ногами. Один выпад, точный удар, немного везения, и через несколько минут ты будешь ехать отсюда».

Я так не мог – нет. Убивать направо и налево нельзя. Если хотят – пусть убивают меня сами. Мне этот мир уже надоел.

Вдали послышались шаги, звук которых быстро приближался к нам. Я всё так же стоял у стены, подняв руки, а через секунду ещё один человек зашёл в комнату. Снова стена напротив меня осветилась.

– Смотри, что я у него нашёл, – сказал знакомый голос за спиной.

– Кто это? Ты узнал? Он один из «них»? – спросил второй голос, более лёгкий. И он мне показался знакомым.

– Не знаю. Говорит, что случайно здесь.

– В прошлый раз то же самое говорили. А потом, сука, десять наших полегло, – с тяжестью сказал второй.

– Я о том же. А он всё равно заливает. Вообще, я хотел грохнуть его сразу, но он же малой совсем.

– Это... это карта?

– Да, там наша база, другие – все. И ещё что-то, но я не понимаю, – позади снова послышался шелест бумаги. – Вот, смотри. И здесь.

– Да, я вижу... Откуда это у тебя? – спросил второй человек громче, видимо, обращаясь ко мне. До этого я молча слушал их разговор.

– Я же говорил, что нашёл. Отпустите меня, пожалуйста. Вы меня перепутали с кем-то. Прошу, – протянул я, пытаюсь сделать это как можно жалобнее. Нужно было сыграть на их жалости. Раз считают меня ребёнком – стоило их в этом

лучше убедить.

– Стой... твой голос. Знакомый какой-то, – тихо сказал второй, а затем добавил громко: – Ну-ка повернись, только медленно. И чтобы я руки твои видел поднятыми.

Медленно повернулся, держа руки над собой, и щурился от света, который бил прямо в лицо. Напротив меня стояло два силуэта.

– Нет... – тихо сказал человек справа. – Не может быть... Костя?

– Да-а, – неуверенно протянул я. А после этого второй человек кинулся ко мне, я приготовился к контратаке, но он неожиданного обнял меня и крепко прижал к себе.

– Реально? Это ты? – говорил он.

– Да... а ты кто? – спросил я.

– Как же... ты родного брата не узнаёшь? – спросил высокий человек, и слегка отпрянул от меня. Я заглянул ему в лицо. На меня смотрело заросшее густой щетиной грубое лицо, с большим шрамом на щеке. Эти карие глаза, которые будто проникают вглубь души, я не забуду никогда и узнаю из миллиона.

– Паша?..

– Да, – кивнул он, а затем снова обнял меня и тихо добавил: – Боже, неужели...

– Нифига себе... – проговорил неизвестный.

Я не знал, что мне делать. Что-что, а вот к такому повороту судьбы я оказался не готов. Конечно, в этом и был весь

смысл, но, если быть честным, то шёл сюда лишь для галочки, и давно уже не надеялся, что кто-то будет жив. Но, всё-таки, это был не сон. Или...

– Ай, – вырвалось у меня.

– Ты чего? – спросил Паша, выпуская меня из крепких объятий.

– Всё-таки, не сон, – улыбнулся я, и ноги подогнулись. – Значит, правда...

– Что это с ним? – спросил неизвестный мне мужчина, подбегая и хватая меня.

– Не знаю... Никит, помоги-ка мне... сейчас... – сказал Паша.

– Куда его?

– Внутрь. Видишь, он фигово себя чувствует...

Меня вытянули в коридор, и мы двинулись вглубь. Что-то вдалеке гудело.

– Отпусти... – сказал я, почувствовав уверенность в ногах.

– Чего ты там говоришь? Пойдём, отдохнёшь, – сказал Паша.

– Я сам смогу. Мне уже лучше, – сказал я. Обе руки меня отпустили. Всё ещё слегка покачивало, но шёл сам.

Мы всё больше углублялись. Казалось, этим коридорам нет конца.

– Как ты здесь оказался вообще? – спросил Паша.

– Я? – повторил я, не зная, что ответить. И решил сказать,

что первое в голову пришло: – Это очень длинная история. Поверь.

– У нас всех здесь длинная история, – мрачно подметил Никита. В слабом свете я рассмотрел у него длинные волосы и неухоженную бородку, но самому ему не дал бы и тридцати. Хотя, в темноте всегда всё кажется не тем, что есть на самом деле.

Возникло неловкое молчание.

– Паша, – начал я, вспомнив о самом главном, – мама ведь тоже здесь, да?

Паша ответил не сразу.

– Давай... – сказал он, и снова сделал паузу. Мы остановились напротив металлической двери. – Давай позже. Ты сейчас отдохнёшь, а потом мы поговорим. Я отвечу на твои вопросы, но ты ответишь на мои. Идёт?

– Идёт, – протянул я. Не нравился мне его ответ.

«Да мёртвая она давно. Мы ведь оба это знаем», – сказал Голос. Я проигнорировал его.

– А ты один, да? – спросил меня Паша. Всё это время Никита молча стоял рядом, смотря куда-то в темноту. На нём была чёрная тонкая, но плотная тканевая куртка и тёмные кожаные перчатки.

– Да.

– Тогда, – выдавил Паша из себя улыбку, – добро пожаловать домой. С возвращением, – добавил он, открывая дверь. Мы вошли в комнату.

Внутри горело мягкое совсем лёгкое освещение и, в целом, стоял полусумрак, но всё было видно нормально. Никита выключил фонарик, оставив его на столике у двери, и прошёл вперёд.

– Пойду остальным скажу, – сказал он, и скрылся в темноте коридора.

Дальше, до самого прохода, который разветвлялся в две противоположные стороны, стояло два протёртых дивана, а возле них – деревянный столик. У стены напротив, в конце, был отдельный проход влево, а до него шли высокие столики, возле которых хаотично, словно грибы, обитали барные высокие стулья. Посередине комнаты лежал, давно почерневший, ковёр. По краям ещё можно было различить красные с белым узоры. На столике у дивана были собраны, стопкой, журналы и кучи кружек. На столах напротив стояли тарелки, кастрюли, и прочая кухонная утварь.

– Сейчас остальные подойдут. Присядь пока, – сказал Паша, скрываясь в левой комнатке.

– Остальные? И много вас? – спросил я, усаживаясь на диван.

– Когда-то было много. Осталось четверо, – Паша показался с бутылкой в руках. – Пить хочешь?

Я взял небольшую бутылку и жадно присосался. До этого не ощущал жажду, но сейчас, казалось, не пил ничего неделю.

– Спасибо, – сказал я, отдавая воду обратно. Осталось

меньше половины литра. – Ты сказал, вас четверо осталось? Включая тебя?

Паша присел рядом, оставив бутылку на столе.

– Да. Как и сказал: раньше нас было больше.

– Раньше везде людей больше было, – устало сказал я.

– И то верно.

– А почему?

– Ну, – начал Паша, – причина одна: люди. Доверились не тем. Я... Прости, не хочу сейчас об этом, ладно? Только что встретил брата, которого давно уже считал мёртвым и... блин, не об этом хочу сейчас говорить.

– Понимаю, – улыбнулся я. Из коридора показался Никита, а за ним вышли две девушки. Одна была примерно моего роста, а другая – ниже где-то на полголовы. Первая будто светила изнутри, за неё говорила и улыбка, и светлые волосы, и довольно опрятная (по меркам апокалипсиса) одежда, и даже какая-то мягкость в движении. Другая же девушка выглядела противоположно. Не мрачной, а, скорее, сосредоточенной. Тёмные волосы и твёрдый взгляд выдавали в ней характер. Даже невысокий рост как-то увеличивал ощущение опасности от неё. И одновременно с этим её лицо казалось мне знакомым. Но их объединяло одно: обе смотрели на меня, будто я какое-то чудо света.

– Представишь нам гостя? – спросила светловолосая девушка. Другая смотрела на меня с подозрением.

Паша подскочил при их виде.

– Сегодня у нас знаменательный день, – начал он. – Это мой брат: Костя. Тот самый, который, как я думал, давно умер! А он появился сегодня сам сюда, живой, невредимый! Представляете? Женя, – обратился он к светловолосой девушке, – я много раз тебе о нём рассказывал.

– Да, я помню. Никита нам сейчас немного обрисовал ситуацию.

– И тебя тоже? – спросил Паша у второй девушки. Та кивнула.

– А вы его проверили? – сказала серьёзно она и шагнула в мою сторону.

– Кэт, подожди – чего ты так набрасываешься? Дай отдохнуть хоть пару минут человеку, – сказала Женя.

Вторая девушка резко развернулась и уставилась прямо на Женю.

– Ты уже забыла, сколько мы похоронили в прошлый раз? А до него? – выпалила она. – Я не забыла. И могу напомнить, если надо. Тогда было точно так же.

– Нельзя же так! Это Пашин брат! – ответила Женя, тоже перейдя на серьёзный тон.

Паша резко вклинился между ними, плавно раздвинув их в стороны.

– Так, девочки, тихо, – сказал он твёрдо и повернулся в сторону Кэт, говоря всё тем же тоном: – Никто здесь не забыл. И никогда не забудет. И да, мы проверили его. Клейма нет. Укусов тоже. Никита, подтверди, – при этих словах вы-

сокий парень кивнул. – И, если он что сделает, то лично с ним разберусь, ясно?

Девушка ещё какое-то время посмотрела на него, будто пытаясь проделась дыру в его голове, а затем развернулась и вышла. Никита вышел вслед за ней.

– Прости её, – сказала Женя, подойдя ко мне и сев рядом. – Она вечно так. Но она хорошая. К этому надо привыкнуть.

– Да Костя и сам её прекрасно знает, – сказал Паша. Он подошёл к столу, и встал, слегка облокотившись на него.

– В смысле? – удивилась Женя.

– Это же его одноклассница, – пояснил Паша.

– Подожди, – вмешался я. – А как её зовут?

– Кэт... ой, Катрин.

– А фамилия?

Паша посмотрел в потолок, будто там был написан ответ, а через несколько секунд ответил:

– Не помню. Вроде на «д» начинается.

Попробовал вспомнить свой класс и понял, что почти всё забыл. Это даже казалось каким-то странным сном. Будто вся та обычная жизнь – лишь сон. И вот ты проснулся, а образы уже вытекают из памяти, будто песок сквозь пальцы, и никак его не уловить. Помнил Максима Бурликина, Дениса Жикина, Веронику Сильвееву, Настю Гарлыкевич, а вот Катрин... Катрин... Я не помнил почти весь класс.

Хотя, признаться, знал ли его хоть когда-нибудь? Неуди-

вительно, что сейчас не могу вспомнить.

– В общем, если нужно – сам у неё спроси, – сказал Паша.

– Ладно, – сказал я, – потом узнаю.

– Давайте это опустим сейчас. Это не самое важное, – сказала Женя. – Лучше расскажи, как ты к нам попал?

– Я... я искал маму... хоть кого-нибудь, – ответил я тихо.

Смысла скрывать правду не было.

Женя тихо вздохнула, прикрыв рот рукой. Её взгляд на секунду исказило удивление, а потом он наполнился бесконечной грустью и сочувствием.

– Ой, божечки... – сказала она.

– Что? – спросил я. – Что такое?

– Ты ему ещё не говорил? – спросила Женя у, видимо, Паши, не переводя с меня взгляд.

Я решил не медлить. Ответ был ясен.

– Она умерла, да? – спросил я.

Женя посмотрела на меня и медленно кивнула. В этот момент, казалось, та призрачная мечта окончательно улетучилась. Исчезла, не оставив и следа. Мгновенно стало так одиноко и пусто. Даже не сразу понял, что по щекам текут слёзы, пока кто-то не начал трясти меня за плечи.

«Я же говорил. Мы оба это знали», – сказал Голос.

– Как же так... – тихо слетели слова с моих губ. – Всё... было зря?

«Успокойся. Ты ведь это знал».

– Эй, Костя, успокойся... – сказал откуда-то сбоку Паша. –

Блин, я хотел его приготовить как-то, а ты вот так сразу...
Подай ему воды, пожалуйста.

– Как?.. Когда? – спросил я, смотря куда-то в одну точку на диване. Точнее, даже не смотрел на неё, а просто туда был направлен взгляд.

– На, попей, – чьи-то руки приложили бутылку к моим губам. Нехотя сделал пару глотков, и туман в голове слегка рассеялся. Повернул голову и увидел, что Паша стоит рядом, слегка придерживая меня за плечи одной рукой, а в другой держал бутылку.

– Как она умерла? – ещё раз спросил я. Паша убрал бутылку, Женя встала, и он сел на её место.

– Не буду вам мешать, – сказала она, выходя.

Паша тяжело вздохнул.

– Она... – начал он, – она умерла. Давно. Ещё в самом начале. Не знаю, помнишь ты или нет, но в последние дни мама странно себя вела, тогда ещё...

– Да... видел у неё синие пятна на руках... – я давно знал об этом, но теперь, когда надежда растаяла, на меня словно накинули камень.

– Значит, видел... Так вот, когда нас эвакуировали и перевезли во временный лагерь – ей стало намного хуже, но я об этом не знал сразу. Она скрывала – ты же знаешь маму: вечно в себе всё держала... А в автобусе, потом, когда везли дальше, мама потеряла сознание. Я даже и не заметил сразу, потому что она сидела в конце автобуса с бабушкой, а я бли-

же. Они там всех проблемных в конец посадили – только бабушка не хотела оставлять её одну, даже небольшой скандал был, но разрешили... Ты наверное и не знаешь, она ещё за мамой ухаживала дома, но они обе тогда молчали. Бабушка мне рассказала потом, на той базе... Фух... – Паша тяжело вздохнул. – И попросила меня не говорить никому, что мама заражена. Представляешь, её как-то пропустили, даже не знаю как – вот так всегда у нас со всем. И я, дурак, молчал... Молчал, потому что боялся за неё. Или за себя – не знаю. Это всё уже неважно. Когда... когда мама умерла, никто не заметил сразу, как она обратилась в это... чудовище. А когда заметили – было уже поздно. Первой она перегрызла горло бабушке – та даже не успела проснуться... Кто-то закричал, я тогда и обернулся... Потом начала нападать на людей во круг. Я только бросился к ней, но наш автобус резко накрепился и перевернулся – не знаю, что произошло... Меня выкинуло в окно, на траву. Много кто умер... Точнее, почти все. Выжил только я, и та девочка – Кэт... Мы потом добрались до города, а затем сюда: тут группа была, они нас очень добро приняли... Тогда ещё так можно было, хотя никого из них уже не осталось... В общем, вот так, – Паша немного помолчал, а потом добавил: – Извини, сумбурно как-то вышло. Детали я уже не помню, да и зачем тебе их знать...

Я не отвечал, пытаюсь переварить всю информацию. Получается, мне тогда не просто показалось: она действительно была больна.

«Но почему, мама? Почему ты ничего не сказала?»

«Понятно же: чтобы её в больницу не забрали».

Паша попытался меня приобнять, но я отстранился.

– Не нужно. Всё... всё в порядке, – тихо сказал я.

– Уверен? Я ведь тоже через это прошёл.

– Не пойми неправильно: я знал, что так и будет. Знал.

Просто встретиться с фактом лицом к лицу намного тяжелее, чем просто предполагать. Но мне нужно было.

– Это всегда так.

– Что теперь делать... – тихо сказал я.

– Ты о чём? Что сейчас делать?

– Нет, это вообще... по жизни.

Паша посмотрел на меня удивлённо:

– Как это «что»? Оставайся здесь, с нами. Или у тебя кто-то ещё есть?

Посмотрел на Пашу и грустно улыбнулся, едва сдерживая слёзы.

– Никого у меня нет. Больше никого.

– Ну, это неправда, – тихо проговорил он. – А я? Ты же мой младший брат, как-никак. Единственная семья, которая осталась, – он помедлил несколько секунд, а затем добавил. – Ты остаёшься, и точка. Я не могу потерять тебя снова, когда уже и перестал надеяться, а ты появился.

– Я хочу этого не меньше, чем ты, но не могу... – я вспомнил то, почему умирали все мои близкие люди.

– Почему? Что за бред ты городишь? Как это ты не мо-

жешь остаться, когда тебе никуда не нужно возвращаться? Может ты устал? – он потрогал мой лоб. – Вроде жара нет...

– Да не больной я... Это тяжело объяснить. Просто знай: без меня всем вам будет только лучше, – я начал вставать, но Паша схватил меня за руку.

– Бред! – воскликнул он. – Что за херню ты несёшь?! Ты мой брат! Мой младший братишка, которого я считал мёртвым! И вот, чудо, ты пришёл. С того света пришёл! И будет лучше снова потерять?!

– Но... – начал я.

– Нет! Ничего и слышать не хочу! – оборвал меня Паша. – Ты дурак совсем?! Или больной?

– Паша, я проклят, понимаешь?! – не выдержал я, а затем меня будто затрясло, и уже говорил тихо: – Все... все, кто мне был дорог – они мертвы. Мертвы, понимаешь? Я не хочу... и тебя, – я молча встал, чтобы выйти. – Дай мне рюкзак, и я уйду. Пожалуйста...

Паша молча встал, а затем резко ударил меня по лицу, от чего я упал обратно на диван.

– Больной, да? Ну так я выбью из тебя эту дурь. И к батарее закую, если надо будет. Значит, так: ты остаёшься здесь. Ясно? – он говорил тихо, но твёрдо. – Что это за херня? Проклятье? Думаешь, ты единственный, кто потерял кого-то? Думаешь, только у тебя на глазах умирали? И что, все прокляты? Но я живой, ты живой – что-то здесь не так.

Я не знал, что ответить. Щека болела. А Паша продолжил:

– Я тоже похоронил друга. Не одного. Было больно. Очень больно – хоть в петлю лезь. И хотелось. Да, тоже думал: «Почему я остался жив? Может это я так проклят и вот моё наказание?», но нет, это не так. Они смотрят на нас сейчас отсюда, – он указал в потолок, – и хотят, чтобы мы жили дальше. За нас, за них. Чтобы мы смогли, когда-нибудь, вернуться в то время, когда можно не думать о том, как выжить, не ожидая даже следующего дня. Чтобы мы снова улыбались, а не проливали слёзы по новым потерям. Думаешь, у тебя одного трагедия? Да все здесь потеряли слишком много, чтобы это вынести, но мы выносим. Мы идём дальше. И ты будешь. Потому что мы выжили, и лишь поэтому будем нести этот крест за тех, кто остался позади. Мы будем их глазами, ушами и будем улыбаться за них, радоваться новому дню, а не ожидать его с опаской. Ты меня понял?!

Молча кивнул. Его слова были более чем убедительными и, кажется, распалили что-то внутри меня.

– Так-то лучше. И больше, чтобы я от тебя такого не слышал. Мир вокруг тебя не вертится. И люди погибают, потому что так получилось, а не потому, что ты был рядом. *C'est la vie.*

Паша тяжело вздохнул и сел рядом. Из коридора показалась Женя.

– Что такое? Что за шум, а драки нет?

– Да вот Косте мозги вправлял, – ответил Паша. – Глупости говорит. Но мы уже всё разрешили – так?

Я кивнул.

– Так, из-за чего весь этот сыр-бор? – спросила девушка.

– Потом тебе расскажу. Иди в комнату. Хочу ещё немного с братом поговорить, – ответил Паша.

– Поняла, – сказала девушка и скрылась снова в темноте левого коридора.

– Так, – начал Паша, – а что с тобой-то было? – при этих словах он резко выдохнул. – Блин, прошёл лишь год, а столько всего произошло... Тогда была совершенно другая жизнь, не такая.

– То и была другая жизнь, – сказал я.

– Так как ты дошёл до жизни такой?

Я выдохнул.

– Можно воды? – спросил я. Паша молча подал бутылку, где жидкости оставалось лишь на дне. Я с волнением посмотрел на это.

– Не волнуйся насчёт воды, – заверил меня Паша. – У нас её ещё много. Целый склад. Тут вообще много чего осталось после военных. Готовились к тому, чтобы долго выживать, да вот только зря.

– А что случилось?

– С кем?

– С военными.

– Да что везде: сначала пытались поддерживать порядок, потом, как связь пропала на второй месяц, стали сами за себя. Да это и неважно уже. А вот твою историю хочется по-

слушать.

После его слов медленно допил и поставил пустую бутылку на стол. Затем рассказал ему обо всём. С самого начала. Тихо и спокойно. О том, как нас эвакуировали со школы; как я ждал во временном лагере – Паша ответил, что их повезли в другое место, где он ждал меня. Рассказал как во время перевозки тоже что-то произошло и что наш автобус перевернулся; о том, как мы вместе с Павловым, Майком и Максимом выживали; о предательстве Максима и Майка; о том, как Павлов умирал на моих глазах, но всё равно защищал меня, и что мне пришлось его убить. Правда, своё помешательство опустил, сказав, что выживал в одном из домов. Потом рассказал о том, как встретил другую группу людей; о Свете, Лёше, Олеге; о культе фанатиков, которые приносили людей в жертву, суициде Олега; о том, как снова остался один, и нашёл деревню, где люди убили друг друга ради еды; как нашёл целое поселение людей, которое, в итоге, оказалось ловушкой. Паша внимательно слушал, а я продолжал. И рассказал о том, как на моих глазах людей убивали ради забавы, и о том, как я сам впервые убил. Рассказал о том как остался один, и о том, как нашёл Кристину, и как она погибла из-за меня, и что пришлось её убить окончательно, а так же убить всю группу тех скотов. И то, как я, в итоге, оказался здесь. Про Голос не говорил – мне не хотелось сейчас это поднимать.

–... а потом тот парень приставил к моему горлу нож...

Ну, дальше ты знаешь, – закончил я.

Паша ещё некоторое время молчал, когда я закончил. Посмотрел на часы – «21:22». За то время, пока рассказывал, несколько раз заходила Женя, чтобы что-то взять из маленькой комнаты, и Катрин один раз проходила. Но, в целом, мы были одни с Пашей.

– Ох, – тяжело вздохнул он, наконец. – Помотала тебя жизнь, братишка... Понимаю, что она сейчас ещё более тяжёлая, чем раньше, но чтобы так... Ты... ты говорил, что хотел покончить с собой? Или мне показалось?

Я кивнул. Мне было всё равно уже.

– Хорошо, что этого не сделал. Но ты не подумай: от такого кто угодно бы сдался, я не осуждаю... Ты... ты молодец, – он положил руку мне на плечо и улыбнулся. – Молодец, что пришёл сюда. Теперь всё будет хорошо.

– Хотел бы в это верить, но пока ни во что не могу, – устало сказал я. – Я устал сегодня. Можно куда-нибудь лечь? Могу и на пол, мне не принципиально – только лучше бы какое-нибудь одеяло, чтобы не замёрзнуть.

Паша резко подскочил.

– Конечно-конечно. Никакого пола – найдём что-нибудь... Сейчас, идём, – он пошёл в тёмный коридор налево. Я шёл следом. Тело слегка качалось, а в голове был небольшой туман. Ничего не хотелось.

«Лишь бы поскорее кончился этот день...»

– У нас здесь пять комнат есть – выбирай любую, – сказал

Паша.

– Ой, дай любую. Лишь бы просто было место, где поспать.

– Хорошо. Пойдём.

Мы прошли мимо нескольких железных дверей, в конец коридора. Там он кончался ещё одной дверью. Паша с силой открыл дверь и щёлкнул переключателем на стене – в комнате загорелся слабый желтоватый свет. Внутри, вдоль стены напротив входа, стояла металлическая кровать с голым матрасом. Ещё у другой стены стояло два деревянных стула. Стены, у самого потолка по углам, слегка потемнели, и был виден тонкий слой мха.

– Постой здесь, сейчас принесу что-нибудь, чем можно накрыться, – сказал Паша, выходя из комнаты.

– Не нужно, – сказал я, но он уже скрылся.

Я медленно подошёл к одному из стульев и устало плюхнулся на него.

«И что дальше? – спросил Голос. – Останешься с ними?»

– А что ещё остаётся? Так просто сдыхать не хочется – может хоть чем-то помогу перед этим. Паша прав: все они хотели, чтобы я жил, – при этих словах я медленно поднял руку в сторону лампочки и посмотрел сквозь пальцы на свет. – Глупо и мерзко было бы так наплевать на них.

«Снова эта песня... Не буду тебе повторять. Ты и сам прекрасно знаешь, к чему сам их приведёшь.»

– Никто больше не умрёт, – тихо сказал я. – Хватит с меня

смертей. Если что – я сам первый и умру, но не подставлю другого.

Голос ничего не ответил.

Через несколько минут пришёл Паша, держа в охапке стопку, кое-как сложенного, белья.

– Еле нашёл, – сказал он, вздыхая, и положил бельё на кровать. – Тебе помощь не нужна? Справишься?

– Нет, спасибо. Ты иди, дальше я сам как-нибудь, – я встал со стула и подошёл к кровати.

– Всё нормально? Ничего не нужно? Может, перекусить что-нибудь принести? – спросил Паша, стоя в дверях.

– Ничего не нужно, Паш, – постарался улыбнуться, но не думаю, что вышло что-то. – Просто очень устал.

– Понимаю... Спокойной ночи. Свет только не забудь выключить – мы его экономим по возможности, – сказал Паша, закрывая за собой дверь и оставляя меня одного.

Кое-как постелил бельё, быстро разделся и упал на кровать, забираясь под холодное одеяло. А затем вспомнил, что не выключил свет, встал со вздохом, быстро щёлкнул переключателем и лёг обратно.

Было странное ощущение. Ещё утром у меня всё было иначе: разочарование, одиночества, безнадёжность и последняя идея-фикс. Но вот встретил брата и живу бок-о-бок с другими живыми людьми. У них даже свет есть, еда... И кровать, вроде, неплохая – точно лучше всего того на чём спал последние недели. Всё как в старом мире... И эти, чёртовы,

«спокойной ночи»... Конечно, к хорошему быстро привыкаешь, но для меня сейчас это было очень непривычно.

* * *

Утром кто-то мягкими толчками вырвал меня из удушающего тяжёлого сна. Это была Женя.

– Утречка. Ничего, что разбудила? – спросила она, сидя рядом на кровати. С коридора сюда едва проникал слабый свет, но даже при нём увидел на её лице улыбку. Её волосы были собраны в небольшой хвост.

– Странный вопрос, – ответил я.

– Ты как себя чувствуешь? Как спалось? Не холодно? Зевнул и сел.

– Одно из лучших мест, где был за последний год, – ответил я спокойно.

– Вот и замечательно, – сказала Женя, встала и пошла к выходу. Она остановилась в проходе и добавила: – Подходи на кухню. Все уже позавтракали. Только тебя не было.

Посмотрел на часы, которые забыл вчера снять: «9:05».

– Я в такое время, обычно, ещё сплю, – ответил я, спустив ноги с кровати. – Но спасибо. А где тут кухня?

– Вы же вчера там с Пашей разговаривали – забыл? – всё так же улыбаясь, ответила девушка.

– Понял. Не знал, что это кухня... Сейчас приду. Включи свет, пожалуйста.

– Конечно, – мягко ответила Женя, щёлкнула переключателем, и закрыла за собой дверь.

«Вот ты снова в окружении людей. Живых. И вот у тебя снова нет цели. Что собираешься делать?»

– Я уже отвечал и мой ответ не поменялся: останусь с ними. Буду защищать, пока получается. Может, хоть так моя жизнь будет иметь какой-то смысл, – тихо ответил я.

«От кого ты их защищать собрался? От себя, надеюсь? Ты ведь для них самая главная угроза».

– Ой... – вздох вырвался из груди. – Заткнись. Достал. Что будет – то будет.

«Дело твоё».

– Вот именно, что моё. И я постараюсь их оградить от опасностей, по возможности, даже ценой собственной жизни. Больше бежать и сомневаться не собираюсь.

«То есть, ты готов уже на всё? Ты ведь их даже не знаешь».

– А мне больше нечего терять, – усмехнулся я. – Что так, что так – разницы лишь в том, что сейчас у меня есть хоть что-то.

«А как же твои принципы? Человечность, о которой ты столько распинался?»

– А что с этим? Я же не собираюсь причинять страдания ради развлечения. Не собираюсь отбирать последнее у таких же жертв, как мы. Как раз наоборот: собираюсь помогать, отдавая себя полностью – разве это не человечность?

Голос ничего не ответил.

Встал с кровати, быстро оделся, а затем застелил кровать. Хоть обычно этого и не делал, но сейчас мне захотелось. После этого вышел в коридор. В воздухе пахло чем-то тёплым, и до боли знакомым.

– Садись где-нибудь, я сейчас... – сказала Женя из прилегающей комнатки, едва выглянув и снова спрятавшись, когда я зашёл.

Молча сел на диван. Девушка через несколько секунд показалась с тарелкой в руках. Оттуда шёл лёгкий дымок. Внутри оказалась гречка. С ней было перемешано ещё что-то.

– Может не самая крутая еда, но чем богаты, так сказать, – оправдалась Женя, присаживаясь рядом.

– Ты чего? Мы же не в ресторане, – улыбнулся я из-за такого стеснения. – Если бы ты знала, что я ел... особо выбирать и не приходилось.

– А что ты ел?

– Консервы, чипсы, печенье, сухие макароны, мясо, часто испорченное – вообще всё, от вида или запаха не тошнило, – ответил я, быстро поедая гречку. Эта тарелка была самым вкусным, что я ел за последние месяцы. – Часто вообще ничего не было или приходилось сильно растягивать.

Вместе с гречкой, как оказалось, была тушёнка.

– Бедный... Ну, теперь-то, думаю, будет лучше. Хватит себя убивать вредной едой!

Смешок невольно вырвался у меня и несколько кусочков

чуть не вылетели изо рта.

– Чего смеёшься? – Женя не выглядела обиженной.

– Просто не думал, что сейчас кто-то заботится об этом, – всё ещё улыбаясь, ответил я. – Ведь и раньше-то не особо заботились.

– Вот и зря! Глупые, потому что! Вот вернёмся мы к прежней жизни, а потом будем в пятьдесят лет жаловаться на то, что желудок болит – тебе это надо?

Вернуться к прежней жизни и прожить до пятидесяти... Мне это кажется таким же нереальным, как если бы мы прямо сейчас вышли на улицу и просто так полетели в небо. Со всем невозможно.

– Вряд ли люди проживут ещё с десятков лет, – мрачно ответил я. – Нас уже почти не осталось.

– Ну, а я думаю иначе. Катаклизмы случаются далеко не в первый раз и люди как-то переживали это, снова размножались. А сколько войн было, эпидемий... Вот увидишь: твои дети уже увидят новый мир, и не будут стараться просто выжить.

«Мои дети... Ещё одна нереальная вещь», – но дальше спорить не стал.

– Время покажет, – просто ответил я. – Если честно, то не вижу смысла строить эти картины в воображении насчёт будущего. Гораздо важнее выжить сейчас – дожить до завтра. А там будь что будет.

– Но в будущем, вот увидишь, всё поменяется, – всё никак

не успокаивалась Женя. На кухню зашёл Паша.

– А где Никита? Не видели? – спросил он.

– Дежурить пошёл, как обычно, – ответила Женя. – Ты же его знаешь.

Паша сел рядом со мной.

– Вот неймётся ему. Каждый день встаёт раньше всех, а потом приходит поздно ночью. Сегодня, вообще-то, моя очередь.

Встал и пошёл к Жене с пустой тарелкой. Прилегающая комнатка оказалась не такой и маленькой: с одной стороны стояли две плиты, а рядом были шкафчики и тумбочки. С другой же стояли три глубоких раковины. Всё здесь было аккуратно расставлено и места хватило бы для шести человек.

– Где тут можно её помыть?

– Прямо в раковине, – Женя посмотрела на меня с лёгким удивлением.

– У вас есть вода? – удивлённо спросил я. – Я думал, что ничего не работает.

– Если бы не Никита – не знаю, как бы мы и выживали, – сказала Женя. – На нём всё и держится.

– Эй! – возмущённо воскликнул Паша из главной комнаты. – Я всё слышу.

– Ничего, дорогой. Ты тоже важный, – Женя мне слегка подмигнула, и я улыбнулся.

Вода была ледяной, но то, что она была, уже радовало. Последний раз видел работающие краны в Остании. Кое-как

отмыл тарелку и поставил её на полочку.

– Неплохо вы здесь устроились, – сказал я Паше, когда вернулся в кухню. Он всё так же сидел на диване, скрестив пальцы на подбородке – я видел это много раз, когда он что-то усердно обдумывал. – О чём думаешь?

– А... так... Ничего, – отмахнулся Паша.

– Паша, я прожил с тобой почти всю жизнь. И знаю тебя превосходно. Говори. У тебя на уме что-то есть, и это не ерунда.

Паша откинулся и на несколько секунд, вздохнув, закрыл лицо руками. Затем медленно их убрал в стороны, смотря в потолок.

– Просто... – начал он, – меня всё одна мысль не покидает: нам нужно уходить отсюда, и как можно скорее, но Никита против, и я не знаю как его уговорить.

– Зачем отсюда уходить? – удивлённо спросил я. – Здесь же всё есть.

– Потому что сюда могут прийти.

Женя появилась из прохода и выключила свет в маленькой комнатке:

– Снова ты об этом? – спросила она, подошла, села рядом и приобняла Пашу, прижимая к себе. – Всё будет хорошо. Никто уже не придёт.

– Нет. Ты не видела его лица. Они придут снова – это лишь вопрос времени, – с тревогой в голосе сказал Паша.

– Значит, мы снова их вышвырнем.

Паша резко обернулся к ней.

– Да, я знаю, что говорю глупости, – сразу же грустно добавила Женя. – Просто... я не хочу снова скитаться. Мы ведь здесь уже всё обустроили. Почему они не могут нас просто оставить? – девушка спряталась в плечо Паши.

– Может, мне кто-нибудь объяснит? – спросил я. Не хотелось вмешиваться, но ничего не понимал.

– Ты ему не рассказал? – спросила Женя.

– Нет... не совсем, – ответил Паша. – И сейчас не хочу. Костя, давай потом. Это очень близкое. Я говорил, что нас раньше было больше... Блин, как мне до Никиты достучаться? Он ведь точно не захочет и слушать. А без него мы не поедem.

– Ты что-нибудь придумаешь, как всегда. Да и теперь у тебя ведь есть помощник, – сказала Женя, смотря на меня.

Паша вздохнул, поворачиваясь ко мне:

– Пойдёшь со мной?

– Идём, – я встал с дивана.

– Так сразу? Ну, пойдём, – он встал следом и взял куртку, которая висела на вешалке у входа, которую я до сих пор не замечал. Ещё он взял с собой нож со стола.

Паша открыл дверь и пропустил меня вперёд, прямо в объятия кромешной тьмы, а затем вышел сам, включил фонарик и закрыл дверь. Здесь было холоднее, но не так холодно, как на улице. Мы пошли по коридору, как мне подсказывала память, к лестнице наверх, мимо пустующих закрытых

комнат.

– А что здесь вообще было? – наконец, решил я разрушить тишину.

– Здесь раньше жили люди. Везде. Точнее, здесь, в подвале, видимо, жили только работники, а остальные люди навверху. Но когда мы приехали сюда – здесь уже была лишь тень того, что задумывалось изначально. Столько трупов было...

– В смысле «вы приехали»?

– Я же тебе говорил, что мы здесь были не с самого начала... Или не говорил? Ай, не важно. В общем, мы вчетвером сюда только летом попали. Я, Женя, Кэт и Дима. Дима... не повезло бедняге, – Паша на несколько секунд замолчал, а потом продолжил: – И вот, в общем, когда мы случайно сюда забрели – здесь уже был только Никита.

– Один?

– Да. У него... были причины. Сначала у нас вышло недопонимание, но мы быстро всё разрешили, начали обустриваться. Потом даже попытались объединить людей... Знаешь, сигнал посылали по рации.

– Когда? – удивился я. Меня это удивило, потому что эфир всё время был пустой. У Миши было маленькое радио, которое я слушал каждый день, но кроме сообщений из самой Остании там ничего не было.

– Не помню точно. Да и сейчас разве скажешь, когда это точно было? Недели, месяцы – всё потеряно... Было жарко – это точно. Наверное, середина лета.

– Но я вас не слышал...

– Правильно. Мы ведь посылали сигнал на коротких волнах. В пределах нескольких десятков километров. По крайней мере, так Дима говорил – это он всем занимался. Связист...

– А что потом?

Мы уже поднимались по лестнице. После темноты подвала серое утро казалось нереально ярким. Пришлось прикрывать глаза.

– Потом?.. – вздохнул Паша. – То же, что и обычно. Люди не меняются, знаешь? Если бы дали возможность вернуться – никогда не согласился на это. Но, с другой стороны, сколько мы помогли... В общем, всё, по началу, было хорошо. Медленно, но люди к нам приходили. Я и не заметил, как нас уже стало около сорока человек. А ведь было всего пятеро. Даже месяц назад нас было ещё двадцать человек. А сейчас, вот, осталось четыре... Ещё до начала зимы, вроде, пришёл к нам один парень. Лысый, с татуировкой дракона на голове. Попросился к нам. Сказал, что выживал в Кантере, и услышал недавно сигнал. Никто его не заподозрил – а как бы мы это сделали? Правда, Никита сказал, что он какой-то странный, но я не придал этому значение. А через несколько дней к нам пришли они... Целая группа. Человек пятнадцать. Все вооружены. На машинах. И... – Паша остановился у окна и замолчал.

– Можешь не продолжать. Я всё понимаю, – я встал рядом.

Паша на секунду улыбнулся, всё так же стоя у окна, в которое ярко светило солнце. Оно сейчас, даже если бы и захотело, не смогло бы спрятаться никуда, ведь небо было чистым и бесконечно глубоким.

– Ничего. Лучше, чтобы ты знал. Я хочу, чтобы ты знал. Да и у тебя этой татуировки нет. Да и вообще, ты же мой брат... В общем, тот их впустил внутрь, а они сразу начали убивать наших. Без предупреждения, без каких-то требований. Просто так убивать. И всё кричали: «Предать огню! Предать огню!». Фанатики какие-то. У них всех была эта татуировка на бритой голове. Точнее, это была даже не татуировка, а клеймо. Мы кое-как отбились. Много наших умерло – никто ведь не ожидал такого. Их мы тоже потрепали, конечно. После этого мы перестали слать сигнал... Месяц назад они снова заявили. В этот раз мы уже были готовы, но всё равно... от нас почти ничего не осталось, как ты мог и сам заметить. У меня, как видишь, тоже след остался, – Паша указал на шрам на щеке.

– Понятно теперь, почему ты хочешь уехать. Я бы сразу уехал отсюда.

– А куда нам было ехать? Зима на дворе, куча вещей, да и как перевезти сразу двадцать человек? В несколько заходов – бензина не напасёшься... Сейчас у нас и машины уже нет... Эти скоты забрали.

Здесь было холодно. Морозное дыхание зимы проникало внутрь здания без проблем из-за отсутствующих окон. Мы

пошли дальше. Никита стоял на втором этаже.

На полу лежало много гильз, вперемешку с битым стеклом и прочим мусором, а все стены были в дырках – следах от пуль. Всё это вместе сразу же давало понять, что здесь произошло. А кровавые пятна на стенах и протянутые линии на полу говорили о том, что это было не так уж и давно.

Никита стоял в большой комнате у окна. По центру было большое тёмное пятно.

«От гранаты», – пояснил Паша.

– Ну, что там? – спросил он, подходя к тёмному силуэту человека с автоматом.

– Тихо.

– Послушай, – начал Паша, – нужно поговорить. Отойдём.

– Что-то случилось? – спросил Никита, отходя от окна.

Он на секунду остановил на мне взгляд, а затем двинулся дальше, будто не замечая.

– Ничего. Просто мы до последнего тянули, и сейчас – лучшая возможность.

– Для чего? Или ты снова об этом?

– Да, чтобы уехать.

Никита на несколько секунд впился глазами в Пашу, а затем ответил:

– Ты и так знаешь мой ответ: нет, – и пошёл к выходу из комнаты.

Паша резко взял его за руку.

– Да как ты не поймёшь? Мы не можем здесь оставаться.

Ты ведь видел, что тогда тоже несколько убежали, как в прошлый раз. Они снова придут. Придут, понимаешь? В этот раз нам конец, – Паша еле сдерживался, чтобы не перейти на крик.

– И что? Какая разница? – сказал тихо Никита, дёргая рукой, но Паша держал крепко.

– Да почему ты так упрямисься? Я понимаю, что у тебя сестра здесь похоронена, но это не причина, чтобы лечь рядом с ней в могилу, – Паша помедлил немного, а затем добавил: – Если вообще ляжешь в могилу.

– Отвали, – грубо ответил Никита. – Хотите ехать – уезжайте. А я останусь. Если Бог решит, что время пришло – значит, так и быть.

– Послушай, Никита, – я решил присоединиться. – У меня есть машина. Мы сможем доехать до города. Я лишь немного услышал о том, что у вас произошло, но уже понимаю, насколько здесь паршиво оставаться.

Никита резко вырвал руку и быстрым шагом пошёл ко мне, встал напротив и начал сверлить взглядом.

– Ты что здесь вообще забыл?

Я отлично знал этот взгляд. Только вот не осталось во мне ничего прежнего, чтобы просто избежать проблемы. Мне было всё равно на последствия, поэтому решил добавить огня.

– С братом пришёл. Одному идиоту мозги вправить, чтобы глупо не сдох.

– Значит, это я идиот? – он хмыкнул, а затем резко замахнулся, но я успел уйти в сторону и ударить его в живот, от чего его ноги слегка подкосились.

– Хватит строить из себя жертву, понятно? Все мы потеряли что-то важное, – процедил я сквозь зубы.

Никита ударил меня по ноге, от чего я упал на одно колено. Паша не вмешивался. Он знал, что нам обоим это было необходимо.

– Да что ты вообще знаешь? Появляешься непонятно откуда, и начинаешь тут себя самым важным показывать? Умирал у тебя самый близкий человек на глазах? – Никита ударил меня по лицу сверху, свалив на пол. – Видел, как жизнь медленно уходит?! – он и сам упал рядом на колени, тихо всхлипывая. – Видел?.. Знаешь, как больно это видеть и ощущать беспомощность? Ведь всё, что ты можешь – это просто не дать ей стать этим монстром...

– Про неё Паша говорил? – прохрипел я, поднимаясь и выплёвывая кровь. Никита сидел на коленях рядом, протирая ещё влажные щёки.

– Лизонька... моя сестра.

Я сел, упираясь спиной в стену:

– Мне жаль... Как это произошло?

– Неважно, – тихо ответил Никита.

– Расскажи. Поверь, станет легче.

Никита медленно встал. Момент чувственности прошёл, и он вернулся к прежней маске безразличия. Хотел расска-

зать свою историю, но понял, что сейчас это будет бесполезно.

– Неважно, – повторил он.

– Никита, поехали, – Паша неожиданно подошёл сзади и положил руку ему на плечо. – Как мы без тебя?

– Я остаюсь. И точка.

После этого Никита пошёл к выходу, но в противоположную сторону от того, откуда пришли мы. Паша подал мне руку и помог встать:

– Пойдём.

– А как же Никита?

– Не знаю... Ты ведь видишь, что он не слушает. Сколько раз уже пытался: и я, и Женя, и даже Кэт – он никого не слушает. Это его выбор, – Паша скрылся в проходе. Я пошёл следом. Мне не совсем была понятна логика брата. Казалось, что он слишком легко сдался. Что-то здесь не складывалось.

Через несколько минут мы уже зашли внутрь тёплой жилой секции подвала. За столом сидела Кэт, медленно перебирая ложкой кашу в тарелке. Паша пошёл дальше. Ему нужно было сказать Жене, чтобы она собиралась.

– Привет, – сказал я. Было как-то неловко находиться с ней наедине.

– Привет... – тихо сказала она тонким спокойным голосом. Повисла тишина. Ждал, что она что-нибудь спросит, но ей, видимо, нужно было молчание.

Примерно через десять минут Паша вылетел из прохода.

– Кост... – он оборвался, поворачиваясь в сторону Катрин. – Ой, Кэт, привет. Я тебя... как-то не заметил. Тут такое дело... Помнишь наш разговор несколько дней назад? – девушка кивнула. – Ну так вот: собирай вещи. Сегодня уезжаем.

– Как?.. – удивилась Катрин. – У нас же нет машины. Уже нет...

– Ошибаешься, – улыбнулся он. – Как, по-твоему, Костя сюда попал? Думаешь, он бы шёл пешком десять километров по снегу?

– А Никита? Согласился?

– С этим сложнее, – ответил Паша. Но Кэт, кажется, всё поняла и так. После она посмотрела на меня недоверчиво, а затем встала со стула, и пошла мыть за собой посуду.

– Успеешь? – спросил Паша.

– Куда идти? – спросила девушка, проходя мимо Паши.

– Неси вещи сюда, к выходу. А там разберёмся. Только много не бери. Это, всё-таки, внедорожник, а не грузовик.

– Поняла, – она окончательно скрылась в тусклом коридорном свете.

Паша подошёл ко мне.

– Костя, поможешь? Там нужно кое-какие вещи собрать, перенести. Да и одному опасно ходить, когда руки заняты.

Я в ответ кивнул. Следующие несколько часов мы сначала собирали вещи в сумки (в основном еду), которые остались от тех, кто здесь жил раньше. А затем переносили это в ма-

шину. Ещё полчаса убили только на то, чтобы разобраться с замком и только тогда смог заехать во двор. Затем мы с Пашей перенесли небольшой бензиновый генератор, который, как оказалось, питал всё электричеством.

– А зачем тебе катана? – удивился Паша, увидев, что лежит у меня на заднем сидении.

Я непроизвольно улыбнулся.

– Это... просто нравилось всегда. Была возможность – вот и забрал.

– Хорошая штука, – он достал её и немного повертел в руках, достал из ножен, снова повертел и засунул обратно. – Острая... Нормально с ней обращаешься?

– Научился. Восставших хватает.

– Восставших?.. Это ты так про мертвяков? Да... ты же говорил так раньше, – я кивнул. – Интересное название. Если подумать – даже логично, – он замолчал, а потом добавил тихо: – А ведь это когда-то были чьи-то родители, дети, братья, сёстры, друзья, любимые...

Ничего не ответил. Паша положил катану в багажник.

– Что теперь будет? – спросил я. Мы стояли, упёршись спиной в капот машины, ожидая, пока подойдут остальные.

Паша вздохнул.

– Заедем домой. В последний раз. Не думаю, что мы потом вернёмся в эти края.

– К НАМ домой?

– Да.

– Зачем? Там ведь ничего уже не осталось, наверное.

– Мне так не кажется, – улыбнулся Паша. – Ну, а даже если и нет – просто хочется побыть дома. Вспомнить, что когда-то у нас была нормальная жизнь. Хотя... нет. Нормальной она не была. Но тогда всё равно было иначе.

– В воспоминаниях всегда всё иначе, чем в жизни.

Паша усмехнулся.

– Смотрю, ты у нас в философы подался. А мне казалось, что ты ещё ребёнок.

– Паша, в этом мире невозможно быть ребёнком, – я пошёл в машину.

Паша остался стоять. Вскоре и девушки подошли.

– Ты хочешь за рулём? – спросил Паша, заглянув в открытое окно. Я сидел на водительском сидении.

– Мне без разницы, – сухо ответил я.

– Тогда дай мне. Дай вспомнить хоть. Да и никогда такую махину не водил, – в его глазах горел детский огонь энтузиазма, а на лице была радостная улыбка. Я молча открыл дверь, обошёл машину и сел на соседнее место. – Ну, что? По коням? – сказал Паша, заведя мотор. Он будто ловил всем телом каждый звук мотора.

«Посмотри в окно, назад», – прозвучало в голове. Посмотрел и увидел одинокую фигуру, медленно идущую к нам. Он шёл ровно, насколько позволяла идти зима – точно не вставший.

– Паша, стой, – сказал я, махнув рукой в сторону брата.

– Что такое? – спросил он и заглушил двигатель.

– Кто-то идёт. Сзади.

Послышалось шуршание, а потом Паша открыл дверь и вышел наружу.

– Всё-таки решился? – спросил он радостно. – Не поздно?

– А что, места нет? – послышался голос Никиты.

– Для тебя всегда найдётся, – ответил Паша. Через несколько секунд он уже был возле машины, на его лице сияла довольная улыбка: – Девчонки, двигайтесь.

Никита, кое-как, всё-таки влез. После того, как его рюкзак оказался в багажнике, Паша сел обратно, завёл двигатель, и мы поехали.

– А куда мы? – спросила Катрин, когда мы проезжали по полю.

Смотрел в окно: снег на поле лежал ровно, создавая ощущение гладкости, а вокруг стеной росли ели, вперемешку с маленькими ёлочками. И над всем этим, словно бриллиант в короне, висилось солнце. Блестящее, и такое недостижимое...

– Домой поедем, – ответил Паша.

– В смысле? – спросила Женя.

– В прямом. Едем в Номир. В квартиру, где мы с Костей жили. Только сначала где-нибудь оставим генератор – нечего его возить просто так с собой. Он пока не пригодится. А весит много, и бензина жрёт.

– Не понимаю, – начал Катрин, – зачем нам туда воз-

вращаться? Может мы лучше поедем в Грим? Или куда-нибудь... дальше?

Паша еле слышно вздохнул, а затем ответил:

– Кэт, успокойся. Мы едем туда, потому что больше сюда не вернёмся – поэтому хочу заехать домой в последний раз.

– Дебилизм, – недовольно вставила Катрин. Паша улыбнулся.

– Согласен, но я ведь человек. А человек хочет иногда побыть сентиментальным. Насчёт генератора не волнуйтесь – мы его временно оставим. Потом поедем искать людей – нам он будет только мешать. Но потом обязательно за ним вернёмся.

– Людей?! Паша, тебе мало было того раза? – недовольно выкинула Катрин. Мы выехали на шоссе. Такое же заснеженное, как и поле. Здесь были следы моего вчерашнего въезда, но нам нужно было сейчас ехать в другую сторону.

– Кэт, это не обсуждается. Мы не можем выживать вчетв... впятером. Нам нужно объединиться с другими выжившими. Если мы так поодиночке умрём, то от человечества ничего не останется кроме мёртвых руин-городов.

Девушка недовольно хмыкнула, но ничего не ответила. Все мы понимали, что нужно объединиться с другими. У людей это заложено на генетическом уровне – сбиваться в группы. Ведь именно так мы и стали доминирующим видом на Земле. Но так мы и почти уничтожили себя, пусть далеко не с первой попытки.

Дорога была долгая. Говорили только Паша и Женя. Брат ей рассказывал о разных историях этих краёв – не зря же он ходил несколько лет в краеведческий кружок. Перед городом мы объехали перевернутый автобус – место, откуда всё и началось. От времени он кое-где покрылся ржавчиной, а где-то появились следы от пуль. Кто знает, что здесь произошло за это всё время... А затем, мы увидели большой монумент – примерно пять метров в высоту – где изображался рабочий, который держит полотно с надписью «НОМИР – ГОРОД РАБОЧИХ ЛЮДЕЙ», а снизу ещё одно: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ».

– Сколько воспоминаний... – сказал Паша, когда мы въехали на улицу, которая дальше вливается в главный проспект. Отсюда до дома было уже недалеко.

Паша начал пристально всматриваться в дорогу, и вскоре, слева, мы увидели частный сектор. Свернули, проехали пару поворотов, остановившись перед одиноким полуразваленным бревенчатым домом. Паша сказал, что сюда вряд ли кто-то будет заглядывать, но мы, на всякий случай, всё равно прикрыли генератор старым покрывалом и оставили за печкой. После этого ушли, поставив едва приметный крестик на двери дома.

Всю дорогу Паша периодически включал радио, но кроме помех там ничего не было. Наконец, мы остановились напротив подъезда, откуда я много лет ходил по утрам в самое ненавистное место, и куда зачастую возвращался побитый и

уоставший. Столько воспоминаний...

Выйдя из машины, каждый достал своё оружие. На всякий случай.

Двери всех подъездов были настежь открыты, и лишь горочка снега немного забралась внутрь.

– Будьте осторожны, – сказал Паша.

– А какой этаж? – спросила Женя.

– Шестой, – ответил Паша.

Мы шли по лестнице медленно, тщательно просвечивая каждый угол, хоть внутри и было достаточно светло. Но в подъезде никого не оказалось. Ни восставших, ни, тем более, людей. Через несколько минут мы поднялись на нужный этаж. Двери в шахту лифта здесь были приоткрыты, и за ними, где-то в темноте, пряталась смерть. Мы пошли дальше, и, наконец, оказались перед дверью, где сверху всё ещё висели почерневшие, когда-то жёлтые, цифры «74». Паша снял рюкзак и открыл маленький отсек, запустил туда руку. П слышался звон ключей, а через несколько секунд он их достал. Это были те самые его ключи. Его ключи, как я их запомнил. Даже брелок с санатория, где он с лучшим школьным другом, остался.

– Это ведь твои ключи, да? – удивлённо, спросил я.

– Да, – улыбнулся Паша. – Они у меня до сих пор остались.

– А я вот свои давно потерял, – удручённо ответил я.

Паша ничего не ответил и открыл дверь. Внутри стоял затхлый запах.

– Блин... – бросил Паша, и забежал внутрь. – Так и знал! Это из холодильника. Всё стухло... Тут вообще какая-то жесть внутри, – сказал он из кухни. Мы вошли внутрь, и я закрыл дверь. Сейчас мы все оказались в маленькой прихожей. Воспоминания огромной волной мигом нахлынули: отметки роста на двери в комнату, старое зеркало, цветочки на обоях, старый ковёр на полу...

«Сколько лет я здесь был, даже не замечая всей прелести обычной жизни. Но тот мир уже невозможно вернуть...»

Прошёл в свою комнату. Здесь всё осталось точно так же, как и было, когда я уходил отсюда год назад. Только, будто, всё стало вдруг меньше. Под окном всё так же стоял стол с компьютером, а слева была кровать. А перед ней шкаф. И дверца всё так же осталась открыта. Только появился огромный слой пыли.

Сейчас с зеркала на меня смотрел какой-то незнакомый человек. Его грязное строгое лицо было уставшим, а глаза выглядели так, будто хотели закрываться навсегда. От плаксивого мальчика не осталось и следа. Теперь, по сути, это был выжженный взрослый мужчина.

Невольно усмехнулся: всегда казалось, что буду единственным, кто никогда не повзрослеет, но это случилось даже раньше, чем стукнуло восемнадцать.

«Все так думают, но потом забывают как были детьми», – сказал Голос.

«А ведь мне уже семнадцать... Не знаю, когда именно, но

уверен, что исполнилось».

Отошёл от зеркала и упал на кровать. За окном небо уже начало, потихоньку, темнеть. Глаза медленно закрылись, а разум укутал туман, который уносил меня прочь.

* * *

— Костя, спишь ещё? – кто-то тихо зашёл в комнату. На миг подумал, что это мама, но это оказался Паша. В окно уже бил утренний свет.

– Нет... Уже не сплю, – вчера даже не снял одежду. Уснул, как лёг, только закутался в покрывало. Паша сел на кровать.

– Сколько воспоминаний, да? – сказал он, оглядывая комнату.

– Да, всё-таки здесь прошло всё наше детство.

– Да... – вздохнул Паша. – Вспомнил тут ночью кое-что. И... не знаю, с чего начать.

– Начни с начала, – предложил я. Паша на секунду улыбнулся, но после его лицо снова стало серьёзным.

– Ты помнишь, как умер папа?

– Ну, – я постарался вспомнить, но ничего не вышло. В голове был лишь смутный образ взрослого мужчины, посреди площади и огня, рядом с кучей других безликих фигур. – Нет. Не особо.

– Так и думал. Вообще, эм... я даже, наверное, знаю, из-за чего это – вот вчера лежал и думал. И это неправильно.

Тебе ведь так и не рассказали. Скажи, а у тебя тот голос появляется до сих пор?

«В смысле? Откуда он знает?»

– Ты о чём? – я постарался сделать максимально удивлённое лицо.

– Да... Ты, наверное, этого тоже не помнишь, но, когда наш отец умер... в общем, ты сильнее всего это переживал. Потому что был рядом. Тогда у тебя какое-то помешательство случилось... не знаю. Может я плохо помню – сам же маленький тогда был. Мама потом об этом не хотела говорить... Ай, зря я вообще начал этот разговор, – Паша встал с кровати, но я его остановил.

– Паша, если начал рассказывать – так закончи.

Он сел на прежнее место.

– Да что там рассказывать... с тобой потом что-то случилось. Ты закрылся в себе, и какое-то время даже не реагировал ни на что. И говорил постоянно с каким-то своим другом, хотя ты был один в комнате. Максим, вроде бы... Мама тогда очень волновалась, даже не спала по ночам – сидела у твоей комнаты. Мне было тогда так страшно и непонятно... Ладно... забей. Что было – то было. Если сейчас ничего нет – значит, врач тогда помог.

Теперь всё встало на свои места. Мгновенно я понял всё. И то, почему надо мной издевались, и то, почему мы с братом резко отделились друг от друга в детстве. И почему возник этот голос в голове.

«Максим... надо же».

– Не, Паш, ничего такого не помню, – скрыл ложь за улыбкой. Паша поверил.

– Ну, раз ничего – значит, всё нормально. Просто вспомнил и подумал: вдруг у тебя от этого всего снова началось... Но, если что, я всегда рядом и готов помочь.

– Хорошо.

– Тогда собирайся. Скоро выезжаем дальше.

– Куда? – я вылез из своего «кокона».

– Дальше. Поедем искать людей. В твоей карте много разных интересностей. Если она не врёт – тогда хорошо. Поездим по другим базам. Не может же быть, чтобы нигде никто не остался, – Паша уже собирался выйти, но я его снова остановил.

– А если мы найдём там не то, что ищем? Вдруг, там будет не новый дом, а огромная ловушка?

– Тогда мы сделаем так, чтобы другие в неё не попались, – ответил Паша и вышел, закрыв за собой дверь.

Как позже оказалось, все ждали только меня. Я быстро перекусил половиной пачки печенья, и мы вышли в коридор, а затем на улицу. Возле машины был один восставший.

– Я возьму, – шепнул я, пригнулся и спустя несколько шагов быстрым движением воткнул нож ему в череп – мёртвое тело повалилось на землю.

– Надеюсь, его душа теперь упокоилась, – сказала Женя, остановившись на секунду, а затем с грустным лицом села в

машину.

– Господи, упокой его душу, – проговорил Никита и перекрестился.

На миг остановился и посмотрел на свой подъезд:

«Теперь, конечно, это была жалкая тень того, что помнил, но всё равно... Больше это не было моим домом. И больше я сюда не вернусь», – от этой мысли стало грустно.

– Куда мы поедем сначала? – спросил я, когда все сели.

Подал Паше карту.

– Хм, – задумчиво произнёс Паша. Он водил пальцем по листам. – Поедем в сторону Грима, а там видно будет.

Паша передал карту обратно – я положил её в бардачок. Двигатель завёлся, и через несколько минут мы уже ехали по опустевшим мёртвым артериям города туда, где нас могло ожидать что угодно. Но мы надеялись на чудо – ведь людям, чтобы идти дальше, только она и нужна.

День 555-557

— Сколько ещё идти? – спросил я, тяжело дыша. Из-за жары было практически невозможно идти. Паша шёл впереди, а за мной должны были идти Женя, Никита и Катрин. Ещё двое где-то остались позади. Я даже не помнил их имён.

«А знал ли я их когда-нибудь вообще?»

– Терпи, мы почти пришли, – донеслось спереди. По голосу – тоже измученный.

И без этого знал, что нужно идти вперёд, но иногда так хочется остановиться, а позже узнаёшь, что, оказывается, ты не дошёл всего несколько шагов – и в этот момент становится очень обидно.

В глаза летел раскалённый песок, голова жарилась на плящем солнце.

Не помню, сколько мы шли через эту чёртову пустыню. Кажется, что прошла уже тысяча лет. Периодически возникают тени-силуэты тех, кого рядом быть не может – миражи.

– Кто там сзади – вы в порядке? – крикнул я. Приходилось кричать – шум песка был слишком громким. Удивительно, как при нём ещё и солнце печёт, ведь песок закрывал его.

– Много ещё? – крикнула Женя, игнорируя мой вопрос.

– Почти пришли... – крикнул я в ответ.

Мы шли вперёд, пока совсем не стемнело. Казалось, будто песок проник сквозь кожу и прилип к костям, вызывая боль

при каждом движении.

– Паша... я так больше не могу... – донеслось позади.

Буря резко успокоилась, стало совсем тихо. Только периодически кто-то вздыхал.

– Мы. Почти. Пришли, – упрямо повторял Паша. Он и сам еле передвигал ноги.

– Может, остановимся? Передохнём? – предложила Катрин.

Паша горько усмехнулся:

– Попробуй.

Я приостановился и, преодолевая боль в суставах, присел, дотронувшись до песка, который сразу же обжёг пальцы.

– Ай, – я резко убрал руку и машинально потряс ею в воздухе. На пальцах покраснела кожа.

– Убедились? – тяжело выдохнул Паша. – Идём. Уже почти пришли.

К утру на горизонте что-то замелькало. Что-то такое, что своими цветами резко вырывалось из грязно-жёлтого окружения. Паша тоже это заметил и остановился, стоя на гребне песчаной дюны. Впереди был оазис.

– Тоже это видишь? – спросил он меня. Его лицо было сплошь обожжено и покрыто маленькими красными точками.

– Фигово выглядишь, – сказал я.

– Не волнуйся. У тебя такое же лицо, – улыбнулся Паша, а затем повернулся в сторону спасительного мирка. – Так, ты

тоже его видишь?

– Конечно.

– А остальные? – спросил он, не поворачивая голову, но повысив голос.

– Да, – ответил Женя за всех.

– Я же говорил... – Паша, издав сильный вздох, двинулся вниз по гребню, поднимая маленькие пыльные облака.

Я сделал то же. Долина была совсем близко, и это придало сил. Я чуть ли не бежал, позабыв обо всём. Внезапно сзади послышался истошный вопль, который сразу же оборвался. Мы обернулись и увидели, как в песке скрываются руки.

– Какого... – Паша бросился стремглав назад. Не хватало Жени. Никита и Катрин беспомощно озирались по сторонам, всё ещё не понимая, что произошло. Я сам не понял, но с каждой секундой всё больше частей складывались в целостную мозаику: мы здесь не одни. Нужно было бежать.

– Нет... нет, нет... Нет! – кричал Паша, беспомощно пытаясь раскопать песок, который сразу же стекался обратно со всех сторон.

Я подбежал и попытался помочь. Руки сразу же обожгло, ещё больше оплавляя кожу.

– Что случилось? Где Женя?! – через несколько секунд уже не мог продолжать, потому что от боли не чувствовал руки. Паша всё продолжал.

– Оно... оно забрало её! – он всё грёб и грёб. Видел, как на его руках кожа просто слезит, оставляя опалённое мясо. –

Костя, помоги...

По его лицу градом текли слёзы, которые, падая на горячее мясо его рук и песок вокруг, тут же превращались в маленькую паровую тучку, которая мигом растворялась в воздухе.

– Помоги! – взмолился он, повернувшись ко мне.

Посмотрел на него, не в силах что-либо сделать.

– Прости...

Подбежали остальные.

– Что произошло? – спросил Никита.

– Её больше нет, – тяжело сказал Паша. В его глазах стояли слёзы, а взгляд был пустой, безжизненный. – Нет...

– Мне очень жаль, – тихо сказал я.

Паша резко достал пистолет и приставил к своей голове.

– Я больше так не могу... – тяжело проговорил он.

– Нет, – бросился к брату, но тут всё оборвалось...

* * *

Резко сел в кровати, будто освободившись из петли. Было тяжело дышать, сердце бешено стучало, но постепенно всё успокоилось.

«Это всего лишь сон...»

В мутное окно, сквозь грязные пыльные занавески, пробивался утренний свет, на улице пели птицы. Поднял с пола часы – «9:31» – и упал обратно на кровать, укрывшись с

головой.

Но когда ты просыпаешься – обратно дороги уже нет. Остаётся только встать и принять новый день во всеоружии. С коридора доносился возмущённый голос Катрин:

– Куда мы поедем?! Паша, да почему ты не успокоишься?

– Ох, боже милосердный!.. Да мне надоело тебе повторять. Как ты не поймёшь? Нам нужно туда доехать! Нужно! – он тоже не отставал в тональности и говорил громко. Чуть ли не кричал.

– Почему? Почему ты не успокоишься? – взвыла девушка. – Нам не надо туда ехать! Давай останемся здесь! Там ничего нет! А здесь – есть! Мы здесь есть, понимаешь?! А там – уже может и не быть!

– Да не можем мы здесь остаться! Нам надо ехать: только так мы и можем выжить! Там ещё могут быть люди, а здесь – ничего.

– Ты это Сергею с Наташей скажи! Найди их, среди тысяч этих мертвецов и скажи в лицо, что думаешь! – выпалила Катрин.

На секунду повисла тишина. Паша ничего не отвечал.

– Вот поэтому, – тихо начал он. Паша сейчас говорил негромко, но его голос брал железной хваткой сознание, заставляя слушать, – и нужно доехать. Чтобы больше никто не умер, не превратился в этих... тварей. По одиночке мы все передохнем, как мухи. Я помню, что они умерли. Помню, во что они превратились. Но это не повод, чтобы вечно сидеть и

дрожать. Крохотная, но всё же у нас есть надежда на спасение – поэтому следует за неё хвататься всеми руками силами, прилагать все силы... Иначе, какой смысл того, что мы выживем, ну, пускай год или два, вот так разъезжая по городам и растаскивая, что ещё осталось, всё то, что накопили в том мире, до нас? А ты думала о том, что когда-нибудь продукты окончательно испортятся? Да они даже быстрее банально кончатся. Ты ведь не забыла, что мы – не единственные люди в этом мире? Выжившие есть, их достаточно, а вот еды – недостаточно. Таким темпом одни мы не протянем – нам нужно объединиться. Тем более это нужно, чтобы возродить общество, иначе всё было и будет зря. И спор этот – зря. И жертвы наших друзей – зря. И жизни наших предков – зря. И вообще вся жизнь – зря!

– Да откуда ты знаешь, что там что-то будет?! – выпалила Катрин.

Дверь в комнату плавно открылась и внутрь вошла Женя, тихо притворив её за собой. Я уже оделся и просто слушал, сидя на убранном диване. Вставить хоть что-то было бессмысленно: пока кто-то из них не устанет – это будет продолжаться.

– Привет, Кость. Уже проснулся? – спросила Женя. Я кивнул в ответ.

– Чего это они с утра пораньше? – спросил я. Женя села рядом. На ней совсем не было лица. Обычно она старалась улыбаться, чтобы другим было легче, но, видимо, не сегодня.

– Да как обычно... Сколько времени прошло уже, как мы едем?.. И всё никак не приедем... Паша не уступит в этот раз – это он уже решил.

– Ну, это они всегда так, – сказал я. Женя кивнула. – А когда Паша решил? Мне он ничего не говорил.

Женя вздохнула, и посмотрела в потолок, вытянув и скрестив ноги перед собой.

– Да я и сама узнала только вчера вечером... Он почти всю ночь не спал, думал, а стоит ли вообще туда ехать... Кэт говорит, что он о нас не думает, а он постоянно думает... Мы же здесь не просто так задержались – всё это время он решал... А вчера решил, что пора решить окончательно.

– Решил? – я знал ответ, но не знал, что можно было спросить ещё.

– Как видишь, – ответила Женя.

– А что Никита говорит?

– Ты же знаешь: ему всё равно. Куда пастух – туда и стадо. Перепалка в коридоре неожиданно прекратилась.

– А сам-то ты что думаешь? – спросила Женя.

– Не знаю, – я встал и подошёл к окну, отодвинув занавеску. По углам была сеть из тоненьких линий паутины. Несколько мух, безжизненно, но крепко связано, висели внутри. Где-то в глубине всех этих переплетений своего часа ожидал паук – словно охотник, который долго прячется, а затем нападает на беспечную жертву. – Куда поедем – туда поедем.

– Такое ощущение, будто вы с Никитой и не живые совсем.

Грустно улыбнулся.

– Внешне ещё живые, но внутри – уже нет, – как бы про себя проговорил я. – Давно умерли с кем-то близким...

– Глупости всё это. Живые вы. Просто накручиваете себя сильно. Наказываете за то, что не в силах исправить. Но, знаешь, что я тебе скажу? Никому от этого лучше не будет. Мы все потеряли слишком много, чтобы просто жить дальше, но это не повод, чтобы отдаваться течению. Нужно вести свою лодку: к берегу или горизонту – но вести самому.

За окном тихо покачивались налитые жизненным соком кленовые листья.

– Какой смысл? Мы все умрём когда-нибудь. Люди совершили столько ошибок... и на этот раз уже ничего не вернётся, – я несколько секунд молчал, а затем тихо повторил: – Ничего уже не вернуть. Ничего.

Женя резко встала.

– Дураки вы, – и пошла к двери.

– А ты что думаешь? – спросил я. Женя была уже у самой двери. Она остановилась, не поворачиваясь. – Не о жизни, а что Паша хочет. Насчёт этого «возрождения», и прочего.

– Я, конечно, боюсь, но Паша прав: нужно ехать. Нужно попытаться. Да, здесь мы проживём ещё какое-то время, потом можно переехать в другое место, а потом снова, и снова... а смысл? Смысл всего этого?..

– А если там ничего не будет? Вдруг это место – пустышка? И что мы зря ехали? – я всё так же смотрел в окно. Через дорогу медленно брёл восставший. Он слегка ударился о корпус стоящей машины и отскочил назад, а затем развернулся и побрёл в другую сторону, откуда пришёл. Вдалеке пробежали ещё двое: за кошкой, которая пыталась убежать со всех сил, но, прямо перед деревом, один из восставших прыгнул и зубами схватил её, а затем руками разорвал и оба принялись поедать мёртвое животное, раскидывая клочья шерсти в стороны.

– Тогда мы будем знать, что попытались, – Женя вышла из комнаты. – И что надеяться на это нельзя. Только на себя.

Постоял у окна ещё несколько минут, а затем тоже вышел из комнаты. Паша сидел на тумбочке у входной двери. Катрин уже не было. Он даже не замечал меня, пока я не заговорил:

– Когда поедем?

– Что? – он повернулся в мою сторону. – Доброе утро ... Поедем? Сейчас. То есть, через час где-то. Наверное.

– А машина готова? Всё нормально?

– Никита пошёл смотреть. Ой, да что с ней случится? Уже неделю стоит, – Паша выглядел озабоченным, и, казалось, едва меня замечал. Он встал и начал ходить взад-вперёд возле двери.

– А ты не боишься ехать? – вопрос сам слетел с моих губ. Паша резко встал.

– В смысле?

– Я имею в виду: ты уверен, что оно стоит того?

Паша ещё несколько секунд молчал, прежде чем ответить:

– Костя, хотя бы ты не начинай, – тихо сказал он. – Такое ощущение, будто все только и хотят закрыться в своём домике и не видеть мир, не замечать крики о помощи окружающих, жить самим по себе. А я так не могу. Не могу.

– А разве до этого было по-другому?

Паша устало прислонился к стене и медленно опустился на корточки.

– Костя, пожалуйста, хоть ты поверь. Я не могу всё это делать один – просто не смогу. Вдруг, там ещё остались люди и им нужна помощь? Или они нам смогут помочь? Нельзя такое упускать...

«Ты действительно ему веришь? Костя, ты же сам видел, что из себя представляют люди. Не совершай ошибку».

Катрин на секунду выглянула из-за угла, но сразу же скрылась обратно. Я подошёл к Паше и подал руку:

– Ладно, пойдём. День не бесконечный, а ночью ехать – самоубийство.

Лицо Паши медленно просияло улыбкой:

– Спасибо, – он взялся за руку и встал.

Когда мы вышли, на улице всюду светило солнце. С приходом весны мир преобразился, одевшись в лёгкое, красивое зелёное платье. Деревья тихо шелестели листьями, которые покачивались на ветру. Сквозь потрескавшийся асфальт

и между стыками каменных плиток медленно, будто стесняясь, пробивались клочки травы. А на бескрайнем голубом небе повисли маленькие пятнышки облаков. И рядом с этим стояли дома, словно мёртвые туши давно погибших зверей, ожидая своей очереди, чтобы провалиться в небытие.

– Ну чё, как там? Нормально? – спросил Паша у Никиты, который стоял, у открытого капота машины.

Тот, в свою очередь, вытер руки грязной тряпкой и закрыл капот.

– Вроде нормально. Проверь, – тихо ответил он.

Паша прошёл в машину и сел, заводя машину. Женя о чём-то говорила с Катрин:

– ... я понимаю, да, но разве ты хочешь, чтобы всё стало зря? Их смерти, наших друзей?

– Дело не в том, хочу я или нет, – отвечала Катрин. – Я не хочу больше никого хоронить. Я не хочу больше видеть, как умирают мои друзья. Я не хочу больше убивать их, чтобы они не стали монстрами.

– Поэтому мы и едем. Костя думает, там научная база или что-то вроде того.

– И?

– И то, – отвечала Женя. – Мало того, что там могут быть люди – у них может быть лекарство.

Катрин недоверчиво фыркнула.

– Женя, успокойся. Какое лекарство? Посмотри вокруг: разве мир остался бы таким, если бы оно было? Это бред.

Все мы лишь ходячие мертвецы.

– Не говори так. Мы не знаем, что там...

– Вот именно, что не знаем. Мы едем на смерть. Запомните этот твит.

– Послушай, тебя никто не заставляет, – начала Женя. Она теряла терпение. Я узнал эту интонацию – тонкие нотки сдержанного гнева в голосе. – Если не хочешь – не надо ехать.

– Ай, что за грязный приём? Ты же знаешь, что не останусь, – ответила резко Катрин. – Делайте, что хотите. Только не говорите потом, что это было неожиданно... Женя, я, может, тоже хочу в это поверить, но не могу. Просто уже не могу верить в людей после всего.

Женя неожиданно приобняла Катрин. Она всегда легко переключалась со злости на доброту, если это было нужно.

– Не волнуйся. Мы всё переживём. Смотри, какие у нас мужчины – думаешь, с ними нам что-то грозит? – произнесла она с улыбкой, и они вместе скользнули по нам взглядом. На секунду наши взгляды с Катрин пересеклись, и я увидел в них глубокую грусть и боль.

По сути, за эти недели я так и не узнал о ней ничего, кроме того, что вспомнил о ней из школы. Даже странно как-то, что забыл её – ведь она мне в школе очень нравилась. Сейчас она всегда старалась быть как бы сама по себе, но при этом часто спорила с Пашей и была «на передовой» в вылазках за продуктами. Она и в школе была такая же: тихая, одинокая,

как бы в стороне, но если взрывалась – это задевало всех. Я всегда думал, что мы могли бы подружиться. Ещё с того времени, когда она только перевелась к нам в школу в третьем классе. Но так и не смог решиться. А сейчас она, кажется, совсем рядом, но будто ничего не поменялось – Катрин всё так же далеко.

– Чего застыл? – спросила Женя, хлопнув меня по спине. – О чём задумался?

– Да так, – просто ответил я.

– Давайте в машину! – сказал Паша, и мы сели на заднее сидение.

Хорошо, что восставшие не успели появиться раньше. Только несколько фигур появилось позади, когда мы отъезжали, но это были не бегуны, и вскоре они совсем отстали.

Приходилось ехать медленно. Мы так и не доехали до Грима, но здесь, в небольшом городке, почему-то было много брошенных машин. Много где были следы от пуль и то тут, то там, лежали ссохшиеся, давно умершие, тела людей. Такое ощущение, будто здесь была резня. Никита сказал, что это могла быть и чистка – слишком аккуратно стреляли, но я в это не верил – просто не мог. Да и у кого могло быть столько боеприпасов? Только у военных. А они спасали людей.

«Не думай об этом. От этого ничего уже не изменится. Эти люди давно мертвы. Скорее всего, как и те, кто это сделал».

Прижался лбом к тёплому стеклу. С каждым днём всё больше чувствовалось, что приближалось лето. Было ещё не

жарко, но уже не холодно – идеальная погода.

В голове пронеслись воспоминания, как мы ходили на праздник Огня раньше, когда был ещё совсем маленьким. Это было хорошее время. Мне казалось тогда, что нет ничего невозможного: разные трюки, костюмы, фестиваль, фейерверки... Только вот реальность не просто бывает пугающей, а она и есть самый страшный кошмар, однако так же и самый интересный феномен: никогда не знаешь, что будет завтра, или за следующим поворотом.

Это и произошло: мы свернули на дороге, а впереди, на шоссе, оказалось огромное стадо, и пока они ещё не успели нас заметить – развернулись и поехали в обход. Пришлось даже от нескольких бегунов отстреливаться – они успели прыгнуть и зацепиться за корпус машины, но никто не пострадал.

– Сколько в объезд ехать? – спросил я, убирая пистолет в рюкзак. Сидел у окна, и поэтому отстреливался. Как и Никита с другого бока. – Хватит бензина?

– Насчёт бензина – пока в порядке. А вот сколько ехать... Женя, посмотри по карте. Тридцать пятое шоссе, к отметке НБ, возле Ширковки, – быстро ответил он, пристально следя за дорогой.

Девушка достала из бардачка полностью переклеенную скотчем карту и небрежно развернула, пытаясь на ходу сориентироваться.

– Так, смотри... – она провела по жёлтой линии на карте,

которая была похода на вену, – вроде как мы здесь сейчас и едем.

– Да, – подтвердил Паша.

– М-да, – протянула Женя, – в обход километров сто, сто двадцать...

– Сколько времени? – неожиданно спросил Паша.

– Что? – переспросила Женя.

– Время, – повторил Паша. – Сколько времени сейчас?

Я посмотрел на часы:

– Почти четыре.

Паша некоторое время помолчал, быстро переводя взгляд с дороги на карту и обратно, а затем сказал:

– Думаю, к вечеру мы в любом случае доедем... Ладно, – сказал он со вздохом, – попробую ехать быстрее.

И мы помчались по пустой, разбитой от холода и жары, дороге. По сторонам дорогу окружали стены деревьев и диких кустов, которые больше никто не контролировал. А временами на дороге или на обочине встречались машины. Одинокие и пустые, как и все те, кто до сих пор выжил.

Мы въехали в Ширковку, когда солнце почти скрылось за горизонтом, а небо уже стремительно багровело, будто боялось опоздать. С самого начала город встретил нас перекрытием: посреди дороги была выстроена линия брошенных вразнобой машин. Другой въезд был далеко, а в обход этих машин проехать никак не получалось. Пришлось оставить машину.

– А куда потом? – спросила Катрин. Всю дорогу она молчала. Точнее, половину проспала.

– Отметка стоит на самом городе. Но, сама понимаешь, особо по ней ничего не увидишь, – ответил Паша, проверяя магазин пистолета, а затем перевёл его на предохранитель.

Я взял с собой катану и маленький ножик. Пистолет брать не хотелось – рюкзак бы только помешал. Уже не раз случилось такое, что восставший цеплялся за него. Тем более, что Никиты и Паши были свои.

– Все готовы? – спросил Паша.

– А разве это имеет значения? Пойдём уже, – ответила Катрин, и мы пошли между рядами давно брошенных машин.

Я аккуратно ступал, проверяя внимательно низ машин впереди – всё было чисто. Ни трупов, ни восставших. В салонах машин всё тоже было чисто, за исключением скомканных одеял на задних сидениях и прочих не необходимых вещей, которые просто так с собой не возьмёшь. Будто люди приезжали сюда, бросали машины, забирая лишь нужные вещи, и уходили.

«Здесь точно что-то есть. Вернее, кто-то. Ещё не поздно повернуть назад», – сказал Голос.

– Это не обсуждается. Я уже решил, – твёрдо сказал я. – Им нужна защита. Я не могу их бросить. Да и, это единственное, что у меня ещё осталось. Мы идём туда, и точка.

«Ты ведь не забыл о том, что из-за тебя все погибают?»

– Я уже говорил: никто больше не погибнет. Я не дам это-

му повториться.

«Не всё зависит от тебя».

В это мгновение кто-то резко схватил меня за плечо, и сдавил с силой, потянув на себя. Сзади послышалось мычание – восставший. Я только потянулся к ножу, как хватка ослабла и позади что-то повалилось. Никто больше не мычал.

– Потом мечтать надо, – сказал Никита. – Смотри внимательнее, если жить не надоело... Он тебя не ранил? Всё нормально? Покажи.

Слегка коснулся плеча – оно болело. Затем расстегнул верхние пуговицы рубашки и стянул в сторону верхнюю часть рукава:

– Ну что там? Всё нормально? – спросил я и удивился тому, что не слышал даже и капли страха в голосе. Никита коснулся плеча, и от этого по руке прошлась короткая болевая волна.

– Ничего. Всё нормально, – ответил он, спустя несколько секунд, и пошёл вперёд. Мы шли сквозь город неспешно и очень внимательно, стараясь держаться большой дороги и не сворачивать во двор. На открытой местности выжить группой больше шансов.

Вокруг царила разруха и опустение человеческой цивилизации: побитые окна, из которых вывалились тёмные занавески; осколки витрин, ножами торчащие из проёмов магазинов, где разломанные манекены людей смотрят пустым

взглядом; машины с простреленными стёклами и шинами, где на корпусе иногда видны тёмные следы – скорее всего, от крови.

А вместе с этим трава захватывала всё больше территории, медленно пожирая асфальтовое покрытие изнутри. Деревья тихо качались на ветру, а под их могучими кронами, словно под защитой родителя, торчали из земли крохотные стебельки будущих могучих стволов, то тут, то там можно было увидеть птиц, которые кружатся на вечернем небе. И вдалеке, едва заметно, вороны клюют чей-то труп. Как бы ни казалось чего, но жизнь продолжалась. Жизненный цикл ещё не скоро угаснет, и ему неважно: будут там люди или нет.

Медленно вечерело. Посмотрел на часы – немного больше восьми. До темноты было не больше часа. Надеюсь, Паша знает, куда идти – он постоянно смотрел в карту и говорил направление.

Возле дороги стоял, проржавевший по краям, рекламный баннер, где красной краской кто-то написал: «ВЫЖИВШИХ НЕТ УБИРАЙТЕСЬ».

– Паша, посмотри, – сказал я, указывая на плакат.

Брат довольно улыбнулся:

– Если это кто-то написал – значит, было «зачем», – он будто резко понял что-то: – Стоп! НБ – научная база. Если это так, то они закрыты для людей. Ширковка – маленький городок. Значит, они должны быть где-то в отдалении, и при этом это должна быть государственная земля, где нельзя

будет искать и устраивать проверки... Так... – Паша снял с плеч рюкзак, поставил его на землю и принялся что-то искать.

– Что ты ищешь? – спросила Женя.

– Карту.

– Она у тебя в руках. Там же ничего нет... – устало ответила она. У всех были усталые лица.

Девушка собиралась ещё что-то сказать, но брат её опередил:

– Другую карту, – сказал он, доставая из рюкзака потрёпанный толстый сборник карт городов Бурсии.

– Ты до сих пор его таскаешь? – спросила Женя. – Я думала, он остался там...

Паша не ответил. Он внимательно просматривал лист, где была отпечатана небольшая карта Ширковки.

– Нашёл! Здесь, – он указал пальцем на небольшую точку с краю карты. – Огороженная зона в парке. Типа, «ботанический сад». Это рядом. Идём, – сказал Паша, уже закидывая рюкзак за плечи.

– Паша, а если там ничего? Может... – начала неуверенно Женя, – может мы повернём, найдём укрытие, пока ещё не поздно? Посмотри, уже почти ночь. Это самоубийство.

Паша внимательно слушал, и с каждым её словом его лицо всё больше сменялось в грустную сторону.

– Ты тоже мне не веришь? – спросил он, спустя несколько секунд, когда Женя закончила.

– Нет, но... – начала девушка.

– Не надо оправдываться, Женя, – встряла Катрин. – Ты права. Паша, это самоубийство. Надо возвращаться, пока не стемнело. Или ты хочешь ходить по парку в темноте? Может, ещё покричишь: «Я здесь! Обед пришёл!»? Паша, это глупо.

Паша полез в карман, а затем небрежно бросил ей в грудь ключи и пошёл вперёд, бросив на ходу:

– Если хочешь – уезжай! Все уезжайте! Но я не повернусь. Там могут быть люди, и я от них не отвернусь. Если что – выпейте за упокой.

– Паша! – сказала Женя, догоняя его. Я ещё немного постоял, а затем пошёл следом. Пошёл и Никита. Катрин осталась позади одна.

– Да чтоб вас! – бросила она гневно и простонала: – Не оставлю же я вас одних.

Мы шли теперь быстрым шагом. Из-за того, что с утра ничего не ел – болел живот, и ноги иногда подгибались от слабости, но старался идти наравне со всеми, не обращая внимания на это. Скорее всего, то же чувство было у всех. Нам просто нечего было есть...

Парк стоял особняком от домов, которые как бы стояли вдали от дороги, которая уже немного проросла травой, не решаясь подходить ближе. Тёмные силуэты стволов стояли мощно и угрожающие. Под ними была зелёная подстилка из высокой травы. Я готов был поклясться, что ещё даже не лето, но растения здесь уже вовсю зрели.

Кое-как мы отыскивали главный вход, в виде деревянной арки, с двумя резными фигурами по краям, у которых облупилась краска, показывая тёмное нутро. Паша включил фонарик, потому что внутри этого небольшого парка уже было темно, и кивнул всем остальным. Он с Женей шли впереди, мы с Никитой посередине, чуть по сторонам, а замыкала всё это Катрин.

Я достал катану и теперь держал её наготове.

Медленно, но осторожно, мы продвигались внутрь. Справа от входа был небольшой металлический щит, на котором была нарисована небольшая карта-схема прохода по парку. Ботанический сад находился впереди, в самой глубине. Вокруг то и дело что-то шелестело, а по сторонам раздавалось протяжное мычание, но никто не появлялся. Вверху, среди крон, каркали вороны.

– Не нравится мне это, – сказала Женя. – Жутко...

– Идём. Мы близко, – сказал Паша.

Мы шли по узким заросшим тропкам. У каждого было оружие наготове. Здание сада оказалось за высокой сеткой. Вход был закрыт на ключ.

– Замок не заржавел – кто-то им пользуется, – сказал Паша, когда внимательно осмотрел дверь, а затем отошёл и посмотрел на тёмное здание внутри двора, который зарос кустами, а само здание было покрыто каким-то растением, но из-за темноты было тяжело разглядеть, что там вообще находится.

– Ну что, обратно? – устало спросила Женя.

– Нет, – сказал Паша, а затем снял джинсовую куртку, быстро влез на забор и закинул её на острое ограждение сверху, а затем и сам перелез, аккуратно придавив проволоку.

– Давайте сюда, – шепнул он.

– Может не надо? – спросила Женя, а после этого сзади, где-то вдалеке, пространство разрезал внезапный крик, от которого птицы резко взлетели со своих мест. Это был оставший: крикун. С ним ещё, как минимум, должно было быть маленькое стадо.

– Быстрее! Сюда! – скомандовал Паша уже громче. Скрываться не было смысла. Нужно было бежать или идти за Пашей. Видимые перспективы были только у второго варианта...

Сначала мы в секунду перекинули все вещи через ограду, затем помогли девушкам взобраться наверх, я полез первым, порезав наверху слегка ладонь, а через несколько секунд, когда приземлился на землю, упал рядом и Никита. Паша помог мне встать, подавая катану.

– Быстрее, быстрее! – командовал он. – К зданию!

Мы отступили. На половине пути снова послышался крик, уже намного ближе, но не так близко, чтобы сильно задеть. Вдали был гул мычащих звуков.

– Блять, да где же здесь дверь?! – ругнулся Паша, раскидывая листья растения, которое опутало небольшое здание

сада. – Сука!

Мы лихорадочно пытались найти вход среди веток и листьев. Из-за темноты приходилось это делать почти наощупь. Мычание становилось всё ближе. Где-то рядом слышался шелест, а затем и звяканье металла.

– Быстрее, сюда! – крикнул Никита. Все побежали к нему. Дверь оказалась совсем неприметной.

– Откройте! – кричал Паша, беспомощно стуча в дверь, но это было бесполезно. – Кто-нибудь!

Одновременно с этим скрипа металла становилось всё больше, но это уже было от сетки позади нас. Возле забора уже были десятки восставших, и все они с силой шатали забор, пытаясь добраться до нас.

Нужно было что-то делать, но я не знал что. Нужно было найти какое-то окно, лестницу – что-нибудь.

– Сука! Да откройте же!! Кто-нибудь! – кричал Паша.

– Паша, здесь никого нет! – крикнула Катрин. – Валим!

– Нет! Нет!! – кричал он. И тут я заметил, как что-то шевельнулось чуть в стороне от двери, на уровне второго этажа.

– Кэт, посвети! – подбежал к ней и показал туда, где заметил движение – это оказалась камера слежения. Через несколько секунд она снова шевельнулась, направляя свой объектив прямо на нас с Катрин.

Там точно кто-то был!

– Нет... – сказал Паша, доставая пистолет. – Что же делать...

– Паша, тут кто-то есть! – я подбежал к нему и указал на камеру.

– Что?!

– Шевелилась! – сказал я, не понимая, почему он так тупит. – Камера шевелилась!

Он ещё секунду смотрел на меня, а затем повернулся и снова забил в дверь:

– Откройте! Ради всего святого! НУ! БУДЬТЕ ЛЮДЬМИ, БЛЯТЬ!! Мы знаем, что внутри кто-то есть! Открывайте, чёрт возьми! – Паша гневно ударил в дверь носком ботинка.

Неожиданно звон металла на секунду усилился, и я понял, что забор не выдержал. Это поняли все.

– Открывайте!

Послышались выстрелы – это Никита уже начал отстреливать тех, кого видел. До восставших нас отделяли несколько десятков метров. Новый крик чуть не сбил с ног, но я выдержал, всё ещё держа катану в руках.

– Не оставляйте нас умирать! Пожалуйста!

Неожиданно дверь, с металлическим скрипом, открылась.

– Внутрь! – крикнул Паша. – ВНУТРЬ ВСЕ! ЖИВО!!

Он стоял возле входа, махая рукой. Я забежал внутрь, предпоследним, а за Пашей дверь закрылась, оставляя нас в крошечной тьме. Он включил фонарик, проходя мимо остальных вперёд. В дверь за нами стучали восставшие и пытались дёргать за ручку, но это было бесполезно.

– Что это? – спросила Женя. На полках стояли пустые

горшки, а на полу были разные коробки. Внутри никого не было.

От входа тянулся узкий коридор, который выводил в небольшой зал, который делился ещё на два коридора по бокам, но оба они кончались тупиком. Вокруг были лишь горшки, да разные инструменты, вроде тяпки и граблей.

– Куда сейчас? – спросила Женя. Но ей снова никто не ответил.

Ноги подкашивались, а на тело, казалось, будто навесили несколько десятков килограмм – поэтому сел на пол, упёршись спиной к холодной бетонной стене.

– Я не знаю, – сказал Паша. – Тут, наверное, где-то скрытая дверь или что-то такое. Но ничего не вижу...

Все устало сидели в небольшом зале, и только Паша пытался что-то нащупать в стенах.

– Что-то... – повторял он, как заведённый, -... кто-то же нас впустил!

Через несколько минут он бросил это занятие и сел рядом со мной.

– По крайней мере, – начал я, пытаюсь его подбодрить, – мы в безопасности. Окон нет, а за нами очень толстая дверь – им до нас никак не добраться.

В дверь всё ещё били, и был слышен гул десятков голосов. Иногда пространство разрезал жуткий крик. Паша вздохнул и прикрыл лицо руками. Свет от фонарика протянулся по полу и делал небольшой полукруг на противоположной сте-

не.

В голове всё смешивалось, а тело тяжелело. Глаза начали закрываться. Такое ощущение, будто я не спал неделю.

– Блин... – протянул Паша.

Весь мир для меня раздвоился, и образы брата, кружась, упали на пол. Все вокруг медленно опускались. Меня тоже утягивало.

– Что за... – протянул я, но не успел закончить, как меня покинули последние силы и тело упало прямо на брата, а глаза безвольно закрылись.

Послышались чьи-то шаги, но они быстро потонули в темноте...

* * *

Очнувшись, не сразу вспомнил, кто я такой. В голове стояла сильная боль, а глаза не получалось открыть.

–...ну... лся? – услышал я. Звуки приносили ещё больше боли. Такое ощущение, будто кто-то вскрыл мне череп и просто покопался внутри ножом, ничего не закрыв. Звуки стали чётче: – Тише-тише... Пока лучше не шевелись и не пытайся открыть глаза... Скоро пройдёт.

Голос был женским. Кто-то плавно гладил меня по голове. Я послушно не пытался шевелиться, потому что от этого только сильнее жгло по всему телу.

Не знаю, сколько прошло времени, двадцать минут или

несколько часов, но мне показалась это целой вечностью, пока, наконец, не смог открыть глаза. Сразу же ударил свет от лампы, что висела над металлической дверью, и закрыл их снова.

– Подожди ещё немного, – говорил женский голос. Это была Женя. Звуки больше не вызывали волны боли в голове. – Скоро должно стать лучше. Оно долго не работает.

Через какое-то время отступила боль в теле, и я смог сначала кое-как пошевелить рукой, но вскоре вовсе сесть – сразу закружилась голова, но упёрся в стену, а Женя подхватила. Мы сидели на небольшой больничной кровати-кушетке.

– Тихо-тихо. Не спеши.

– Где мы? – тихо спросил я, пытаюсь осмотреться, но свет всё так же беспощадно слепил.

– Не знаю.

– Где... где остальные? – мне всё это не нравилось.

Женя некоторое время молчала.

– Паша? – бросил я. Крик отдался новой головной болью, но я продолжал: – Кэт? Паша! Никита!

Попытался встать, но резкая колющая боль в ногах заставила сесть обратно.

– Где? – крикнул я.

«Успокойся. От твоих криков ничего не поменяется».

– Где они? – Женя меня удерживала, но резким рывком я вырвался и упал, с болью ударившись лицом о бетон.

– Костя, успокойся, – Женя помогла встать и усадила ме-

ня. – Пожалуйста, успокойся. Боже, если бы я только знала что ты так отреагируешь...

Я вздохнул и снова попытался открыть глаза. Болела голова. Кое-как, но мне удалось это, и увидел небольшую тускло освещённую бетонную комнату – нет, даже просто ячейку – где мы находились. Комната была примерно два на три метра, с единственной деревянной лавочкой у стены.

– Где мы? Что это за место? – тихо спросил я, после недолгого молчания.

– Не знаю, я же говорила...

– Откуда ты тогда знаешь про этот препарат?

– Просто очнулась раньше.

– Когда?

– Не знаю. Может, час назад, может и три, – тихо сказала она. Посмотрел на свои часы – почти четыре часа. Но непонятно, утра или вечера. Других вещей не было. Мы сидели в больничных халатах.

Мы молча стали ждать, что произойдёт. Мне совсем не хотелось говорить, и Женя прекрасно это понимала. Голос тоже молчал.

В одних халатах было прохладно. Сквозь тонкую ткань были видны тонкие черты тела Жени – очень красивые, к слову – а волосы были распущены. Когда мы встречались взглядом, я смущённо отводил глаза.

Периодически удавалось задремать.

Ближе к восьми часам стальная дверь щёлкнула, и дверь

резко открылась.

– Что?.. – не успел я договорить, как кто-то крикнул с коридора:

– На выход! К стене!

Посмотрел на Женю: она послушно пошла вперёд.

– Что вам от нас надо? – спросил я, входя в коридор. Кто-то позади с силой пихнул меня вперёд, от чего я чуть не улетел в стену. Дверь закрылась за спиной.

– Руки за спину! – скомандовал голос.

– Кто вы?! – повторил я, резко развернувшись. Позади, оказался высокий человек в чёрной защитной экипировке, с автоматом в руках. А за ним, в тени, был ещё кто-то, но не мог разглядеть кто.

– Костя, не надо, – сказала Женя, но я не слушал.

– Что вам от на... – не успел я договорить, как резкий удар по ноге свалил меня на колени.

– Встать! Руки за спину! – повторил грубый голос из-под шлема. – Вперёд.

Мужчина в светлом халате выступил из тени – его лицо озарял слабый жёлтый огонёк сигареты, которую он держал во рту.

– Миша, успокойся. Не нужно пугать наших посетителей, – он на секунду достал сигарету, выпуская облако сигаретного дыма, а затем вернул на место. – У нас их и так их не бывает.

– Но... – возразил мужчина в обмундировании.

– Беру ответственность на себя. Они чистые, – сказал человек в халате, подходя к нам. С его головы на лоб свисало несколько неаккуратных кудрей, а на лице была заметна недельная щетина.

– Как прикажете, – недовольно сказал солдат более ослабленным голосом, но автомат не убрал.

– Простите моего товарища. Вы у нас своеобразный феномен – методология обращения, конечно, хромает, – сказал человек в халате, подходя ко мне. Он протянул руку, достав её из кармана халата, но я вместо этого посмотрел в его лицо.

– Что вам от нас надо? Кто вы? – спросил я с пренебрежением.

– Тише. Какой бойкий, – улыбнулся на секунду человек в халате. – Так ты будешь вставать или тебе на коленях нормально? Конечно, как удобно – настаивать не буду.

– А не боитесь? – бросил я. – Так руку протягиваете...

– Чего? Вас? Мальчик, это вы у меня дома, а не я у вас. Можешь, конечно, что-нибудь выкинуть – а смысл? Сколько после этого продержишься? Десять минут? Полчаса? Час? Малый срок, в любом случае. Да и смерть мне давно уже не страшна. Так что, если кому и бояться, то только вам. Но бояться нечего, если будете вести себя нормально. Так будешь вставать?

Посмотрел на его протянутую руку, несколько секунд помедлил с решением, но всё-таки взялся, и встал.

– Где мои друзья? – тихо спросил я, не выпуская руку и с

вызовом смотря в его лицо.

– Всему своё время, – ответил мужчина в халате, дыхнув мне в лицо табачным дымом. Сигарета почти кончилась – огонёк подобрался к фильтру, и мужчина свободной рукой взял сигарету и бросил её в темноту – маленькая точка скрылась где-то в коридоре.

– Где они?

Человек в халате вырвал руку резким движением:

– Остальные были более... спокойными. А здесь такая агрессия... Пойдём, – сказал он, проходя вперёд.

Я посмотрел на другого, охранника – он кивком показал идти вперёд. Выбора не было.

«Мне тоже это не нравится, – сказал Голос. – Будь аккуратнее. Если что – бери в захват учёного».

Подошёл ближе к нему. Женя молча шла позади. Мы подошли к двум смыкающимся металлическим дверям, где мужчина в халате нажал на кнопку в стене. Примерно через десять секунд двери раскрылись, запуская нас внутрь слабоосвещённой кабины. На стене была небольшая панель с тремя кнопками, но ни одна не была подписана.

– Миша, давай на исследовательский, – сказал мужчина в халате.

– Вы уверены? – спросил охранник.

– Да, – бросил первый. – Хочу побыстрее с этим делом разобраться и передать вам. Там ещё Лиза отчёт подготовила по новому вскрытию – надо просмотреть до конца дня.

Охранник нажал на вторую кнопку.

– Что это? – спросил я, пока кабина двигалась. – Кто вы?

Мужчина в халате вздохнул:

– Как много вопросов, и как мало терпения... – недовольно проговорил он. – Неужели так сложно подождать? Другие проявляли больше терпения... Не хочу каждому одно и то же повторять, понимаешь? Вот придём, и узнаешь. Там, тем более, вас уже ждут.

– Кто? – спросил я.

– Вот вопросы спрашивать умеешь, а слушать – нет. Говорил же, что остальные ваши друзья уже там.

«Он врёт».

Я решил подождать и посмотреть, что будет.

«Он врёт», – повторил Голос.

Двери раскрылись, открывая перед нами длинный, хорошо освещённый, коридор. По бокам его были стеклянные стены: внутри были люди в халатах, передвигаясь туда-сюда и что-то делая у компьютеров.

Несколько фигур в жёлтых защитных костюмах копались вокруг голого восставшего, лежавшего на столе. Трое, в другой комнате, сидели за столом и активно спорили. Один, в ещё одной комнате, спал прямо за столом, перед компьютером, который опускал на него тёмно-синий свет.

Мы прошли несколько поворотов, и вошли в одну из многочисленных дверей. Здесь стены были бетонными, без стеклянных вставок. Охранник на входе слегка кивнул учёному.

Посередине комнаты стоял длинный деревянный стол, а вокруг много стульев. Чуть вдали стоял ещё один охранник. За столом я сидели Паша, Катрин и Никита. Все они тоже были в одних халатах. Паша бросился к нам и обнял Женю:

– Вот ты где, – улыбнулся он. На его руках звенели наручники. – Как ты? Всё нормально? Я волновался.

– Паша, где мы? – спросила девушка. На ней не было лица. Катрин и Никита не вставали, внимательно наблюдая за нами. Только Никита слегка приподнял руку в приветствии. – Мне страшно...

– Садитесь. И... – сказал учёный, явно обращаясь к охраннику, – извини, не помню имени: Игорь? – охранник кивнул. – Игорь, сними с остальных наручники.

– А устав, Святослав Сергеевич? Не положено. А если это опасные элементы?

– Для этого мне нужен здесь ты и твой товарищ. Давай быстрее. Беру на себя ответственность. Пока что это не опасные элементы или заключённые, а гости, – учёный недовольно посмотрел на охранника, который всё так же стоял у дверей. – Игорь! Быстрее! Ну, серьёзно, я ещё поработать хотел, а уже утро почти кончилось!

Я посмотрел на часы: почти десять. Уже утро...

Охранник не спеша подошёл ко всем и расщелкнул наручники, убрал их за пояс:

– Вы точно уверены? – переспросил он.

– Да, – протянул учёный, усаживаясь за другой конец сто-

ла. – Теперь можем продолжать?.. – он, не дожидаясь ответа, продолжил: – Садитесь, и перейдём сразу к сути, – я, вместе с Женей и Пашей, сел за стол. – Меня зовут Святослав Сергеевич Прошин. Можно и просто «Слава», но этой привилегией мало кто пользуется... Руковожу исследовательским отделом и отделом по контролю за развитием вируса. Сегодня я ваш гид по ответам и вопросам – так что, не стесняйтесь, задавайте. Знаю, что их много, – при этих словах он вздохнул, достал из кармана светлую пачку, откуда вытянул сигарету, и положил обратно. После этого зажёг кончик сигареты, держа её во рту. – А, и приношу извинения за газ – сами понимаете, безопасность, все дела. Заносить активную стадию вируса внутрь нельзя. Но мы вас проверили, увидели, что вы чистые – так что сейчас нормально.

– Святослав Сергеевич, – недовольно протянул охранник, – вы же знаете, что здесь нельзя курить. Может пожарка сработать от дыма.

Учёный затаился, а через секунду выдохнул маленькое облачко дыма.

– Она не работает уже пару месяцев... Да и мы же никому не скажем. Не отвлекай меня – видишь, сколько людей ответов ждут? Во-о, – протянул он с важным видом. – Наверное, перед тем как начать отвечать, лучше прояснить, где мы, – он усмехнулся. – Наверняка у каждого сейчас вертится подобный вопрос. Начнём с того, что сейчас мы находимся под землёй, на секретном исследовательском комплексе. Сразу

скажу, что бежать отсюда не получится – даже не пытайтесь. Надо иметь допуск в системе – иначе выйти не получится. Войти – да. Выйти – нет. А теперь готов ответить на ваши вопросы.

Он курил, молча ожидая вопросы. Я смотрел то на Пашу, то на Катрин, то на Никиту (который сидел расслабленно, рассматривая свои ногти на руках), то на Женю (которая тяжело навалилась на стол) – она о чём-то перешёптывалась с Пашей.

– Ну? – спросил мужчина в халате, перевалившись на левый локоть. Сигарета сгорела наполовину – учёный периодически сбрасывал пепел на пол. – Ни у кого нет вопросов?

– Кто вы? – я решил начать первый.

– Я? – переспросил учёный. – Так я же ответил уже.

– Я не это имел в виду. Не «вы» конкретно, а «вы» вообще... Где мы? Никогда ни о чём таком не слышал, а это сложно было бы удержать в тайне... Почему никто о вас не слышал? Полгода шерстил долбаный эфир на разных частотах и в разных частях страны, даже был в единственном уцелевшем городе – и нигде о вас ничего не слышно. Только в одной, долбанной, карте отметка стояла. Даже без подписи. Почему? Где вас носило, когда люди умирали на улицах? И сейчас, когда они продолжают умирать? – я начинал злиться, но ещё сдерживался. Мне хотелось задать массу вопросов долгое время, но до этого дня не знал кому.

Учёный пристально смотрел на меня, пока делал глубо-

кую затяжку, а затем медленно выдохнул:

– Это исследовательский комплекс. Насчёт спасения – это к правительству, к военным, а не к нам. Их задача была строить военные базы, укрепления, проводить эвакуацию населения и прочее. Мы предупреждали, ещё с самого начала, что пассивные действия не будут иметь смысла, что нужно ужесточить контроль за людьми, и уйти под землю или в полный карантин – вирус распространялся очень быстро. Но есть вещи важнее жизней людей – наверное, так люди сверху и думали. Есть границы у наших возможностей – нельзя по желанию взять и внушить нужные мысли начальству. Они нам могут внушить, мы им – нет. А по поводу сейчас: думаешь, мы об этом не думали? Понимаю твою злобу. Должно быть, все вы сейчас злитесь. И понимаю как это выглядит: будто мы здесь отсиживались спокойно под землёй, пока наверху человечество гибнет – вот же какие эгоистичные, да? Подумай вот над чем: если мы начнём впускать всех – как долго продержимся? Вдруг кто-то будет заражён? А на сколько хватит запасов? Задавался ли ты такими вопросами? Мы ведь не простая группа выживающих, а исследовательский отдел. Возможно, что последний на всей чёртовой земле. И что тогда будет? Найдёт ли кто-нибудь лекарство? Наша работа слишком важна.

– Но наверху живые люди! – попытался возразить я, но Слава меня перебил.

– А здесь – нет? Мы, по-твоему, в шашки играем? Может,

пьем вино и курицей закусываем, пока там инфицированные поедают здоровых? – он резко перешёл на серьёзный, даже угрожающий, тон: – Мой тебе совет, мальчик, повзрослей. Мир не так односторонен, как ты думаешь. Иногда нужно уметь жертвовать, как бы тяжёло это ни было. Мы не злодеи, но такова плата за работу.

– Тогда почему вы впустили нас? Почему?

– Мы тоже люди. У некоторых здесь даже есть семьи, – проговорил Слава, глядя пристально на меня и добавил: – Плюс, у вас могут быть сведения с поверхности, которые мы получить не можем. Как о том городе, который ты упоминал.

Мне нечего было ответить. Понимал, что он прав. С самого начала это понимал, но нужно было сказать, что вертелось в мыслях долгие недели. Хотелось обвинить кого-нибудь во всех бедах, чтобы сбросить давящий груз.

– Подождите, вы сказали, что возможно остались последними. А как же... где остальные? – неожиданно спросил Паша, поменяв тему разговора. – С кем есть связь? Какие страны остались?

Учёный достал пачку и затушил сигарету внутрь.

– Хороший вопрос, а вот ответ на него – не очень: скорее всего, никто. По тем данным, что у нас есть, во всех континентальных странах вирус взорвался большой вспышкой, и за считанные недели разросся до таких масштабов, что уничтожил всю вертикаль власти. Мы были не единственными, кто недооценил угрозу... Ещё какое-то время мы поддержи-

вали связь с другими странами, но пару месяцев назад французское подразделение – последнее, которое оставалось на связи – прекратило выходить. Конечно, может, упал спутник, или у них проблемы со связью, но вера в лучшее давно закончилась.

– А Китай? США? Англия?

– Я же сказал, – вздохнул Слава, – никто. Китай выбыл самым первым – хорошо, что вы не видели, что там за ад творился. Военные сначала полностью закрывали города на карантин, начались уже открытые зачистки, а потом... сотни тысяч инфицированных... Их было так много, что они забивали всю улицу... Они не просто охотились на людей – они уничтожали всё, что было на пути. Потом начались не просто зачистки, а полные уничтожения городов – сейчас там остались только руины... Мы даже регистрировали две волны от применения ядерного оружия – тяжело представить что там произошло. В США держались до лета прошлого года, но в июле связь оборвалась – у них часто случались перебои с энергией, но в этот раз окончательно. Возможно, они смогли мобилизовать все военные силы и организовать «чистый» город. Этот план – последнее, что они успели нам передать. Но они бы вышли на связь. С Англией примерно та же ситуация. С последними очень жаль, в последние дни они что-то обнаружили, но мы так и не дождались новой информации.

– И что? Лекарства нет? Вообще ничего? – спросил Паша с каким-то бессилием в голосе и отчаянной надеждой одно-

временно. – Откуда этот вирус вообще взялся?

– Не все вопросы сразу, – ответил Слава. – Насчёт лекарства – хотел бы я сказать «да», но не могу. Нам до сих пор не удалось стабилизировать вакцину.

«Вот видишь. Я тебе об этом и говорил. Спасения нет. И ты – самая главная опасность здесь сейчас».

Паша откинулся на стуле. У всех на лицо опустилась тень разочарования. Наверное, каждый из нас подсознательно хотел узнать, что есть ещё надежда, что есть лекарство. Но его не было. Женя спрятала лицо в руки. Только слышно было, как тихо гудела лампа на потолке.

– Как же так... – проговорил Паша в пустоту перед собой. – И... что? То есть, у вас есть план? Есть хоть какие-то наработки?

Слава достал пачку, наполовину вытянул сигарету, но засунул её обратно и спрятал пачку.

– Мы до сих пор работаем над изучением вируса. Чтобы сделать вакцину, надо стабилизировать иммунный ответ, а это очень долгий процесс из-за его строения. Есть, конечно, различные гипотезы, но подтвердить сложно – добровольцев нет. Пока успехов мало... В общем, мы подошли к моменту, который мне нужно с вами обсудить. Это насчёт нашего с вами отношения. Вот какие есть варианты: либо вы останетесь и поможете в нашем непростом деле изучения, либо можете уйти, но тогда мы больше никогда не увидимся, потому что во второй раз мы на такой риск не сможем пойти. Но я бы

очень хотел, чтобы вы остались: мы испытываем сложности с добычей... м-м, так сказать, материала для изучения. Выбор за вами.

Около минуты все сидели молча, затем Паша повернулся к нам:

– Что думаете? – спросил он усталым тихим голосом.

Никто сразу не ответил.

– Не знаю, – первой молчание нарушила Женя. Она тоже была подавлена. – Я больше ничего не знаю... Выбирай сам – ты лидер, ты нас сюда тащил. Я, в любом случае, буду с тобой.

– А ты, Никита? – спросила Паша у Никиты, который смотрел в потолок. – Что думаешь?

– Что думаю... что думаю... – проговорил он задумчиво, не поворачиваясь. – А что тут думать? Мы и так уже достаточно мотались. Здесь хоть какой-то смысла. Может... может так было нужно, чтобы мы сюда пришли... – я удивился тому, что его ответ не оказался «решай сам». – Но, как и сказала Женя: выбор за тобой.

– А как же люди наверху?.. – спросил Паша.

– Это твой выбор, – повторил Никита. – Я решать ничего не хочу.

– А ты, Кэт? – Паша повернулся к ней.

– А ты меня услышишь? Ай... Ты прекрасно знаешь, что я думаю, – недовольно бросила она. – Решай сам.

Наконец, Паша посмотрел на меня:

– Костя?

Я вздохнул.

«Скажи ему, что тебе хочется уйти. Отсюда уже не бежишь – тебе это надо? Скажи ему, что думаешь».

– Паша, решай сам, – сказал я. – Кто бы что ни говорил – как видишь, мы примем твоё решение. Все вместе. Ты наш лидер – реши, как будет правильнее. Мне лично больше некуда идти... и незачем.

Брат отвернулся, задумавшись.

– У меня есть время подумать? – спросил он у Славы. – И что насчёт наших вещей?

– Вещи вернут – не волнуйся. Мы забрали их на обработку. Но, возможно, не все. Изношенную одежду выбросят и дадут другую, на замену. А вот насчёт подумать – можно, если недолго. Но подумай хорошо. Пару дней у тебя есть, – Слава несколько секунд подождал, но ответа не последовало, и он добавил: – Интересная у вас катана – экзотика. Но дико непрактичная.

– Хорошо, – сказал рассеянно Паша, встав с места и пропустив последние слова. – Тогда можно нам отдохнуть? Насколько я понимаю, мы в камеры не вернёмся?

– Нет, не вернётесь. Это была временная мера, – улыбнулся учёный. – А насчёт отдохнуть – да, вы свободны. Но я бы попросил тебя и твоего брата остаться.

– Откуда вы знаете, что мы братья? – спросил Паша.

– Так и думал, – снова улыбнулся учёный. – Это насчёт

вашего отца.

Мы с братом удивлённо переглянулись и сели обратно на места. Женя окинула нас волнующим взглядом.

– Не волнуйся, я скоро приду, – успокоил её Паша, но он и сам выглядел взволнованным.

– Точно? – она посмотрела на меня.

– Не волнуйся, я пригляжу за ним, – ответил я, натянув улыбку.

Женя на секунду улыбнулась в ответ, но потом рассеянно ответила:

– Хорошо... – и пошла к выходу и остальным, где их ждал охранник. Через несколько секунд дверь за ними закрылась.

– Что вы знаете об отце? – спросил Паша.

– Ваш отец – Олег Рудвенов, да? А вас зовут, – Слава на секунду задумался, будто что-то вспоминал. – Костя и Саша?... Нет, Паша. Да, Паша.

– Откуда вы знаете? – спросил я.

– Так и думал. У вас его глаза. У обоих, – улыбнулся на секунду учёный. – Мы вместе работали... А о вас узнал в ваших вещах – там лежал твой, – он посмотрел на Пашу, – паспорт. О Косте больше догадался. Вас-то я видел ещё совсем маленькими... Вы, наверное, и не помните: я на похоронах вашего отца был. Давно это было... А где ваша мама?... Умерла?

Паша кивнул.

– Очень жаль. Очень красивая женщина была. И силь-

ная, – Слава сделал небольшую паузу, а затем продолжил: – Но я не об этом хотел поговорить. Как бы начать... Вот вы спрашивали, откуда взялся вирус, да?

– Нет, не спрашивали... – ответил Паша. – А вы знаете?

– Да. Мы с вашим отцом работали над ним. Мы его создали.

Я сидел и не мог поверить.

«Нет, он врёт. Точно врёт... Но зачем?»

«Снова это чувство... Бей! Накажи его за грязную ложь!»

– Вы врётё! – крикнул я. Тело двигалось само по себе.

Я медленно подошёл к нему: – Вы ничего не знаете о нём! Ничего! И не можете! Он – никогда! – я взял учёного за халат и приподнял уголки – в его глазах не было ни капли страха, а в моих – стояли слёзы. – Папа никогда бы такое не сделал!

– Послушай, – тихо произнёс он, с жалостью глядя на меня, – я и сам не поверил, если бы был на вашем месте. Дай мне сказать – потом можешь выплёскивать свою ярость.

– Нет... – тихо сказал я, но кто-то положил руку мне на плечо. – Это всё заговор... Ошибка...

– Костя, не надо. Успокойся, – сказал Паша.

– Ты ему веришь? – спросил я, резко обернувшись. – Папа не мог сделать... такое! Он... он хороший. Не мог, – в голове всё смешалось.

Мой папа был героем – он никогда не сделал чего-то такого, что уничтожило бы людей.

«Не верь им. Они все врут».

– Успокой своего брата, иначе он сам вам повредит, – эти слова Слава направлял не на меня, а куда-то позади.

– Костя, послушай, – сказал Паша, подойдя и усаживая меня обратно за стол. – Давай не будем делать поспешных действий, ладно? Этим ты точно ничего не изменишь. Пожалуйста. Ради меня. Отпусти его и дай сказать.

– Паша, они пытаются нас запутать... Нас всех. Им всё известно. Всё. Или... нет... точнее, ничего... Они ничего не могут знать... Я запутался...

Паша сел рядом и посмотрел на меня с улыбкой. Я отпустил воротник Славы.

– Костя, я на твоей стороне. Всегда. Но мы не можем сейчас выкидывать такие фокусы, да и незачем. Подумай сам: зачем им это делать? Давай будем умнее и будем думать, перед тем как что-то делать, хорошо? Тем более, что мы даже не дослушали, – Паша говорил со мной как с маленьким, но так его слова сейчас влияли на меня сильнее. Я кивнул в ответ. – Вот и замечательно. Давай послушаем – тем более, что нас никто не трогает, – после этого он повернулся к Славе: – Продолжайте.

Учёный успел достать ещё одну сигарету, пока мы говорили.

– Бойкий у тебя брат. Боевой... – он выпустил язычок огня из кончика зажигалки и сигарета начала медленно уменьшаться, забирая вместе со своим дымом и здоровье курильщика. Учёный продолжил, выдохнув табачный дым: – В об-

щем, как и сказал ранее, мы с вашим отцом работали вместе над этим вирусом. Тебе, – он посмотрел на меня, – тогда ещё и года не было, да... Ладно, не об этом сейчас... Вы думаете, что мы создавали оружие, но мы не собирались этого делать – наоборот: мы создавали вирус, который бы увеличил физический предел возможностей тела человека. Вы же знаете, что есть отдел в нашем мозге, который блокирует часть возможностей тела? Например, ограничивает силу мышц, чтобы мы не навредили себе? Или чтобы не умерли от иммунного ответа? Наша задача была в том, чтобы эти границы не просто открыть, а расширить, и при этом без вреда для носителя.

– Но... зачем? – спросил Паша. – Люди и так довольно удачный вид – зачем что-то менять? Тем более, что перспективы технического развития были очень близки... И как вообще получилось, что он теперь превращает людей в монстров?

– Технический прогресс может отторгаться организмом как чужеродные элементы. Вирусы и бактерии же внутри нас – привычное состояние. А вот насчёт процесса инфицирования – тут-то и кроется загвоздка, – он выдохнул дым. – Конечно, по уставу я не имею права вам этого рассказывать, но вы, наверное, единственные кто точно имеют право знать. По крайней мере, на вашем месте я бы точно хотел получить ответ... – я только сейчас заметил, насколько Слава выглядел старым и уставшим, хотя сначала выглядел энергичным

и живым. По виду – за пятьдесят. Он сидел, смотря на зажигалку, которую сам же крутил в руках. – Не буду вдаваться в детали, расскажу кратко: мы хотели, чтобы у субъекта, пассивно заражённого альфа-вирусом, существенно увеличивалась скорость регенерации тканей, повышался иммунитет и реакция. Когда мы смогли добиться того, что вирус удачно вступает в симбиоз с организмом и начинает паразитировать с нужным эффектом без ухудшения общего состояния – это был настоящий успех. До сих пор помню тот день, когда Олег принёс кролика из лаборатории, прямо сюда, и говорит: «Этот кролик – наше будущее!», – Слава грустно усмехнулся. Его слова напоминали текст какой-то фантастической книги. Но если это всё правда, а мне теперь очень хотелось в это верить, папа всё-таки помогал людям. – Никто не знал, что этот кролик станет началом конца. Но тогда нам казалось это победой. Огромной. Мы вынашивали эту идею ещё с университетских времён, и, вот, тот кролик был удачным её воплощением... Мы даже надеялись получить нобелевку... Позже спецслужбы засекретили разработку и перевели её на военные рельсы. А через несколько лет испытаний и доработок, когда вирус стал достаточно стабильным, дали приказ провести испытание на нескольких заключённых, которым всё равно была объявлена смертная казнь – результаты оказались выше всех ожиданий. Проект вышел в теневой сектор и даже были привлечены сторонние инвесторы...

– Подождите, – прервал его Паша. – Как так получилось,

что наша секретная разработка оказалась по всему миру? Как же длительные тесты? Это же не какая-то мелкая технология, а, получается, биологическое оружие...

– Во-первых, я не говорил, что она по всему миру. Я говорил, что вспышки были на континентальных странах, с которыми у нас сохранялась связь. Насчёт других регионов – неизвестно. Во-вторых, не перебивай меня, пожалуйста. Я всё расскажу, как придёт время. Так, на чём я остановился?.. Да, точно, инвесторы... За три года до вспышки нескольким работникам удалось сбежать за границу, под видом политических беженцев – так разработка оказалась в других странах. Это, конечно, не точная информация, но мы придерживаемся этой версии. А где военные перспективы – там и деньги на исследования... Так или иначе, но в других странах тоже начались исследования с альфа-вирусом. Видимо, результаты были превосходными, как и у нас. Заражённые солдаты – это было лишь делом времени, мы все это знали, но думали, что потом можно будет перевести разработку на гражданские рельсы и помогать людям. Никто не знал, что первые «модифицированные» солдаты появятся так скоро. Первыми были США – они провели испытания в Чечне. Группа из десяти человек могла превзойти аналогичную по оснащению из пятидесяти – феноменально... Мы тоже не отставали и... Ладно, опустим это. Уже неважно кто там дальше шёл и как развивалось. Мы все одинаково виноваты в этом... Потом одна случайная мутация, и... Какое-то время пытались

замолчать, взять под контроль, но чтобы без экономических потерь... Итог вы видели.

Повисло молчание. Я пытался принять информацию, которую только что услышал, но это было невозможно. Это было что-то за гранью реального: секретные разработки, заговоры, гибель всего мира – слишком много для одного дня.

Напряжённо ждал, когда он продолжит, но этого не происходило.

– Уф... тогда последний вопрос: почему после смерти люди превращаются? Это же бессмыслица. Мозг и сердце перестают работать – и всё, конец, – по виду, у Паши было такое же состояние, как и у меня.

– Мы добились результатов в пассивной фазе: когда вирус не старается уничтожить организм, а вступает с ним в симбиоз, изменяя генетическую структуру. По расчётам такого не должно было быть, но в мутированной версии вируса у людей, в момент смерти, падает уровень иммунитета и вирус переходит в активную фазу. Если такой вирус попадает в организм незаражённый или заражённый пассивно – там начинается агрессивная активная фаза. Думаю, симптомы вам знакомы: организм пытается сопротивляться вирусу, вместо того чтобы вступать в симбиоз – как в пассивном режиме – и в результате по телу появляются пигменты синего цвета. По мере того, как вирус размножается, эти пятна занимают всё большую площадь, пока иммунитет не сдаётся – в этот момент организм умирает. Но не совсем. Тогда начи-

нают работать скрытые в изменённом вирусом геноме механизмы регенерации. Для этого необходимо много питательных веществ – поэтому инфицированные люди всегда сначала медлительные, неуклюжие... и голодные. В этом состоянии мозг не работает так, как при жизни, полностью, а только на необходимом минимуме, чтобы поддерживать тело... Но это продолжается недолго. Со временем, из-за нехватки питательных веществ, организм переходит в стадию анабиоза, а затем умирает, – Слава затушил сигарету в пачку и спрятал её. – Вспомнил: в активной фазе, когда организм регенерирует повреждённые клетки, своеобразно улучшаются показатели тела. Обычно это что-то одно. Если у вас при жизни были хорошие физические показатели, бегали быстро – вирус это улучшит. Или, если вы имели вокальные способности.

Теперь многое стало ясным, но был и ещё главный вопрос. Паша опередил меня:

– А где именно началась вспышка? – спросил он, спустя минуту молчания. – Вы же сказали, что сначала пытались держать под контролем. Сказали, что правительства знали о разработках.

– Скорее всего, не все правительства и знали. Где-то это, наверняка, ушло в частные руки... Да и много чего старались замолчать... Не знаю. Хотел бы я знать где было начало... – тихо проговорил Слава. – Одно точно могу сказать: никто не ожидал такого. Никто... А когда поняли – уже было позд-

но, – Слава посмотрел на часы. – Я тут с вами засиделся. Да и вам, наверное, нужно всё обдумать, обсудить...

Учёный встал и пошёл к двери:

– Буду ждать вашего решения.

– Я хочу уйти, – сказал Паша нерешительно. Видимо, последняя информация подбила его.

– Жаль... Но лучше подумай ещё. Обсудите вместе. Время есть, – сказал Слава и вышел в коридор.

Через несколько секунд к нам подошёл один из охранников:

– Пойдём. Я проведу вас в жилой отсек, – сказал высокий мужчина в тёмной защитной одежде. – Там можно будет помыться.

Мы встали и побрели за охранником к выходу из комнаты.

– У вас есть вода? – спросил Паша.

– С перебоями, но да, – спокойно ответил охранник. Он закрыл за нами дверь и пошёл вперёд: – Сюда.

Мы прошли дальше по коридору, вдоль бетонных светлых стен – он неожиданно кончился за поворотом винтовой лестницей, которая уходила вверх и вниз. Охранник о чём-то болтал всю дорогу с Пашей, но я не слышал их – в голове всё ещё вертелась информация, которую сказал Слава.

«Странно, что он ничего не спросил о нас. Сказал же, что хотел... Видимо, это не имеет значения. Но зачем же тогда он нас с Пашей оставил? Зачем всё рассказал? Он едва нас знает... Или он потом спросит?...»

Через несколько десятков ступенек, поворотов и минут, мы оказались за невысокой аркой, где вдоль стен были металлические двери с номерками.

– Ваш блок – 236А и Б. Это дальше по коридору, в самом конце. Приятно было познакомиться, – охранник протянул огромную пятерню. – У нас давно не было новых лиц.

– И нам, – ответил Паша с улыбкой, которая исчезла, как только мы развернулись и пошли вдоль коридора. Он спросил у меня: – Что думаешь?

Я устало вздохнул. Мне совсем не хотел сейчас разговаривать. На часах был полдень. Здесь же казалось, что глубокая ночь.

– Хочу отдохнуть. Просто упасть в кровать и спать, – ответил я.

– Понимаю... – кивнул Паша. – Сейчас придём.

Я кивнул. Дальше мы шли молча. Через минуту зашли в наш блок: внутри он делился на ещё четыре комнаты и душ с туалетом. Паша пошёл к остальным, рассказывать им, что мы узнали, а я – в самую крайнюю комнату, которая казалась свободной.

В свете из коридора увидел, что на кровати уже лежали, аккуратно сложенные, светлые спортивные штаны и чёрная майка. Взял их в охапку и пошёл в душ – там было тепло и влажно – кто-то совсем недавно мылся.

Наверное, душ и все блага цивилизации, которые здесь были, должны были меня обрадовать, но сейчас было абсо-

лютно всё равно. Всё это, конечно, уже успело стать непривычно чужим, но сейчас будто не мог этого понять.

Закрыв за собой дверь и начал снимать одежду. Было такое ощущение, будто по телу проехал каток, а в голове неприятно гудело.

«Будь аккуратнее. Мне здесь не нравится».

– Тебе всё не нравится, – сказал я.

«Я серьёзно. Как-то всё очень складно... Не может быть такого».

Оставив всю одежду на полу, вступил в душевую кабинку – кафель на полу был неприятно влажным и уже успел остыть.

– Посмотрим. Пусть Паша решает.

«Тебе всё равно?»

Я слегка покрутил кран, из шлейки потекла сначала прохладная вода, но она с каждой секундой становилась всё теплее, растекаясь по всему телу, проникая в каждую измученную клетку.

– Отстань, – я сделал напор сильнее, пытаюсь смыть с себя всё, что накопилось не только внешне, но и внутри, и не заметил, как начал плакать. Слезы смешивались с водой, и я перестал замечать всё вокруг, с каждой секундой всё больше выплёскивая накопившуюся боли наружу.

Через какое-то время вышел из душа и надел чистую одежду. Я не знал куда убирать грязную, а разбираться сейчас не хотелось – поэтому оставил её на полу, и просто по-

шёл в комнату, выключив свет. В коридоре, к счастью, было пусто, и я проскользнул незамеченным. За одной из дверей раздался Женин смех – звучный, полный жизни.

Зашёл в неосвещённую комнату и, даже не включая свет, просто забрался под одеяло. Хотелось, чтобы этот день просто поскорее кончился.

* * *

На следующее утро меня разбудил один из охранников – он отвёл нас всех в небольшой, но длинный зал, где с одной стороны была конвейерная лента с едой, а с другой – с отходами и грязной посудой. Посередине были длинные пластиковые столы. Охранник сказал подойти к нему, после того как мы закончим есть.

Давали небольшую порцию бледно-жёлтого пюре с консервированными овощами.

«Питательно, насколько позволяет запас», – сказала с улыбкой светловолосая женщина средних лет – одна из поваров.

На вкус оказалось лучше, чем на вид.

Паша спорил с Катрин, стоит ли оставаться. Только теперь всё упёрлось в то, что она хотела остаться, а брат не хотел оставлять людей. Говорил он уже не так уверенно, и даже в последние минуты почти сдался – по его виду было ясно, что он не спал почти всю ночь. Женя выглядела заметно лучше.

Никита был всё так же молчалив и мрачен, как и всегда – он быстро расправился с едой и потом просто сидел.

«Мы с ним были не такие уж и разные, если подумать – у него тоже есть глубокая рана, которая никогда не заживёт».

После небольшого завтрака мы вышли в коридор, где наш охранник разговаривал ещё с одним:

– ... да они так и сказали, – проговорил он тихо, а затем заметил нас: – Кто у вас главный?

– В смысле? – спросила Катрин.

– В коромысле, – грубо ответил охранник. – Мне сказали, привести вашего главного – что неясного?

– Наверное, это я, – сказал Паша. – Я за них отвечаю.

– Тогда пойдём за мной, – охранник пошёл вперёд.

Я стоял, не понимая, что ему нужно. Никто не понимал. Всё вышло быстро, без объяснений.

– А остальные? – спросил Паша.

– Они могут делать, что хотят, – ответил охранник, и они скрылись за поворотом бетонной кишки-коридора. – Только выходить за пределы жилого блока нельзя.

Посмотрел на остальных – никто не знал, что ему делать сейчас. Там, наверху, ты редко находишься без дела: выживание забирает почти всё время – иногда даже не остаётся времени просто передохнуть. Конечно, если станет скучно, можно начать убирать убежище, или, к примеру, заняться сортировкой, но этого почти никогда не случается. Здесь же снова чувствовались те невидимые социальные верёвки, что

связывали не просто действия, а сами побуждения. Встречающиеся везде камеры тоже добавляли напряжения.

Первым решил уйти Никита – он просто молча развернулся и ушёл в сторону жилых отсеков. Через несколько секунд за ним последовала Катрин.

– Только мы с тобой остались? – спросила Женя. Без Паши её лицо снова лишилось улыбки. Её ярко-зелёные глаза устало выглядывали из-под небольшой светлой чёлки – в них читалась скрытая тоска.

– Что такое? – я всё же решил задать вопрос. Мы отошли в сторону и сели на мягкие сидения у стены.

– Не обращай внимания, – она посмотрела в ту сторону, куда ушли Паша с охранником. – Месячные, наверное.

Она врала, но я не стал уточнять. Если хочет скрывать – значит, есть причина.

Я встал, собираясь уйти:

– Пойду обратно в кровать. Не очень хочется что-либо делать, – и пошёл по коридору, куда ушли Никита и Катрин ранее. Женя ничего не ответила.

Прошёл мимо помещения, где в десятках клетках сидели изнеможённые животные. В нескольких комнатах дальше было всего по паре учёных, которые обсуждали что-то своё, а на досках были записаны понятные только им формулы и обрывки мыслей.

Вошёл в блок. Был слышен шум воды – кто-то в душе. Прошёл в свою комнату, и просто лёг на кровать.

В голове начали всплывать обломки вчерашней информации, которые постепенно складывались в пока ещё смутную картинку.

«Получается, папа был учёным... Мама старалась о нём ничего не рассказывать. Почему? Может, её заставили из-за секретности? Всё детство думал, что он дальнобойщик... или вроде того. Я помнил, что он был очень умным, но никогда не думал, что он может быть учёным... А Паша? Почему он не знал? Или он знал? Тогда почему не сказал мне?.. Бред... И, получается, он и начал создавать то, что уничтожило весь мир?.. Но это же не из-за того, что он плохой... Он хотел помочь людям. Сделать их лучше, совершеннее... А, получается, что он их уничтожил... Как же всё это сложно и запутанно...»

Я ворочался с места на место.

«Лекарства нет, как я тебе и говорил. Разве я не был прав? Прав. Напомни хоть раз, когда я оказывался неправ?»

– Отстань, сейчас не до тебя, – я спрятал голову под подушкой, прекрасно понимая, что это не имеет никакого смысла.

«Конечно, можешь меня не слушать – делай себе хуже. Ты меня никогда не слушаешь, и получается только хуже. Но, несмотря на твоё поведение, помни: я всегда на твоей стороне.»

– А потом заставляешь меня покончить с собой, да? Хороший друг – врагу не пожелаешь.

«Я не могу дать тебе больше, чем ты сам себе желаешь. Я – это ты. Просто люди часто не знают, что им действительно известно и чего они на самом деле хотят.»

Я покрепче прижал подушку, закрыв глаза, как ребёнок.

Тьма окутывала не только саму комнату, но и проникала в голову, в мысли, в воспоминания, вытягивая всё это наружу своими мерзкими щупальцами.

Увидел, как умирают десятки маленьких детей, которых уже невозможно было спасти. Как я простреливаю голову своему единственному другу и защитнику, который стоял стеной между мной и опасным миром. Увидел, как восставшие заживо растерзывают молодого парня, который предал своих друзей. В голове пронёсся образ двух маленьких детей, в светлых пуховиках, которые лежали замертво на холодной земле, залитой кровью тех, кому они верили больше всего. Увидел и маленькое синеватое лицо, с застывшим навсегда отпечатком ужаса на лице. Девушка, которая научила меня жизни... и девочка, которая уже никогда не вырастет...

Были и другие образы, которые так же никогда не покидают, и все они сопровождали меня везде, словно безмолвные призраки. И от них не избавиться...

«Наверное, это моя ноша до конца жизни за всё то зло, что я сделал.»

На следующее утро проснулся от стука в дверь. В комнату кто-то тихо зашёл и прикрыл за собой дверь, окончательно вырвав меня из липкого неприятного сна.

– Кость, мне нужно поговорить, – в этом тихом голосе узнал Пашу.

– Ладно, – вздохнул я, но не стал вставать, оставшись так же лежать. Паша не стал включать свет, и просто подошёл к кровати в темноте, сев рядом.

– Как думаешь, стоит нам отсюда уезжать? – спросил он. – Только скажи, что сам думаешь, пожалуйста. Мне важно это знать.

– Разве это имеет значение? Мне казалось, ты уже принял решение, – проговорил я в подушку.

– Да, но, – начал Паша, – вчера я не смог уснуть и, знаешь, отчасти Кэт права: мы все устали, нужен отдых. Я вчера долго разговаривал с Женей. Мы пришли к тому, что, если наверху действительно почти не осталось жизни, возможно, мы все тут последние люди. Может, это объединение – и есть то, что я хотел? Может, хватит бегать, пытаясь спасти больше людей? Потому что... потому что больше некого. Может, здесь мы окажемся более полезными?..

– Я бы остался, но... Прошло уже больше года, как всё началось, а остатков прошлого мира уже не хватает. Здесь мо-

жет быть спокойнее... Но здесь тоже что-то не так, не знаю...
Зачем тебя вчера вызывали?

– Слава с каким-то начальником отдела расспрашивали меня о том, откуда мы, как получили карту, и что до этого у нас происходило.

– И ты всё рассказал? – спросил я.

– Да. Не то, что бы у меня был выбор, конечно, но я сам хотел им рассказать. Не знаю, довериться что ли... Если и начинать, то уж лучше всё по-честному, да? Да и какая разница: что было – то было, надо думать, как дальше жить, – кровать резко вернулась в исходное положение, а от пола донёсся шорох шагов. – В общем, я твою точку зрения понял. Спасибо.

– И что решил? – спросил я, сев на кровати.

Паша открыл дверь – контур его фигуры размыто выделялся на фоне слабого света из коридора.

– Остаёмся, думаю... Будем помогать, как можем. У них мало людей, которые бы могли выходить на поверхность. А у нас этого опыта полно... Мы договорились, что будем помогать им с выходом – так что, рассчитываю на тебя, – проговорил он, закрывая за собой дверь с обратной стороны.

Я остался сидеть, принимая новое будущее, и мысленно готовился к тому, что всё может резко полететь к чёрту, как это случается всегда.

День 589-591

Чувствовал, как кто-то плавно водил рукой по голове. Выбившиеся, довольно длинные, волосы щекотали лицо – проснулся.

Вокруг царил мягкий утренний свет. Маленькие пальцы всё так же плавно водили по голове, периодически зарываясь в мою волосяную шапку.

– Проснулся? – тихо и нежно спросила девочка. Ничего не ответил, лишь прижался к её животу сильнее. Светлое платье пахло чем-то лёгким – летним полем. – О чём задумался?

Тяжело вздохнул и закрыл глаза, в попытке уйти от ответа, но одновременно с этим очень хотелось ответить.

– Просто наслаждаюсь моментом, – тихо проговорил я.

Нежные солнечные лучи ласкали кожу, вызывая приятное точечное тепло по всему телу.

– Ты когда-нибудь задумывался о чём-нибудь?

– О чём?

– Ну... о чём-нибудь. Неважно о чём. Просто было ли у тебя такое, что мысли занимались только чем-то одним?

Я улыбнулся:

– Конечно, было. Это у всех бывает.

– Да, я знаю, но подумай: это так странно. Я и раньше задумывалась о чём-то, но сейчас будто не могу перестать думать, – Кристина говорила неспешно.

Вдали слышался слабый шелест листьев. Слегка гудел ветер, обдувая тёплым нежным потоком.

– О чём ты думаешь?

– Я... – начала Кристина, и её слабый детский голос умолк, словно мигом рассыпался. Через минуту она продолжила: – Много о чём: о людях, о мире, о тебе, но, – она снова сделала паузу, будто собиралась с силами, – чаще всего о маме...

Я понимал, что должен что-то сказать – Кристина ждала успокаивающих слов, но в голову ничего не приходило того, что хотелось бы сказать в такой момент.

– Я тоже думаю о многом, – сказал я, спустя минуту молчания. – Знаешь... люди такие странные: они говорят тебе одно во имя лучших побуждений, а потом делают совершенно по-другому. И не всегда это плохо – в этом и странность.

– Например?

– Пьющая мать, говорящая ребёнку не врать, и при этом сама лжёт через день, говоря начальнику, что не может прийти на работу из-за болезни этого самого ребёнка – а на самом деле она просто всё ещё пьяная. Ребёнок, как ты понимаешь, тоже не болеет, – я замолчал, понимая, что пример выбрал совсем не удачный.

Кристина тоже молчала какое-то время. Я посмотрел вдаль – у самого горизонта, чуть выше линии крон деревьев, летела стая птиц.

– Знаю, – наконец, ответила девочка. – Я... видела. Мой

отец... он пил. И часто бил маму. А когда мне было семь – они развелись. Мама забрала меня к бабушке, и мы жили все вместе, но это было раньше...

– А почему сейчас не живёте? – спросил я, ощущая, что правая рука затекла. Я приподнялся и посмотрел на Кристину.

– Потому что я уже не живая, – её лицо было бледно-синим, с тёмными кругами вокруг бесцветных глаз. Я отшатнулся. – Что такое? Будто ты не знал.

– Я?.. Нет... – попятился назад.

Кристина медленно встала и пошла ко мне.

– Костя, не думай, что всё это просто останется в прошлом. Ты знаешь, я знаю – все знают.

– Что знают? – неожиданно что-то твёрдое схватило мои запястья: – Что?..

Кристина подошла ко мне и опустилась рядом, сев на колени.

– Посмотри мне в глаза, – шепнула она, и на лице её промелькнуло что-то вроде улыбки. Сквозь дырку в щеке были видны почерневшие зубы.

Старался не поднимать взгляд, чтобы не видеть её глаза.

– Посмотри, – повторила Кристина, и я ощутил мертвецки холодное прикосновение в области подбородка – её рука приподняла моё лицо.

Мне показалось, что её глаза наполнены знанием. Знанием многого, что мне не дано было понять.

– Понятно, – на её лице снова мелькнула улыбка. – Ладно, подожду... Ещё не время.

Кристина потянулась к моим губам, а через несколько секунд я ощутил холод её губ – он пробирал до костей, до самого основания моей души...

* * *

Резко открыл глаза – вокруг царила густая темнота, мрак. В комнату постучали, и я понял, что это был второй раз – первый слышал ещё сквозь сон.

– Войдите, – постарался сказать это так, чтобы голос не дрожал.

Дверь раскрылась, разрезая тьму полоской света, а через несколько секунд всё исчезло.

– Включи свет, – попросил я, садясь в кровати и прикрывая глаза рукой заранее.

– Как спалось? – спросил Паша, щёлкая переключателем, который должен был окончательно разогнать темноту и стать знаком нового дня.

Тяжело вздохнул:

– Так себе.

– Что-то снилось неприятное?

– Кое-что из прошлого... – протянул я. – Как обычно.

Не хотел рассказывать о Кристине и о том, что она мне снится почти каждый день.

– О чём? Если хочешь – я послушаю, – Паша сел на металлический стул, напротив кровати. – Поверь, оно сразу станет легче, если расскажешь.

– Не помню, – соврал я. – Да это неважно... Ты что-то хотел?

– Я? А-а, да... Пойдёшь наверх?

– Откуда объявление? Не было же вчера ничего. Георгиевич снова собирает? – я свесил ноги – по коже прошёл холодный воздух.

– Да. Нужно ещё одного восставшего.

– Живым?

– Да.

– Нафига?.. Куда они их девают? Мы же на прошлой неделе семерых притащили!

Паша встал с кровати:

– Ну, опыты ставят, новые исследования – откуда я знаю? Не мы здесь музыку заказываем – только танцуем. В общем, идёшь?

– Будто здесь есть чем ещё заняться, – ответил я.

– Можешь пойти туалет помыть, – улыбнулся Паша. – Ты же знаешь, я всегда за такую инициативу.

– Ха-ха-ха, – я скривил лицо в иронической гримасе. – Очень смешно. Шутка за триста.

– Не обижайся. В любом случае, я и так сказал, что ты пойдёшь. Давай одевайся, и сходи поешь. Завтрак ты, как обычно, проспал – поэтому я попросил оставить немного.

– Ладно, – вздохнул я. – А во сколько собираемся?

– В десять. Ты бы лучше поторопился. Ждать не будем.

И катану не бери – там выдадут, – сказал Паша, выходя за дверь.

Я скинул одеяло и встал:

– Без тебя знаю, – буркнул я и натянул джинсы, затем надел тёмную толстовку, откинул волосы в сторону и собрал их в резинку. Затем надел тёмный защитный комплект. Ножны скромно стояли в углу комнаты, мне даже стало как-то жаль, но всё равно решил их не брать.

«Не помешало бы и постричься. Уже даже опасно так ходить. Но это потом.»

Поднял из-под кровати часы – было «9:21»:

«Завтрак я действительно проспал.»

Быстро пошёл в ванную, ополоснул себя прохладной водой и вышел в коридор – там было тихо и спокойно, как обычно.

Несмотря на то, что в комплексе жило больше сотни человек, встречались в коридорах лишь считанные единицы. Из-за того, что здесь несколько этажей, а на них множество разных комнат, лабораторий, кабинетов – людей просто не было видно. Только одинокие охранники патрулировали этажи, устало проходя их по тысяче раз за день.

Зашёл в пустое помещение столовой. Внутри горел слабый свет, возле столов были аккуратно задвинуты стулья, всё чисто и убрано. Возле линии раздачи уже никого не было, а

места для кастрюль пустовали. Прошёл в кухню – там что-то тихо гудело, от стен отлетали отголоски знакомых голосов.

– Можно? – спросил я, открывая одну из металлических боковых дверей.

– Закрыто! Лишних порций не даём!

– Я за своей пришёл. Мне брат оставлял.

– Костя? – спросил тощий мужчина в давно заляпанном халате, разворачиваясь. Он сразу заулыбался. – Сразу не узнал тебя – богатым будешь. Мне Паша сказал, вы снова на поверхность пойдёте? Ну, не стой же на проходе, закрой дверь, садись за стол – сейчас...

Мужчина скрылся в боковом проходе. Я сел на небольшой металлический стол у входа.

– Снова восставшего надо, – я сказал громче, чтобы он услышал. Михаил Сергеевич хороший был мужчина: весёлый, справедливый, умный. Правда, с судьбой не совсем повезло: он однажды сказал, что двадцать лет назад его жена с сыном разбились на машине, а он, единственный, выжил – я расспрашивать больше не стал.

– Куда уж им столько? Они весь город хотят сюда свезти что ли? Вы же их сюда десятками таскаете.

– Нам тоже не рассказывают. Не знаю...

Михаил Сергеевич вышел с небольшой жестяной миской, откуда приятно пахло чем-то лёгким. Внутри был суп. Среди редких кусочков картошки даже плавали кусочки мяса.

– Ого, – удивился я. – С чего такой пир?

– Кушай, пока никто не видит, – подмигнул мне Михаил Сергеевич, улыбаясь. – Только никому не рассказывай. Волшебник своих секретов не раскрывает.

– Ещё бы, – улыбнулся я. – Без чудес сейчас тяжело.

– Это да, – ответил со вздохом Михаил Сергеевич. – Не против, если я тебя оставлю?

Я помотал головой, не отрываясь от еды. Сейчас, как никогда, хотелось есть. А едва ощутимый бульон казался лучшим, что когда-либо попадало мне в рот.

– Тогда как доешь, просто оставь всё на столе. Я потом помою, – он вышел через небольшую дверь в начале коридора.

Через минуту закончил и посмотрел на время: «9:36». Можно было особо не спешить. Всё ещё хотелось есть. Всегда хочется. Но больше нельзя. Хорошо хоть мясо иногда бывает, но очень редко. То ли ловушек за городом мало, то ли животные не попадаются...

Вернулся в блок, сходил в туалет и помыл руки. Задержался на несколько секунд у зеркала: на меня смотрело безразличное лицо с уставшими от всего глазами и грязными длинными волосами. В голове пронеслись вопросы:

«Чего ты хочешь? Этого ты искал?»

За всё это время мы не встретили никого. Ни хороших, ни плохих – никого. Столько раз выходить на поверхность – и ничего. Понимал, что это чувство спокойствия – обманка. В мире всё тот же хаос, всё так же убивают ни за что, всё тот же апокалипсис, всё те же восставшие, всё те же люди. Мне

хотелось что-то с этим сделать, но что я мог? Создать поселение как в игре? Ездить по городам наудачу? Ничего. Здесь же от меня был хоть какой-то толк: вдруг эти исследования дадут вакцину или... хоть что-нибудь.

Ударил в стену, и боль вытеснила все мысли из головы.

«Мы с друзьями живы – это главное», – по крайней мере, хотел в это верить.

Поднявшись на верхний уровень, сразу заметил несколько фигур в тёмных защитных костюмах.

– Все готовы? – спросил крупный мужчина из-под забрала шлема. Валерий Георгиевич – глава службы безопасности на этой базе. Хорошо, что сейчас не было видно его взгляда – от него всегда становится не по себе.

– Пойдём уже, – протянул другой, нажимая кнопку в стене – металлические двери сразу же открылись. Его звали Игорь.

– Больше никого не будет? – спросил Паша, держа в руках шлем.

– А зачем много людей? Четверых хватит, – ответил Валерий Георгиевич, входя в кабину.

– Но по уставу не положено... – начал Паша. – Нам же не отбиться от большой толпы.

– Тогда убежим. По уставу много чего нельзя, – ответил Валерий Георгиевич. – Поехали.

Паша больше не спорил.

Мы зашли внутрь просторной кабины – та же, на которой месяц назад мы поднялись сюда с Женей. С тех пор, казалось

бы, прошло немного времени, но жизнь до того момента теперь казалась просто дурным сном.

Георгиевич (мы все так его называли) нажал на самую верхнюю кнопку и двери плавно закрылись.

Небольшая тряска, несколько секунд молчания, а затем двери снова раскрылись – мы вышли в то же помещение, где когда-то не смогли найти вход. А он был прямо перед нам, посреди стены.

Георгиевич выдал мне небольшой потрёпанный пистолет. Молча двинулись к выходу. Каждому была ясна его задача – мы делали это не в первый раз. Только в этот раз, впервые, лишь вчетвером. На вылазку не выдавали никакого оружия, кроме пистолета и небольшого ножа – это раздавали в лифте. У Георгиевича также всегда имелся автомат.

Улица нас встретила холодно: солнце скрылось за тучами, а по парку, шелестя сочной листвой, всюю гулял ветер. Перед выходом я глянул на календарь (да, здесь до сих пор сохранилось человеческое время) – было начало лета, 19 июня.

Мы прошли сквозь парк и остановились у дороги. Георгиевич достал небольшой свёрнутый лист из кармана – карту – и стал сверять координаты. Через минуту он вернул его обратно и двинулся вперёд – вглубь скелетов мёртвого города.

Вокруг было тихо, а на улицах – пусто. Вдали, настолько быстро, как могла, пробежала кошка.

Мы шли не спеша, но осторожно – каждый смотрел в свою сторону. Примерно через десять минут Георгиевич резко

остановился:

– Слышали? – он вскинул автомат и переключил предохранитель.

– Слышали «что»? – спросил Паша.

– Тихо! – шикнул Георгиевич. Он дал нам знак стоять, а сам пошёл вперёд.

Я оглянулся назад: пусто, никого. Только по небу летело несколько птиц.

– Слышишь что-нибудь? – тихо спросил Паша.

– Ничего, – ответил я.

Георгиевич аккуратно подошёл к дому, прижался к стене. Медленно двинулся к краю, а затем выглянул – сразу же пространство вокруг разрезал громкий крик. Это был крикун, и он находился за домом.

Мы быстро побежали туда, где лежал Георгиевич. Я на ходу достал нож.

Бежать во всей защитной одежде было очень тяжело. Щитки и вшитые пластины весили немало, да и ещё ткань была плотная – почти не пропускала воздух, было жарко. Тяжело дышал, поднял щиток, чтобы ощутить прохладный воздух, и чтобы стало легче. Я был впереди всех.

Внезапно откуда-то слева, позади, прозвучал выстрел – Паша и Игорь бросились в стороны, чтобы укрыться. Я побежал дальше, к Георгиевичу.

– Куда?! Стой! – крикнул Паша. Я не обращал внимания и бежал дальше.

«Прячься! Брось его!» – кричал Голос, но не мог его слушать. Больше не мог допустить смерти ещё одного человека, ведь восставший всё так же был впереди. Надо было только успеть добежать прежде, чем он снова крикнет.

Подбежал к безвольно лежащему телу, посмотрел за дом. целое стадо восставших двигалось из противоположной части двора. Несколько бегунов уже подняли головы, стоя на руках и ногах, как гончие псы, ожидая запах добычи.

– Сюда! Там стадо! – крикнул я, подняв щиток шлема у Георгиевича и пытаюсь привести его в чувство ударами по лицу. Позади раздалась ещё очередь выстрелов – совсем рядом с моей ногой.

Кое-как оттянул Георгиевича за стену дома.

– Да очнись, блять! Пожалуйста... – я бил его по щекам.

Он медленно раскрыл глаза:

– Что?.. – простонал он, а затем новая волна ударила по ушам и всё в глазах на секунду потемнело.

Кое-как открыв глаза, не сразу понял, что сейчас происходит: выстрелы, мычание, кружащийся мир вокруг.

– ...остя... – тонул чей-то голос.

«Вставай»

Приподнялся, пытаюсь сообразить что-нибудь, и увидел впереди, всего в десяти шагах, бегуна – он нёсся на всей скорости ко мне, смотря вперёд пустыми чёрными глазницами. Я бегом выхватил нож и, когда восставший бросился на меня, машинально выставил руки вперёд. Лезвие с силой

вонзилось в гнилое тело, на лицо и одежду брызнула чёрная кровь. Он был самоуби́лся. Откинул тело, сплюнул со рта чёрную массу и, увидев впереди ещё нескольких бегунов, достал пистолет. Выстрел, другой, ещё несколько – двое оставших, уткнувшись лицом в землю, замерли навсегда.

– Георгиевич! – крикнул я, не поворачивая головы. – Георгиевич!

Позади прозвучала ещё серия одиночных выстрелов. Со всем близко – наверное, стреляли уже наши. Посмотрел обратно – Георгиевич всё так же был без сознания. Со всей силы дал ему пощёчину, ещё одну – он, дрогнув, открыл глаза.

– Валим! – крикнул я, подавая ему автомат. – Сейчас снова крикнет!

Я помог ему подняться.

– Кто стреляет? – крикнул он, когда мы отходили. Паша прятался за огромным деревом. Мы быстрой перебежкой двинулись к нему.

– Кто?! – спросил я. – Откуда?

– Не знаю кто. Из дома, позади нас. Вообще ничего не понимаю: почему они нас не убили раньше! – крикнул Паша. – Надо... надо валить назад... Спереди открытый двор – не пройти!

– Нельзя! – оборвал я. – Там огромное стадо. Несколько десятков голов – самоубийство.

Игорь прятался за кирпичной стеной прохода в подвал. Он со страхом смотрел на нас, так как у него, в отличие от

нас, не было выбора куда бежать.

– Но мы не можем здесь оставаться, – сказал Паша. – Нас же зажмут...

– Есть у меня идея, – сказал Георгиевич и запустил руку в один из боковых карманов, достал оттуда что-то округлое: гранату. Её поверхность была пронизана вертикальными и горизонтальными линиями. Вместе с этим он достал ещё одну, продолговатую, с гладкой металлической поверхностью, оторвал чеку и кинул чуть вперёд. Ко всем звукам добавилось шипение, с которым выходил газ. Это была дымовая граната. – Закройте уши. Как только рванёт – считайте до пяти и валите.

Георгиевич отбежал назад. Я со всех сил зажал уши, как мог. Через несколько секунд воздух разрезал резкий хлопок после чего, казалось, все остальные звуки умерли вместе с ним. Только писк в ушах и страх – я на секунду потерялся.

Раз, два, три, четыре, пять... Резко встал и побежал за дом – туда, где были восставшие. И где я надеялся их не найти. Паша побежал за мной. Оглянулся на Игоря – в этот момент он беззвучно упал, будучи в облаке дыма, а затем отполз назад, скрываясь.

– Игорь! – пытался сказать Паше, но сам не слышал своего голоса – только тонкий писк. Брат посмотрел на меня с недоумением, а я показывал ему рукой в сторону: – Там! Игорь!

Паша оглянулся и сразу же бросился к нему. Я побежал следом.

Парень сидел, припав спиной к кирпичной стене. Под вытянутой ногой, в области лодыжки, растекалось небольшое кровавое пятно.

Звуки начали возвращаться. Первым, что я услышал – стрельбу. По нам всё ещё стреляли, но уже вслепую.

– Да сколько у этих сук патронов?! – крикнул Паша, подхватывая Игоря под руку и поднимая. – Ничего... Мы тебя вытащим...

– Пожалуйста, я... я не хочу умирать, – простонал Игорь. Я застыл на месте.

– Чего встал?! Помоги! – крикнул Паша. Я мотнул головой, возвращаясь в реальный мир, и подбежал, подхватил вторую руку. – Ничего-ничего. Всё будет хорошо. Скоро бегать уже будешь. Там царапина, скорее всего – ерунда.

Мы подняли Игоря и потянули вперёд – его тело было очень тяжёлым. Ноги едва не подкашивались под всем этим грузом. Из его ноги по штанине стекала алая кровь, протягивая багровый след от его ноги.

Георгиевич напряжённо выглянул из-за угла, быстро поняв при этом, почему мы так задержались.

– Я расчистил дорогу. Давайте его куда-нибудь, а там залечим, – сказал он. – Я смог одного восставшего схватить – ему оторвало руки. Надо будет тоже его прихватить.

– Какие восставшие?! – не выдержал я. – Надо валить отсюда! У нас полумёртвый человек на руках!

– Держись, Игорь, мы скоро вернёмся – там помогут, –

приговаривал Паша.

– Задачу никто не отменял. Мы все знаем, на что идём, – отрезал Георгиевич. – Ведите его туда, – он показал на небольшую поляну возле дома и протянул небольшой свёрток: упаковку бинтов и лейкопластырь, – и замотайте. Встречаемся у входа в парк.

После этих слов мужчина быстро побежал дальше, где вокруг лежали кровавые ошмётки гнилой плоти. Несколько восставших медленно корчились, будто в агонии. Один из них лежал на спине, странно выгибался – тот самый, у которого оторвало руки. Теперь он лишь беспомощно бился головой об землю. Георгиевич подошёл к нему, начал связывать. А мы прошли дальше. Игорь уже побледнел – нужно было торопиться.

– Оставайся в сознании, говори со мной! Сука, ты не можешь... – говорил, пыхтя, Паша.

– Мама, честно – это последняя четвёрка. Я... больше не буду...

Мы подошли к поляне и опустили Игоря – он корчился от боли, стонал. Я достал упакованную пачку бинтов, но руки сильно тряслись, и открыть её никак не получалось.

– Костя, быстрее! Быстрее, чёрт тебя дер!

– Давай лучше ты, – сказал я, протягивая упаковку Паше.

– Давай! – крикнул он и разорвал зубами верхушку. – Потерпи. Немного осталось.

– Ира, я не пил... честно...

– Костя, помоги! Держи ногу ровнее!

Паша разорвал штанину и держал на весу бинт. Я обхватил ногу, сжал её со всей силы.

– Нет! Я... не с ними! – кричал Игорь и брыкался. Когда Паша начал обматывать ногу, он закричал: – А-а!

– Да не ори ты, – шикнул Паша, но Игорь его не слышал.

Мне было жалко его – ему насквозь прострелили ногу, он быстро терял кровь. Шок только добавлял масла в огонь – бедняга начал бредить.

«Бросьте его. Он будет только мешать, – сказал Голос. – Добей его. У тебя есть пистолет – пусть не страдает больше»

– Мы его не бросим! – резко, даже сам этого не ожидая, ответил я.

– Ты чего? – спросил Паша. – Конечно, не бросим. Об этом и речи не идёт.

Промолчал, поднимая Игоря. Кровь тёмным пятном просачивалась сквозь бинт, но, всё же, уже было не так страшно.

Только сейчас до меня дошло, что выстрелов больше не слышно – и меня это совсем не обрадовало. Обернулся: Георгиевича, как и того восставшего, не было.

– Паша, нужно валить отсюда. Очень тихо, – с тяжестью проговорил я. Игорь едва держался.

– Согласен. Давай лучше обойдём тот дом, – Паша кивком указал на дом впереди. Чуть слева, где он кончался и начинался следующий, был маленький проход. – Пойдём позади, вдоль.

Я понимал, что времени было мало. Хотя мы и остановили сильное кровотечение, кровь всё равно уходила. Да и рану нужно было обработать – необходима была операция. С каждой минутой Игорь становился всё бледнее.

Мы шли вдоль стены, которая казалась бесконечной. Серые бетонные плиты не знали о том, что случился апокалипсис – они нисколько не изменились за все эти месяцы. Разве что, только слегка потемнели.

Когда мы почти дошло до конца здания, из-за дома выбежал восставший, перекидываясь с передних конечностей на задние. Мы притаились, давая ему пробежать. На всякий случай приготовил нож, но восставший убежал в сторону – куда-то в сторону частного сектора.

«Ты хочешь, чтобы твой друг превратился в это?» – Голос сделал акцент на последнем слове. Не стал ему отвечать – ответ был уже дан.

– Что это были за твари, которые в нас стреляли? – спросил я у Паши, когда мы переходили дорогу. Несколько раз нам приходилось останавливаться, чтобы сделать передышку. Игорь тяжело дышать.

– Костя, давай об этом позже подумаем. Тоже хочу узнать, кто это, но сейчас важно другое, – Паша встал, быстро размяв руку, и подхватил Игоря.

– Согласен, – кивнул я и подхватил Игоря с другой стороны.

Всю дорогу мы пристально, как могли, следили, чтобы за

нами не следили. Приходилось петлять, идти в обход, чтобы выйти в нужное место и не обнаружить его. Я не хотел, чтобы, кто бы то ни был, узнал о научной базе, но и делать большие крюки было нельзя: Игорь мог потерять сознание в любую секунду – хорошо хоть он больше не кричал.

Георгиевича с восставшим не было видно.

– Его нет, – сказал я, подхватывая Игоря удобнее. Всё тело ныло от усталости, но старался не обращать на это внимание. Ноги слегка подкашивались. – Что дальше?

– Тогда идём без него, – сказал Паша и он был прав: нам нужно было довести Игоря – оставалось совсем немного.

– Ира... Ира... – почти шептал Игорь. Его руки стали очень холодными.

Чуть дальше, из кустов, вышел Георгиевич. Он держал восставшего чуть в стороне, жёстким металлическим поводком. Из серо-синего оголённого тела, в районах плеч, торчали голые суставы и куски мяса вперемешку с гнилой плотью. Лицо уже впало, а глаза потемнели. Он безуспешно пытался добраться до нас, но металл держал его на расстоянии.

– Хвост? – спросил он.

– Петляли, – ответил Паша.

– Хорошо, – кивнул Георгиевич, а затем добавил: – Как он?

Мы пошли дальше.

– Жив пока.

– Это хорошо. Выдержит. Он крепкий парень.

Георгиевич прошёл вперёд, открыл дверь и подождал, пока мы пройдем. Затем зашёл сам и закрыл дверь.

Каждый шаг давался всё тяжелее. Насквозь промокшая одежда неприятно липла к телу. По лицу скатывались прохладные капли пота.

Внутри было прохладнее, чем на улице. Георгиевич включил фонарик. Мы прошли к стене. Паша нашарил рукой скрытую кнопку за панелью, а через несколько секунд двери лифта раскрылись.

– Идите первыми, – сказал Георгиевич. – У меня тут пассажир.

Я кивнул, и мы с Пашей втянули Игоря внутрь. Паша тяжело дышал, но всё так же поддерживал парня.

Внизу нас уже ждали: как только двери лифта начали раскрываться – мы увидели несколько вооружённых охранников в полной защите.

– Врача! – крикнул Паша. – У нас раненный!

Увидев Игоря, один из них бросился к кабине. Он на ходу снял шлем.

– Что случилось? Его укусили? – мужчина с прорезью седых волос резко повернулся и бросил приказ: – Тащите носилки!

Несколько людей бросились по коридору. Остальные просто опустили оружие, но остались стоять. Мы с Пашей и седым охранником вышли из кабины, вытаскивая Игоря в коридор.

– Он чист. Ему прострелили ногу.

– Прострелили?! – удивился мужчина. – Как? Кто?

– Какие-то суки напали, – выпалил Паша. – Не знаю «кто».

Стреляли из дома напротив.

Двери позади закрылись, и лифт поехал наверх.

– Блять... – протянул мужчина, доставая пистолет. – Кто-то ещё ждём?

– Георгиевич с восставшим. Они там остались, наверху.

– Всем разойтись! Дайте проход! – крикнул мужчина. Мы с Пашей прошли вперёд, а затем пошли вдоль коридора, ткнув Игоря на себе. Мужчина развернулся на нас: – Куда вы? Сейчас носилки принесут.

– Некогда ждать, – сказал Паша. Мужчина кивнул.

Мы медленно спустились по лестнице, свернули в нескольких местах. Людей в коридорах не было – всем дали указания ждать в своих блоках.

У самого лифта мы встретили нескольких солдат с носилками.

Паша помог погрузить Игоря, а затем отправил их вниз. Я вздохнул и прижался спиной к стене, медленно сползая. Казалось, вся тяжесть мира в одну минуту свалилась с меня, оставив место для пустой усталости. Брат опустился рядом.

– Как думаешь, он выживет? – спросил я.

– Конечно, а как иначе? Выживет... – Паша глубоко вздохнул. – Ты молодец – держал его, выдержал... Ты сам-то как? Не ранен? Вся одежда в крови.

– Нет. Всё... нормально, – я уже успел забыть, как восставший забрызгал меня. – Надо вставать, а идти так не хочется... Давай на лифте поедём? Не хочу по лестнице идти. Сейчас ещё и Георгиевич придёт – лучше уйти. Не очень хочется заразиться, когда мы уже оказались внутри, в безопасности.

– Согласен, – Паша встал и подал мне руку, помогая подняться.

Я нажал на кнопку вызова лифта.

Георгиевич, должно быть, уже спустился. Прямо сейчас, скорее всего, они все медленно идут по коридору, сопровождая и держа на прицеле восставшего. Пусть это был не бегун или крикун, а защита у всех была внушительная – опасность он всё же представлял. Нужно было ещё доставить его на самый нижний уровень – туда, куда привели нас когда-то.

Спустя несколько минут, мы уже были внизу. По правилам все, кто выходил на поверхность, должны были сдать кровь на анализ. Мы шли в лабораторию.

«Не боишься? – спросил Голос. – На тебя ведь попала кровь. Она попала внутрь.»

Я не сразу понял, о чём он говорит, потому что успел забыть об этом. Теперь стало немного страшно. Мне было не страшно умереть или оказаться инфицированным – было страшно за тех, кто останется.

В голове сразу растянулись длинными нитями мысли, плотно окутывая сознание.

Внутри небольшого отсека для прибывших с поверхности, которая была частью лаборатории, как обычно, пахло спиртом.

Мы сняли одежду, оставшись в одном нижнем белье, оставили её в специальных ящиках, где позже её тщательно постирают и продезинфицируют.

За столом сидела молодая девушка. Она молча, быстро и очень ловко вонзила иглу, вбирая в пустую ёмкость шприца тёмную жидкость.

«Вскоре мы всё узнаем», – пронеслось в голове.

– Пока чисто. Можете идти, – сказала девушка-врач. Это не был окончательный результат – его нужно было подождать ещё один день – но это уже радовало.

Нам выдали чистую одежду: майку и тёмно-серые спортивные штаны, поношенные кроссовки. Для меня они оказались немного великоваты и приходилось аккуратно идти.

– Ты куда сейчас? – спросил Паша, когда мы вышли из лаборатории.

– Хочу отдохнуть немного... Пойду, полежу в комнате. Устал. Всё равно результаты ждать ещё минимум полчаса – какая разница, что делать... А ты чем займёшься?

– Пойду на нижний уровень схожу – посмотрю, как там дела.

– Там всё нормально – будь уверен.

– Но всё же, – улыбнулся Паша. – Хочется удостовериться.

Я не стал отвечать и пошёл прочь. Паша направился в дру-

гую сторону.

«Ну, доволен собой?» – спросил Голос.

– О чём ты?

«Почувствовал себя героем? Спас чью-то жизнь.»

– Я просто делал то, что должен был. Уверен, он то же сделал бы и для меня.

«Я так не думаю. Он обычный человек и, если ему пришлось бы рисковать собой, то отказался от этой затеи»

– Плевать.

«Тебе вечно плевать. Точнее, всё как раз наоборот: тебе не плевать. Не плевать на всех, кроме себя. Если нужно рискнуть собой – ты тут как тут.»

– А что в этом плохого? Я просто делаю то, на что другие не всегда готовы.

«Не нужно прикрываться красивыми словами – ты просто не ценишь свою жизнь. И поэтому так легко ей рискуешь.»

– В чём разница? Лишь в понятиях. Суть одна и та же: я помогаю людям. И всё.

«Помогаешь? Просто везёт.»

– Это отменяет тот факт, что помогаю?.. Ладно. Не хочу об этом больше говорить. Мне надоело.

«Попомни мои слова: тебе такое отношение к жизни ещё аукнется».

Я усмехнулся:

– Забавное слово – «аукнется».

Голос молчал.

На втором уровне в коридорах тоже не было людей – значит, ещё не дали «отбой»: люди сидели в комнатах.

Спустя несколько лестничных пролётов и поворотов коридора, оказался в нашем жилом блоке. Как всегда, прохладно. Внутри было тихо. Прошёл в свою дальнюю комнату, как можно тише. Могла выйти Женя и начать спрашивать, если услышит, а я сейчас очень хотел побыть один и просто отдохнуть.

«Ты ведь хочешь, чтобы она вышла. Точнее, нет: ты хочешь, что другая узнала о сегодняшнем дне. Хочешь как-то выделиться перед ней. Ты ведь хочешь ей рассказать – так расскажи. В чём проблема?»

Сам понимал, что, по сути, проблемы ни в чём не было.

«Да, мне хотелось рассказать о сегодняшнем Кэт. Хотелось увидеть блеск уважения в её глазах, но как это сделать? Да и нужен ли ей такой, как я? Вряд ли. Кому вообще нужен такой отброс?.. Только проблемы.»

На секунду задержался напротив её двери, а затем прошёл дальше, в свою комнату. И, не включая свет, упал на кровать.

Разум сразу же приятно унесло в пучины образов и звуков – таких непонятных и манящих, что не хотелось сопротивляться.

* * *

Разум, словно лампочка, резко включился, отрывая меня

от липкого, тягучего сна. Кровать была вся влажная. Майка насквозь промокла. Сел, свешивая ноги вниз, закрыл лицо ладонями – нужно было собраться с мыслями. Нужно было узнать время.

Опустил руку и посмотрел на светящиеся стрелки. «17:06». До ужина оставалось около часа, а обед уже пропустил. Впрочем, сейчас на это было всё равно – только одна мысль колола маленькой иголочкой разум: «заражён или нет?».

Прислушался к своим ощущениям – ничего. Хотя, симптомы и не проявляются так быстро, всё же это успокаивало. Попытался вспомнить, но внутри остались лишь смутные воспоминания о том, как было с Павловым: вроде бы, всё начало проявляться в течение нескольких дней.

«Какая разница от мыслей? Ты можешь придумать, что угодно, а затем поверить в это – разве это будет умно? Сомневаюсь.»

Согласился с Голосом – нужно было узнать наверняка. Поэтому встал и, ощущая слабость и ломоту в теле, вышел в коридор. Меня пошатывало, но решил не обращать внимания на эти мелочи. Должен был быть выше этого. Это всего лишь тело.

По коридору проносился смех – из комнаты Жени и Паши. Снова остановился напротив двери Катрин, борясь с желанием войти, но решил, что сейчас хотел другого, а затем вышел из блока.

Люди озабоченно перешёптывались о том, как видели Игоря. Со страхом, который вошёл в привычку, они говорили о безруком восставшем, о неизвестных, что стреляли в нас, о том, что вакцина почти готова и что вскоре мы все будем жить, как прежде, а заражённых людей можно будет вылечить.

Не понимал, откуда идут их мысли: из страха перед неизвестностью или из слепой отчаянной веры – потому что оснований для подобных мыслей было мало. Впрочем, это тоже не имело значение. Мы все где-то глубоко внутри знали, что ничего уже не вернётся, и что сейчас мы просто доживаем последние дни на этой планете. Наверное, просто всем хотелось какого-то успокоения, ведь невозможно жить в постоянном страхе и отчаянии.

Привычным спокойным жестом открыл дверь кабинета дяди Славы (мне так было проще его называть, хоть Паша и обращался к нему просто по имени), как будто это был мой собственный. Он сидел за столом, пристально, даже напряжённо, смотря на стол, где лежали десятки листов с отчётами, графиками и другими данными. Он даже не перевёл глаза, когда я вошёл.

– А, Костя, – будто опомнившись, сказал дядя Слава, когда встал напротив него. – Привет.

– Здравствуйте, – ответил я. Он много раз предлагал перейти на «ты», но мне всегда было неудобно – всё-таки это друг моего отца.

Его усталое лицо было усыпано короткой тёмной щетиной, с кружками седых волосиков.

– Ты что-то хотел? – спросил он.

– Да-а, – протянул я, присаживаясь в мягкий стул напротив. Мне нравится здесь сидеть и вытягивать руки вдоль подлокотников. – Насчёт моего анализа – вы смотрели?

Дядя Слава отвернулся от листов и с улыбкой посмотрел на меня.

– Меня, конечно, радует твоё отношение, но все здесь – довольно компетентные и самодостаточные учёные. Мне необязательно смотреть каждый отчёт, даже если и нахожусь на руководящем посту.

– Но вы ведь смотрели?

– Да, – с ноткой наслаждения в голосе, ответил дядя Слава. Он всегда так делал, как будто любил, когда я разгадываю его попытки меня запутать.

– И? Не томите!

– Что «и»?

– Что там? – не выдержал я и вцепился руками в подлокотники. – Я... – голос дрогнул, надломился, – ...здоров?

– А что? Не должен?

– Не знаю. Поэтому и спрашиваю.

– Послушай, – дядя Слава открыл ящик стола, достал оттуда сигарету и закурил. – С чего ты вообще взял, что можешь быть заражён?

– Я... – мне не очень хотелось рассказывать. Мне даже до

сих пор не хотелось самому себе признаваться, но я решил-ся: – В меня попала кровь восставшего.

– Как я уже сказал: всё нормально. Так что уже не важно. Ты лучше расскажи, что произошло там, наверху? Резко подняли такую панику...

– Вам, наверное, Паша уже рассказал.

– Да, что знал, – кивнул дядя Слава. – Но я хочу услышать и твою версию событий. Он сказал, что всё не знает, а что ты – знаешь.

– Ладно... – сказал я, опуская руки на колени, а затем рассказал ему всё.

Дядя Слава некоторое время молчал, докуривая сигарету, а затем потушил её в пепельницу, которую прятал в ящике, и сказал:

– Теперь понятно почему тебя так интересовал вопрос заражения. Да, конечно, есть вероятность заражения таким образом, когда кровь или слюна попадает в организм не через кровь. Но вероятность этого крайне мала. Обычно, желудочный сок спокойно растворяет этот вирус.

– Я точно здоров? Не может быть такого, что этого сейчас просто не видно?

– Я бы не сказал, что полностью здоров, конечно. Как тут быть здоровым, – он усмехнулся. – Но, если ты спрашиваешь, заражён ли активным альфа-вирусом – нет.

С тяжестью выдохнул. Странный, маячащий где-то на рубеже сознания, страх, наконец-то, отпустил моё горло, дав

спокойно вздохнуть.

– Отец гордился бы тобой, – неожиданно произнёс дядя Слава. С того дня, как мы все здесь оказались, он ни разу не сказал ничего о моём отце. – Если бы ты не заметил Игоря, вряд ли он остался бы жив.

– Спасибо. Я... просто не хочу видеть смерть.

– Вот за это и гордился бы, – тихо сказал он, а затем добавил: – Но Смерть нас уже не оставит. Она будет терпеливо ждать час каждого из нас.

Его слова не прозвучали грубо или колко – просто это была истина. Возможно, единственная истина этого мира. Я мысленно повторил: «Спас?...».

– Это всё, что ты хотел узнать? – спросил он, спустя несколько минут молчания.

– А, да, – я не мог сдержать облегчённой улыбки. – Спасибо вам большое. А вы не будете ничего спрашивать?

– Нет. Мне хватило твоего рассказа. Удачного вечера, – сказал он, погружаясь снова в бумаги.

– И вам, – ответил я, закрывая за собой светлую пластиковую дверь, оббитую металлом.

Посмотрел на часы: «17:45». Можно было идти к столовой.

Шёл медленно, мысленно прокручивая события сегодняшнего дня.

«Это было всё сегодня, совсем недавно, а, кажется, что давно...» – после сна всегда кажется, что наступил новый

день. Особенно под землёй.

Всю дорогу меня занимали другие вопросы:

«Кто это был? И почему они стреляли? Они ничего не требовали – как будто хотели просто убить, но за что? К тому же, не особо сэкономили патроны. Значит, либо оружие им не нужно (что равносильно самоубийству), либо у них предостаточно патронов (что вселяет больший страх). Но кто сейчас может так запросто разбрасываться такими важными вещами? Даже найди они целый склад, неужели они не будут стараться экономить? Загадка.»

«Они вас так просто не отпустят... Ты готов?»

– К чему?

«К тому, что твой мир умрёт. Снова.»

– Сейчас я готов за него бороться. Если кто и умрёт – это буду я.

«Дурак. Никому не принесёт пользы твоё стремление умереть. Лучше бы подумал о той девчонке или своём брате.»

Я остановился. Голос был прав: я просто не хотел видеть, как снова умирают мои близкие.

«Я больше не хочу их видеть мёртвыми. Умереть самому было бы проще... Но какой смысл в этом? Это простое эгоистичное освобождение, которое никому не поможет... Мне надо быть сильнее. Надо пересилить себя.»

Возле столовой уже собралась небольшая очередь – несколько людей стояли в светлых (когда-то белых) халатах. Основная часть была в серых спортивных штанах и майке,

иногда в толстовке – обычная одежда здесь.

Через десять минут нас всех пустили внутрь. Никто никому не спешил – мест хватало всем, даже ещё и оставалось. Внутрь все заходили по одному.

Давали консервированные овощи и гречку – вполне неплохой ужин. А мне, как «герою», дали двойную порцию.

Улыбнулся с натяжкой в ответ.

Есть не очень хотелось. Мысли о смерти не покидали голову. Внутри жгло неприятное ощущение паники: как будто скоро должно что-то случиться – что-то плохое.

«Ешь, не думай о ерунде – успеешь», – советовал Голос, но я лишь медленно ковырялся в каше, иногда закидывая полупустую ложку в рот.

Когда закончил, еда давно остыла. Почти все люди уже ушли.

В голове вертелся весь сегодняшний день:

«Кто это был? Что с Игорем, как он?»

Вышел из столовой и пошёл в блок. Паша должен был уже прийти. Видел, как он ужинал с остальными, но не хотел им мешать, и поэтому остался сидеть в самом дальнем углу – там, где меня было почти не видно, так как лампа была сломана уже несколько недель и было темно.

Я нарушил тишину нашего блока небольшим стуком в дверь в комнату Паши и Жени, а затем вошёл в освещённую комнату.

– Можно? – спросил я в дверях.

– Конечно, – ответил Паша. Он сидел за столом один в комнате.

Кровать была аккуратно застелена, а на стенах висели большие листы с нарисованными улыбающимися лицами. Их нарисовала Женя – она проводила за этим по многу часов.

– А где Женя? – я прикрыл дверь, и сел на стул, что стоял у стены. Не хотелось нарушать покой кровати.

– Она пошла на лекцию по биологии.

– Здесь проводят лекции? – удивился я. – Зачем?

– Ну, – повернулся Паша с улыбкой. – Для образования. Быть полезным для других – одно из желаний человека. Особенно если другие не против узнать что-то новое. Я тоже, между прочим, ходил, и рассказывал об этом.

Я отвёл взгляд.

– Не помню.

– Ничего страшного, – улыбнулся Паша. – Так, чего пришёл? Просто пообщаться с братом или спросить что-то хотел?

– Как там Игорь?

– Не волнуйся. Всё в порядке. Даже ногу не ампутировали. Зашили. Пока ещё под капельницей без сознания. Ничего, скоро будет как новенький. Конечно, не сразу будет бегать, но со временем поправится. Это ему очень повезло: приди мы чуть позже, было бы намного хуже.

– Это хорошо, – я на несколько секунд замолчал, а затем

добавил: – Жаль только, это ненадолго.

– Ты о чём?

– О том, что нас всех ждёт. Смерть...

Лицо Паши сменилось. Несмотря на то, что улыбка осталась – оно теперь было каким-то грустным.

– Костя, лучше не думай об этом, – он даже спорить не стал.

Наверное, это действительно всем было понятно: спасения нет. Единственное, что нам оставалось – это бесполезные попытки зацепиться зубами за жизнь, пока, в один день, очередной восставший не запустит часы обратного отсчёта, сократив её до десятка мучительных дней...

Встал и пошёл к двери.

– Уже уходишь? Заходи к нам через полчаса, когда Женя придёт. Будет весело. А то ты постоянно в своей комнате, один. Мы почти не говорим уже. Мы за тебя волнуемся. Катрин вон тоже почти не выходит – только если с военными, как мы.

Ответил не сразу. Часть во мне хотела прийти, но ответил другое:

– Нет. Извини, устал сегодня. Давай потом, хорошо?

– Костя, не закрывайся, снова. Пожалуйста, – я обернулся. У Паши на лице был отпечаток волнения.

– Паш, не переживай. Я... в порядке, – я попытался улыбнуться, но не думаю, что мне это удалось. – Просто... очень устал. Да и ты, думаю, тоже. Всем нам надо отдохнуть...

Вышел, прикрывая за собой дверь и не давая Паше задержать меня, хоть и очень хотелось. В коридоре стояла Катрин – она молча смотрела на меня, держась за ручку своей двери.

– Привет, – решил прервать тишину я, не зная, что лучше сказать.

– Привет... – отозвалась она. – Ты сегодня человека спас, да? Все говорят...

– Это Паша спас... Я... просто помог.

– Но всё же, – ответила Катрин, а после – повисло молчание.

Мне казалось, в её глазах выражается та же тоска, что и в моих, когда смотрю в зеркало. Она так же, как и я, сидит в комнате большую часть времени. Видел, как она иногда тащит книги к себе. Как и я – это моё основное развлечение. Видел несколько раз, как она сидела скромно в кабинете в исследовательском отделе. Мы были чем-то похожи и находились так рядом... и, одновременно, так далеко.

– Всё в порядке? – ничего лучше мне не пришло в голову.

– Да. Всё в норме. А у тебя?

– Хорошо... Всё хорошо. Я... пойду к себе – устал. Извини.

– Всё нормально, отдыхай, – сказала Катрин на прощание. Мне показалось, что она что-то хотела сказать перед моими словами, но сейчас передумала.

– И ты, – ответил я, проходя мимо.

«Не так нужно разговаривать с девушками», – сказал Го-

лос. Будто он мог знать, как это делать лучше...

Зашёл в комнату и, не включая свет, прошёл в кресло, которое стояло в самом дальнем углу от входа: здесь меня даже могут не заметить, когда зайдут в комнату. Пришлось выпить несколько таблеток снотворного, чтобы заснуть, потому что сейчас не смог бы это сделать. На пачке было написано, что срок годности истёк, но какая уже разница? Главное, что от них был эффект.

Снова начал обдумывать то, кто бы это мог быть: «кто стрелял в нас?». Водоворот мыслей завертелся. Снова появился едва уловимый страх. Страх того, что мы своим появлением дали слишком мощное оружие в руки врага:

«Теперь они знают, что мы здесь есть и где мы. Они точно проследили за нами.»

Страх усилился от осознания того, что мы расслабились: «как давно они за нами следят и что они хотят?». Я уже успел забыть, кто же в этом мире на самом деле является чудовищем, кто представляет большую опасность. Человек – самый страшный хищник.

* * *

Спокойствие резко испарилось от сирены, которая громом пронеслась по всем этажам. Когда я очнулся ото сна, всё уже началось.

Подскочил и выбежал в коридор. Все двери были откры-

ты. Никого не было видно. Приглушённый холодный дневной свет сменился на аварийный, красный. Вернулся в комнату и захватил катану: на всякий случай.

Не мог понять, что могло произойти – причём так резко и неожиданно.

Подбежал к лифту, кнопка не загоралась – не работал. Побежал к лестнице. До лестницы всё так же никого не было видно.

На лестнице оказался ад: мёртвые, разорванные от пуль, тела лежали на залитых кровью ступенях, а на лицах навсегда отпечатался предсмертный ужас.

От непонимания ситуации становилось ещё страшнее. Всё было похоже на мои кошмары. Но я бежал вверх. У самой двери остановился, медленно открывая её – в дереве красовались дыры от пуль – никого. Никого живого. Зато тела валялись то тут, то там. Абсолютно у всех была прострелена голова. Почти все, кто умер – учёные, обычные люди, не военные...

Ступал по полу, залитым кровью. Тошнило, но я сдерживал позывы и вообще старался идти, как можно тише. Услышал шорох впереди, и решил затаиться, спрятавшись за стену.

– Ну, чо? Все крысы передохли? – три фигуры шли по коридору. Я быстро выглянул – это были три человека с бритой головой в тёмных спортивных костюмах. Они шли в мою сторону, и я скрылся.

– Да хуй их знает, – сказал другой. Я услышал смешок, а потом звук, как будто он что-то пнул. – Но, сука, как же они визжали... Особенно тот, помнишь, белобрысый? Когда я ему зубы вырывал, а он взял, сука, и вырубился. Не... с ними по-хорошему нельзя. Это свиньи ебаные, а не люди...

– Ну ты жёсткий, конечно, – сказал третий.

Затаил дыхание и почти беззвучно достал катану из ножен. Они подходили всё ближе. Нужно было как-то пройти мимо них... через них. Мог бы, конечно, попытаться пробежать до другого конца коридора, но это не имело смысла – он никуда не вёл. Иди по лестнице назад тоже не вариант: не работают лифты. Тупик. Выхода не было. Шаги раздавались всё ближе.

– А чё мы здесь шароёбимся ваще? Вроде же всё, перережали этих крыс ебучих.

– Клык хочет подорвать тут всё нахуй, чтобы ничего не осталось, – после этого ответа все трое весело засмеялись. Не так, как смеются обычные люди, а как гиены.

– Прикинь, успех трахнуть пару тёлочек, пока тела остывали. Это был пиздец какой кайф.

– Ой, бля, иди нахуй с этой хуйнёй твоей. Вечно ты выкинешь что-то.

Их голоса были всего в нескольких шагах от меня. Мне разозлил их разговор, и я сжал рукоятку сильнее. Руки немного дрожали, было страшно. У них автоматы, а у меня только меч – такая себе защита. Но теперь, даже если бы и

мог, не хотел уходить. Надо было что-то сделать. Я хотел их убить.

Прошла секунда, вторая. Они остановились. Совсем рядом.

«Пора», – подумал я.

Неожиданно что-то выкатилось из-за угла – это была граната. Через секунду она взорвалась вспышкой. От резкого звукового удара я упал. Ничего не было слышно, кроме бесконечного писка. Ничего не видно.

Пытался кричать, но даже не понимал, кричу или просто представляю себе это.

Вдруг, чьи-то руки подхватили меня и понесли вперёд. Пытался кричать: «Кто вы?», но это было бесполезно – только этот ужасный писк... Старался сжимать катану и ножны в руках, чтобы не потерять.

Через несколько секунд вспышка начала пропадать, постепенно растворяясь в алом свете аварийного света. Попытался посмотреть по сторонам, но слабо различал силуэты. «Кто вы? Что происходит?». Я попытался вырваться, но руки только сильнее меня схватили.

Меня завели в какую-то тёмную комнату и закрыли дверь. Затем включили фонарик и повели ещё ниже, к новой двери. И после того, как другая дверь закрылась, опустили на серый бетонный пол.

Зрение уже почти вернулось, остались лишь несколько светлых пятен. Здесь было слабое освещение. Посреди ком-

наты, на стуле, был связан человек. Такой же бритый. Он был без сознания, совсем рядом. Вся голова была в кровоподтёках. На опущенной голове, в районе затылка, было видно клеймо. Но я не мог разобрать какое именно.

Попытался снова что-то сказать, но ничего не услышал. Рядом опустился человек. Он снял свою тёмную маску с лица – это оказался Паша. Он с волнением шевелил губами – видимо, что-то говорил. Паша встал и подошёл к другому человеку, который стоял у входа с автоматом наперевес, и они начали говорить о чём-то взволнованно.

«Ты прекрасно знаешь, что происходит, – раздался Голос внутри. – Всё повторяется. Как я и говорил. Как ты и сам знал. От людей не сбежишь. Это от восставших можно спрятаться, а от людей – нет.»

Быстро осмотрел комнату ещё раз, но здесь не было никого больше, кроме меня, связанного человека на стуле, Паши и ещё одного, в маске.

Понимал, что не могу сейчас узнать, что происходит и что лучше делать. Поэтому взял ножны с пола, спрятал туда катану и подошёл к человеку на стуле. Клеймо было в виде дракона, который пытался подпалить свой собственный хвост.

Писк в голове становился тише. Через него уже пробивались тихие обрывки фраз:

–...ужно... остальные... – слова всплывали, словно островки посреди океана.

Примерно через минуту я смог нормально разобрать Па-

шин голос. Он обратился ко мне:

– Слышишь меня? – я кивнул в ответ. – Хорошо. Слава богу, он в порядке, – сказал Паша другому человеку – тот кивнул. – Я уж думал, что они что-то с тобой сделали.

– Что произошло? – говорить удавалось с трудом, горло першило от недавнего крика. – Кто это? Где все? Почему... Как оно? Я не понимаю... – паника не давала нормально говорить, слова как будто застревали в горле.

Паша за несколько минут рассказал, что сам знал. Оказалось, что это были те же люди, что уже нападали на Пашину группу. Паша сказал, что они как-то пробрались через шахту лифта – потому что по-другому просто было нельзя. И что сразу начали убивать. Без разбора. Из-за резкого нападения и паники военные не успели отреагировать: кого-то зажали внизу, кого-то в другой части комплекса. Паша сказал, что этих фанатиков было так много, что они просто оттеснили военных и почти всех перебили – Паша ещё с несколькими смог сбежать. Поражало не количество нападающих, а другое. Поражало то, что это произошло за считанные минуты.

«Всего пара минут и сотни людей умерла. Всего пара минут...»

– У них есть наши. Они... они не всех убили. Слышал это от одного ублюдка. Сказал, что хотят увезти на показательную казнь...

– А где Катрин, Женя, Никита? – спросил я.

– Я здесь, – ответил мужчина, снимая маску с лица. Это

был Никита.

– А остальные?

– Катрин в другой части комплекса. Мы разделились, чтобы не привлекать внимания. Она должна проверить другое крыло, собрать кто остался и готовить подкрепление.

– Так с ней всё нормально?

Паша тяжело вздохнул:

– Не знаю. Мы давно разошлись. Ты лучше скажи, как ты там оказался? Я думал, что потерял тебя.

«Чувствуешь отчаяние?» – сказал Голос. В голове пронеслись картины её мёртвого тела: разорванная одежда, разбитая голова и тонкая красная нить изо рта...

«Нет! Это... это ещё неизвестно – значит, не является правдой. Она сильная – вряд ли даст себе так просто умереть...»

– Где ты был всё это время?

– Я... я спал в комнате, – тихо сказал я.

– Спал?!

– Это таблетки... снотворное... Только недавно проснулся... от сирены... а здесь такое... А с Женей что?

Паша отвернулся, немного помедлил:

– Не знаю, – тихо ответил он. – Мы обыскали каждый уголок, который могли. Но я просто не знаю... Ни трупа, ничего... Наверное, она у них... Мы только вот этого взяли, – Паша кивнул на человека без сознания. – Их там десятки...

– Как такое возможно? – тихо спросил я. – Как они нас

нашли?

– Я не знаю.

Никогда не видел в Паше такого страха. Посмотрев в его сторону, подошёл ближе:

– Мы её найдём, – твёрдо сказал я, подавая руку. – Как-нибудь... не знаю. Но найдём. И вернём.

– Да, – ответил Паша, отвечая на рукопожатие.

Внезапно откуда-то сверху слышались звуки. Такое ощущение, будто они были сразу со всех сторон. Сначала слабое кряхтение, шипение, а потом чёткий человеческий голос:

– Эта хреновина вообще работает?.. – после этого на несколько секунд замолчал, а затем продолжил: – Хорошо, да. Да понял я, иди нахуй отсюда! ДА! Я ПОНЯЛ! Всё... Короче, ребята, мы захватили ваш комплекс, да? И собираемся его предать огню, – в этот момент слышались десятки голосов на фоне, которые скандировали: «Предать огню! Предать огню!». – Я знаю, что вы, крысы, где-то прячетесь. Знаю, сука, что вы ебашите моих людей. Но ладно. Предлагаю сделку, раз вы, сука, не хотите по-честному, то вот: у вас есть нужный нам человек, у нас – нужные вам. Мы специально оставили нескольких сук, чтобы потом в нашем лагере устроить представление... Но я добрый сегодня. Так и быть, отпустим их. Ждём вас в самом большом коридоре у входа. У вас есть час, чтобы появиться, иначе я взрываю это место нахуй. Приведите нам нашего друга, живым. И помните, что

если не придёте, то всё это будет на вашей совести. И вы будете подыхать, зная что поступили как шакалы. Чао-какао, – после этих слов связь оборвалась и громкоговорители затихли.

Посмотрел на Пашу:

– Он про того говорил? – кивнул в сторону человека на стуле.

– Да...

– Что будем делать?.. Все наши у них, – сказал я.

– Хуёвая ситуация... – Паша смотрел куда-то за пределы этой комнаты, приложив палец к носу. – Ник, что думаешь?

– Ты знаешь, что я думаю и что всегда готов отомстить.

Мы знаем, где они, у нас есть пушки – чего ждать?

– Правильно. Я согласен с Никитой, – вставил я.

– Да подождите вы. А если наших зацепит?.. Да и, блин, это же очевидная ловушка. Их больше. В десятки раз... Нет, это говно, а не план.

– Откуда ты знаешь? – прервал его Никита. Он повысил голос. – Мы же вон сколько их уложили. И потом их уже почти не было. Может, от них там вообще ничего не осталось!

– Ага, конечно. Так взяли и испарились. Нет. Нельзя торопиться... – ответил Паша. – Ладно, есть ещё время. Даже если и с оружием – всё равно надо план обдумать. И, как минимум, дождаться Кэт. Вот подождём её, а дальше будем думать.

Посмотрел на часы: «3:37». В половину пятого утра наши

друзья умрут.

– Да какая нахуй Кэт? У них Женя – тебя не волнует что ли?! Я бы на твоём месте уже бежал туда, – раздражённо бросил Никита. – Я бы всё отдал за то, чтобы не медлить.

– Знаю, – по голосу было ясно, как сильно Паша сдерживал злость. – Я хочу их убить не меньше тебя. Я так же хочу отомстить за всех наших, как и ты за сестру. Но это самоубийство. Если мы умрём, то они потом – точно. Поэтому и не хочу лезть в пекло на эмоциях.

– Делай, что хочешь, но через полчаса я пойду. С тобой или без. Я только этого и ждал. И из-за твоих вывертов упускать возможность не хочу, – медленно, твёрдо отчеканивая каждое слово, произнёс Никита.

– Не по-христиански это. Не боишься потом в аду гореть?

– Лучше буду в аду вместе с ними гореть, но отомщу. Мы уже давно все себе на несколько котлов грехов набрали. Нечего стесняться.

– Ладно, как хочешь...

Мы стали ждать Кэт.

В «4:01» Паша, вдруг, встал и подошёл к двери, прислушался.

– Приводите эту мразь в чувство, – кивнул он на избитого лысого мужчину. Никита кивнул и в несколько шагов преодолел полдесятка метров. – Будем действовать иначе.

Никита резко ударил командира фанатиков в живот:

– Ну, сука, давай! Смотри сюда! – грозно приказал он,

снимая с пленника тёмный мешок.

– Может, немного полегче? – предложил я.

– Костя, не надо, – огрызнулся Никита. Я решил не вмешиваться.

Он нанёс ещё несколько ударов и, в итоге, фанатик упал вместе со стулом.

– Ник, реально, полегче. Он нам живым ещё нужен.

– Знаю... знаю. Иначе эта сука давно бы уже сдохла, – Никита дал ещё одну оплеуху, после которой фанатик замычал. – Давай, очухивайся, падаль. Если надо, я из тебя всё говно выбью.

Фанатик слегка покачал головой, как бы приводя себя в чувство, а затем медленно осмотрел помещение, остановив взгляд на мне:

– О-о... новое лицо, – хрипло протянул он и даже попытался засмеяться, но это лишь переросло в кашель. Однако улыбка на избитом лице осталась. – Я... я тебя знаю. Видел.

Постоял несколько секунд, а затем подошёл ближе.

– Где?

Фанатик улыбнулся шире на секунду, а затем его лицо перекосило от боли, и он опустил голову.

– Это ты... тогда их спас... – прохрипел фанатик.

– О чём он? – спросил Никита.

– Не знаю, – ответил я.

– Ты дважды нам помешал. От тебя одни... проблемы... Охранник трупа. Суицидника... Где твой господин? Где всё,

что ты любил?.. Нет? А остальные?.. Позже присоединяться?.. – фанатик на несколько секунд замолчал, в кровавой усмешке. – Где этот твой мир? А?..

– Что ты несёшь? – переспросил я. – Я тебя не помню.

– Походу он двинутый конкретно, – сказал Паша, мягко пытаясь отвести меня в сторону. Я одёрнулся. – Давайте свяжем его, и всё. Плохая была идея.

«Мне кажется, что он не сумасшедший. Дослушай его.»

– Нет, подождите. Пусть говорит. Я хочу его послушать. Пару минут всего, и потом идём.

Фанатик снова поднял на меня голову с лёгкой улыбкой. Все зубы и рот были в крови.

– Зачем ты охраняешь это? То, что тебя убило? И тебя, и его – всех? Разве не видишь, к чему мир пришёл? Очнись, мальчик. Я же вижу в твоих глазах огонь. Бурю, что может уничтожить гниль... сжечь плесень мира. Слушай её. Слушай себя. Ты же знаешь, что паразиты – это плохо. Так почему ты их так неистово защищаешь?! Земля, наконец, может избавиться от своей проблемы – людей! Помоги ей!

«Где теперь твоя мораль? Почему ты перестал задавать вопросы?»

– Что это за бред?.. – тихо спросил я.

– Нет... Ты понимаешь...

Мне показалось, что увидел в его глазах слабое отражение самого себя: человека, который перестал во что-либо верить; который перестал искать смысл; который неистово ис-

кал счастливый финал, но пришёл лишь к пустому эпилогу; который потерял себя; который умер вместе с миром, где он родился; который больше не стремится к жизни.

«Но был ли этот человек лучше? Каким он был?»

Не мог ответить на вопрос. Не мог вспомнить, каким был раньше.

«Уверен ли ты, что остался человеком? Ты вообще им когда-то был?»

Медленно отшатнулся назад, сделал ещё несколько шагов, пока не упёрся в стену.

– Оставь труп! Предай огню всё то, что убило и убивает! Предай огню всё, что осталось! – завопил фанатик. Его слова разожгли искры воспоминаний, и я вспомнил боль, которую старался забыть. Эти искры разожгли факел понимания: мои друзья ещё живы – я должен их защищать. Только сейчас смог понять, насколько важна моя жизнь. Неважно, кем был раньше – сейчас я тот, кто есть и с этим уже ничего не поделать, думая о прошлом.

– Заткнись, с... – Никита не договорил, замахнувшись.

Опередил его, ударив фанатика кулаком прямо в лицо:

– Это вы убиваете нас! Это вы, такие как ты, уничтожили мир! Вы виновны! И все подобные. Я... я уничтожу вас. Всех вас уничтожу, чтобы никто больше не страдал. Чтобы больше никто не хоронил друзей, близких, родных. С вами нельзя иначе, – посмотрел на часы: «4:18». Повернулся к Никите: – Время. Вяжи его, и на выход.

– Понял, – ответил он с понимающей улыбкой. Показалось, что в его взгляде даже было уважение.

«Думаешь, ты сможешь всех спасти? Думаешь, это всё какая-то игра, где ты – главный герой?» – спросил Голос.

Я ничего не думал. Просто хотел спасти друзей и убить тех, кто отнял их у меня. По-моему, это очень человеческое и обычное желание.

Мы вышли в коридор, и пошли в сторону главного коридора. Фанатику завязали рот, чтобы не мог никого позвать. Я шёл впереди.

Сразу за поворотом нас встретили две стены полностью бритых, как один, людей. Все они были одеты в тёмные одежды. На голове каждого – клеймо.

– Смотри, не засцали...

– О-па, смотри, малой какой...

– А этот здоровый какой-то...

В конце, напротив грубо открытых металлических дверей лифта, стоял мужчина. Он держал кого-то за волосы, прижав к его голове пистолет. За этим фанатиком были ещё несколько связанных человек с повязками на глазах, за которыми стояла пара охранников.

– Паша?! Паша! Я здесь! – крикнула девушка. По голосу – Женя. Она со страхом выглянула, но ей сильно ткнули дулом в спину, что-то сказав, и девушка замолчала. Больше никто ничего не сказал.

– Вот вы и здесь, – торжественно проговорил тот, что сто-

ял в конце. – Заткнулись! – рывкнул он, и все переговоры фанатиков резко затихли. Ни одного шёпотка. После этого приказал: – Один из вас, с нашим, иди сюда. Но только один.

Паша двинулся вперёд, но я остановил его:

– Я пойду, – твёрдо сказал я.

Паша недоумённо посмотрел на меня.

– Нет. Я сам.

– Пусти. Мне это нужно, – шепнул я. – А ты спасай Женю. Ты говорил, что Кэт должна появиться – вперёд, как только она появится. Я... постараюсь дать время.

Паша посмотрел на меня с тревогой, но передал командира фанатиков – тот лишь улыбался глазами. Взглянул на Никиту – он смотрел куда-то вперёд.

Медленно шёл, ведя под руку фанатика – он не сопротивлялся. Рожи вокруг насмешливо улыбались.

Когда подошёл ближе к тому, кто держал заложников, то увидел, кого он держал – это был дядя Слава. Он лишь молча смотрел на меня, пытаюсь шевельнуть головой в сторону. Губы его безмолвно говорили: «Беги».

– Засцали твои дружки, да? Малого пустили... Может, думают, мне тебя жалко станет? А?

– Я сам пошёл.

– Интересно... Убери ему изо рта эту херню, поговорить хочу – улыбнулся он. Я повиновался и убрал повязку изо рта заложника. Мужчина напротив спросил его: – Чё как, командир?

– Пару раз неплохо так приложили, но жить буду, – ответил командир фанатиков.

– Всё! – рывкнул я, доставая одной рукой катану и прикладывая лезвие к шее командира. – Я пришёл сюда для обмена. Если хочешь, чтобы он прошёл эти несколько шагов живым – отзови своих людей в дальнюю часть коридора. Мы оставим его возле лифта.

– Это всё?

– Да.

– Не. Не пойдёт.

– Как это: не пойдёт? – спросил я.

– Давай так: будем биться один-на-один. Если хоть раз меня ударишь, отпущу всех... Вас тут трое, а нас в десять раз больше. Если бы мы хотели вас замочить, то сделали это – хуйня-вопрос, короче.

«Ты понимаешь, что это западня? Вот уроды, заранее придумали! Ха-ха! И ты оказался в самом её центре!» – сказал Голос.

– А если не смогу ударить? Или случайно убью?

– Если убьёшь – что вряд ли – никто вас не тронет. Зуб даю. А если проиграешь, мы сначала трахнем на ваших глазах всех женщин, после этого избыём. И остальных тоже. Потом будем убивать твоих по одному. А ты будешь смотреть и ничего не сможешь сделать. Даже сдохнуть. Потом будешь ты. Я сам займусь. Будешь от боли визжать как свинья. Долго. Будешь молиться, чтобы сдохнуть побыстрее. Такие

условия – других нет.

«Не соглашайся»

Выбора не было... Нужно было, хотя бы, выиграть время. Они всё равно сделают то, что хотят – может хоть Кэт успеет.

«Разве ты хочешь выбирать?..»

– Костя, не надо! – крикнул Паша.

– Ребята, берите этих двух клоунов. Пусть не рыпаются.

Посмотрел назад – бритые люди быстрыми движениями заломили Пашу и Никиту, поставив на колени. Никита нескольких успел откинуть, но вчетвером его смогли связать. Не знаю, прочитали они наш план или нет, но с каждой минутой всё становилось всё хуже и хуже. Но нужно было идти до конца – сдаваться я не собирался.

– Так что, малой, по рукам?

«Не надо. Ты же понимаешь, что не победишь?»

– По рукам.

Ловушка захлопнулась, и я осознанно туда зашёл.

«Почему ты не боишься?»

Главарь фанатиков отбросил назад дядю Славу, выступая вперёд. Я отошёл чуть назад и со всей силы ударил их командира в живот, от чего тот тут же упал:

– Послушай меня, – начал я, приподнимая его. – Если хоть одно движение увижу – порежу катаной сразу же. Она очень острая.

В довершении к своим словам, слегка коснулся его рукава, сразу разрезав ткань, на которой появилось едва замет-

ное тёмное пятно. Вместо страха, на лице командира фанатиков нашёл лишь весёлую улыбку. Для него всё это было лишь забавой. Только сейчас понял, что всё это было заранее продумано... Может не в деталях, но в основном. И всё до сих пор шло по их плану.

– Ну чё, малой, готов? – сказал мне другой главарь, который был чуть выше меня, но почти в полтора раза массивнее, – я вытянул вперёд катану, взял рукоятку крепче. – Ого... Вот это приколы, конечно. Даже интересно стало. Ладно. Я тогда буду на одних кулаках.

Начался бой. Фанатики расступились, образуя круг с рингом в центре. Внимательно следил за его движениями, медленно шагая по кругу – он делал то же самое, иногда пытаюсь делать резкие выпады и насмешливо улыбаясь.

Сделал резкий удар со стороны – он легко увернулся и ударил меня в левый бок. Я еле устоял, чтобы не упасть. Меня сдерживало то, что если сделать слишком неудачный выпад, то он с лёгкостью выбьет у меня катану – это будет финиш. Приходилось ждать момента, когда он готовился ударить и тогда самому пытаться нападать.

– Ого! А ты крепче, чем я думал. Всё ещё хочешь с этой игрушкой драться? Это же пиздец как неудобно, – главарь кивнул на катану – я сжал рукоятку крепче. – Ну, как хочешь.

Последовала ещё одна череда выпадов. Он попал мне по правому уху, а я лишь задел его левую икру. Удерживаться

на ногах было тяжело. Появилась отдышка. Потом ещё пара его выпадов, и я, не выдержав натиска, упал. Главарь лишь слегка протёр задетую ногу.

– Всё... Я победил, – проговорил я. – Дай нам... уйти.

– Чего? Уйти? – усмехнулся он. – Условия были ударить или поцарапать? Ну же, вставай! Надо дать им развлекалово! – я быстро осмотрел комнату: фанатики весело наблюдали за всем. Чувствовал себя кошкой, которую стая собак загнала в тупик переулка. Все с возбуждённой улыбкой смотрели на меня – только их главарь смотрел злобно, сверху вниз:

– Вставай, сука! Я кому сказал?! – приказал он, уже недобрым голосом. Приподнялся, пытаюсь собраться с силами. Тошнило. Кружилась голова. По лицу стекала тёплая капля. Знал, что это кровь – такая же, как и та, что выплёвывал сейчас.

– Ну! – резко бросил он, а затем я почувствовал удар ногой в живот и отлетел чуть в сторону. – Чё ты разлёгся, а?! Всё уже?!

Резко выдохнул и кое-как встал, шатаясь. Знал, что у меня нет шансов, но нужно было пытаться, пока могу встать. Нужно было тянуть время. Пока руки могут держать катану – без неё всё кончится сразу же, шансов не будет.

«У тебя их не было с самого начала. Почему ты сражаешься? Просто сдайся.»

– Нет! – крикнул я. – А-а!

Набросился на главаря, пытаюсь обманным приёмом зайти с противоположной стороны, резко передав клинок в другую руку, но вместо уклонения главарь схватил меня за руку. Ощутил, как лезвие режет ему ладонь – он схватил меня за правую руку своей левой пятернёй и с силой сжал, выворачивая руку.

– Блять... ты серьёзно думал, что это сработает? Лучше бы и дальше там валялся. Я бы об ничтожество не стал марать руки, – он резко ударил меня по голове своей правой рукой, при этом удерживая левой. – Теперь ты заплатишь за то, что защищал этот ёбанный мир, – ещё удар. Я еле стоял. Всё кружилось вокруг. Левый глаз не открывался. – Это такие как ты, и вот эти крысы, уничтожили мир – неужели неясно? Люди всегда всё уничтожают... Почему вы, блять, не можете этого понять? – ещё удар в живот – я упал на колени. – Если бы не они, – он указал на заложников, которые были за моей спиной, – мы сейчас жили бы нормально. Без этой хуйни на улицах. Живём, блять, как крысы, дрожим в своих конурах, пока не сдохнем... Это всё ваш ебучий прогресс! Это всё люди! Это был лишь вопрос времени, когда всё пойдёт по пизде... Вот и вся истина. Теперь мы расплачиваемся за всю хуйню. И я, сука, – он нанёс сверху ещё один удар, окончательно сбивая меня на пол, – ревизор.

После этого он отпустил мою руку, затем почувствовал ещё один удар, ногой в грудь. Всё тело казалось огромным сгустком боли. Болело всё. Только прохладный бетонный

пол смягчал боль.

«Хватит. Остановись», – говорил Голос.

Лежал на полу, ожидая, что будет дальше. Сквозь боль пытался подняться, но почти ничего не двигалось.

– Неплохая такая игрушка... – услышал, как звякнул металл катаны, которую главарь забрал, наступив мне на руку. – Теперь смотри... – проговорил он, а затем сказал: – А, стоп, ты встать не можешь? Поднимите его, – приказал главарь. – Я тут кое-что придумал. Показалось, что вот этот чел важен для тебя. Важен же, да? Знаю же, сука, что важен...

Открыл глаз и увидел, как в нескольких шагах от меня на коленях стоял дядя Слава. Он со сдержанным страхом смотрел на меня: это был страх не за свою жизнь – он боялся за меня.

Главарь поднёс лезвие к его шее, обвёл несколько раз по кругу.

– Что... т...ы... дела...ешь? – проговорил я, сквозь боль в груди. Каждая буква отдавалась острым лезвием, которое резало лёгкие, разносясь при этом эхом по всему телу.

– Предать огню! Предать огню! – скандировали фанатики хором.

– О, ты слышишь?.. Это твоя плата. За проигрыш, – проговорил главарь с улыбкой. – Отчаяние... Потом возьмём того, с которым ты пришёл. Потом и за девочек возьмёмся.

– Прощайте, – тихо сказал дядя Слава.

После этих слов он резко провёл лезвием по шее дяди

Славы. Не сразу понял, что произошло и почему тот начал дёргаться, закатив глаза, с ужасным хлюпаньем. Он упал и продолжал дёргаться на полу. С каждой секундой лужа крови под ним становилась всё больше. Где-то вдалеке был детский плач и голос: «Папа, папа!».

Пытался что-то сделать, встать, но не мог даже пошевелиться. Пытался отвернуться, но мне держали голову, а закрывать глаза не помогало – хлюпанье давило тогда ещё сильнее.

– Как тебе? Нравится, да? – спросил главарь.

Казалось, что перед тем, как дядя Слава перестал шевелиться, прошла целая вечность. Даже когда он успокоился, передо мной всё ещё стояла картина того, как лезвие перерезает горло.

– Это ещё не конец... – шепнул детский голос в ухо.

Главарь как будто тоже услышал, достал пистолет и прострелил мёртвую голову.

– Ещё один успокоился, – проговорил он, а затем посмотрел на меня с улыбкой: – Ну, чё, ребята, покажем гостям, как хорошо умеем сдерживать обещания?

– Н...е... на...до, – проговорил я.

– «Договор дороже денег» – так меня всегда учил отец. А тебя родители не учили что ли? Он, конечно, умер нищим, но зато до конца жизни гордился тем, что держит слово.

Фанатики начали переглядываться, а затем пошли к заложникам. Где-то позади завязалась потасовка. Все поверну-

лись туда. Затем комнату резко осветило, ещё через несколько секунд откуда-то появился дым и начал очень быстро распространяться. Воздух разрезала автоматная очередь, а затем ещё, и ещё. Были и отдельные выстрелы. Меня быстро бросили на пол. Коридор уже наполнился дымом, и я лишь видел силуэты, которые то появлялись, то пропадали. Затем кто-то меня поднял.

– Идти можешь? – спросил мужской голос. Знакомый, но я не успел увидеть, кто это. – Сейчас приду...

Меня снова положили. Вокруг был хаос: кто-то кричал, кто-то стрелял, кто-то плакал. Перестал понимать, что происходит. И у меня не было сил, чтобы хоть что-то сделать.

– Вставай, надо бежать, – это был детский голос. Прямо надо мной. – Идём! Чего ты лежишь?

Не мог встать, как не пытался.

Через несколько секунд подбежало несколько человек. Они быстро подняли меня под руки и потянули вперёд.

– К...то?..

– Тише-тише. Свои. Сейчас выберемся.

– Г...де мо...и дру...зья? – я еле дышал. Из рта вниз спустилась кровавая слюна.

Меня втащили в лифт и положили на пол, в самом конце. Люди ушли. Затем привели ещё людей, а затем ещё, и ещё.

– Давай, запускай! – крикнул кто-то, перед самым лифтом. В коридоре всё ещё стреляли.

– Костя? – это был голос Паши. Он опустился рядом и

бросил кому-то в сторону: – Поднимайся!

– Всех забрали? – спросил мужской голос.

– Не знаю. Вроде всех, кого нашли.

– Так мало? Боже... – в этих словах услышал отчаянный страх.

– Ты... ты как? – спросил меня Паша. Лифт, дёрнувшись, начал двигаться вперёд.

– Нор...маль...но, – медленно проговорил я, еле различая силуэт брата единственным рабочим глазом.

– Через сколько рванёт первый заряд? – бросил Паша снова в сторону.

– Через минуту должен.

– Хоть бы успеть... – проговорил Паша. – А второй?

– Каждый – через минуту после предыдущего.

– Храни нас всех Господь, – проговорил Никита.

Лифт резко дёрнулся и остановился. Дверь, о которую я упирался, раскрылась, опрокидывая меня. Падение отдалось новой болью в теле.

– Тише-тише, – сказал Паша, поднимая меня под руку – от чего снова стало невыносимо больно. – Скоро отдохнёшь. Просто потерпи сейчас.

– Стойте... Вы собираетесь идти на улицу? Ночью? – завопила женщина. – Я... я не пойду! Это самоубийство!

– Саша, заткнись, – рявкнул мужской голос. – Ты хочешь вернуться? Так иди! Пусть они тебя убьют! Есть другие идеи?!

– Нет, но... – попыталась возразить женщина.

– Вот и всё, – пригрозил мужчина. – А теперь заткнись и иди тихонько.

Меня вытянули на улицу. Всё шаталось. Было темно. Не знаю, правда, это потому, что я почти ничего не видел или потому, что луны не было видно.

«И чего ты добивался? Ты даже на ногах не стоишь – тебя несут другие. Еле живой... Чего ты добивался?», – говорил Голос, но у меня не было ни сил, ни желания, чтобы ответить.

Когда мы чуть отошли от входа в комплекс, раздался первый взрыв. Он был такой сильный, что, казалось, случилось небольшое землетрясение. Кто-то приглушённо охнул, но мы двигались дальше. Когда подошли к забору, был ещё один взрыв. А потом и ещё один.

– Ч...то т...ам? – спросил я.

– Не обращай внимания. Потом... – ответил Паша.

Мы долго шли. Несколько раз я отключался. Удавалось услышать лишь обрывки фраз.

– Как он? – услышал знакомый женский голос, но не мог понять кто это.

– Фигово, – вздохнул Паша. – Не сдаётся... Вообще не представляю, как он ещё жив. Это... удивительно.

– В этом он весь...

Затем пустота, но кое-что вырвалось, словно островок посреди моря:

– Если бы я только раньше пришла... этого бы не случи-

лось, – проговорил всё тот же женский голос.

– Не надо. Это не твоя вина. Но он дал вам столько времени, сколько смог, – ответил Паша.

Ощущал покачивание тела и страшную боль, которую оно вызывало.

Через какое-то время меня опустили.

– Ну, вот, сейчас... – проговорил Паша и бросил кому-то: – Чисто? Хорошо. Сейчас... Приготовьте место. Бинты есть? Блять... Дайте хоть что-то! Нельзя его так оставить!

Вскоре меня подняли, куда-то втянули, снова положили. Не понимал почему ещё не отключился от боли. Такое ощущение, будто мне сломали каждый сантиметр костей в теле.

– Лежи, сейчас... – после этого меня потрясли, пытаюсь раздеть. Каждое прикосновение вызывало тонну боли, от которой хотелось умереть. Просто избавиться, наконец, от этого.

– П...аша... у...убей м...еня, – с силой проговорил я.

– Костя, не надо говорить такое, – сказал всё тот же женский голос. Он до боли казался знакомым. – А я сделаю вид, что ничего не слышала.

– К...то... ты?

– Тише. Не говори. Я почти закончила, – у неё был твёрдый ровный голос.

Перестал спрашивать, понимая, что это бессмысленно. Скоро и так всё узнаю.

– Готово. Подожди, я сейчас вернусь, – сказала девушка,

слегка погладив меня по обвязанной груди. Плотно затянутая ткань чуть-чуть облегчала боль. Но всё равно каждый вздох казался мукой. – Я вернулась, – я почувствовал, как что-то мягкое укрывает меня и в рот падает таблетка, заливаётся вода. – Отдохни, хоть немного.

– К...то... ты? – повторил я вопрос, но ответа так и не последовало. Попытался открыть глаз, чтобы осмотреть комнату, но боль оказалась сильнее, и я остался лежать, пытаюсь уснуть.

* * *

Всю ночь лежал, мучаясь от обжигающей боли. Периодически меняли повязки. Откуда-то достали бинт и стали делать бинтовые. Всё время сжалось в сплошную боль, которую сменяли периодические перевязки.

– Этого ты добивался? – спросил детский голос. Узнал его – это был Максим.

– Чего... ты хочешь? – выдохнул я. Говорить было уже намного легче, но всё равно тяжело.

– Просто поговорить. Я присяду? – он не дождался разрешения и присел. Понимал, что это лишь моя галлюцинация – поэтому говорил тихо. – С чего ты взял, что я ненастоящий? Вот, смотри, – после этих слов я почувствовал точечную боль в ноге. – Я вполне реальный.

– Мне всё... равно. Говори... что хотел.

Посмотрел на него единственным рабочим глазом, который мог открыть: в размытых очертаниях окружения выделялась светлая детская фигура. Он был точь-в-точь таким же, как и всегда: светловолосый, с доброй улыбкой.

– Посмотри, к чему привело твоё геройство. Посмотри, что ты получил за свою глупую храбрость. Почувствуй, чем тебе отплатил мир. Этого ты искал, когда так рвался к прошлому?

– К... чему ты... ведёшь?

– Уходи. Уходи от людей. Давай, как раньше, путешествовать вдвоём. Только ты и я. Мы. Вдвоём.

– Не было... никаких... «мы»... Ты... всего-лишь... моё воображение.

– Костя, как ты не поймёшь? Это не имеет никакого значения. Я... послушай, – он взял меня за руку. – Я просто хочу тебе помочь. Но не могу, пока ты с другими. Уходи от них. Не обрекай всех на ещё большую боль. Всем от этого будет только лучше. И им, и тебе. Ты перестанешь стараться продать душу подороже, а другие не будут от этого умирать, как сегодня. Послушай, мы ведь оба знали, что это случится. Это всегда случается. Смерть всегда приходит... пока ты рядом.

– Иди... к чёрту, – медленно проговорил я, переводя взгляд в потолок. Мне хотелось, чтобы этот разговор быстрее закончился.

– Значит, не пойдёшь? – мальчик отпустил мою руку. Его голос потерял всякую весёлость.

– Нет.

– Потом не жалуйся, – тихо, почти шепнув, сказал он. – Не говори, что я был прав. Рано или поздно, ты всё равно уйдёшь. От них или вообще – неважно. Я лишь хотел, чтобы всё обошлось меньшей кровью.

– Иди... к чёрту, – повторил я.

– И тебе «до свидания», – ответил Максим. После этого повисла тишина. Как мог, оглядел комнату: никого. Боль всё ещё горела по телу маленьким огнём, но уже было заметно легче. Даже получалось шевелить пальцами. Наверное, это было от таблеток, что мне недавно давали.

* * *

Пролежал на диване до следующего утра. За мной всё это время ухаживала Женя. Когда спросил, она ли перевязывала меня, когда мы только сюда попали, просто отвела взгляд с некоторой улыбкой, но не ответила.

Оказалось, что выжило всего одиннадцать человек, включая меня: Женя, Катрин, Никита, Паша, я, трое охранников и четверо учёных.

Последняя надежда человечества была принесена в жертву, чтобы отсрочить нашу смерть: лабораторию пришлось взорвать, вместе с фанатиками. Мы остановились в одном из домов, подальше от лаборатории. Из-за вылазок военных в округе было много открытых квартир.

– Ну, как ты? – спросил Паша, заходя в комнату. Он достал из-за спины небольшой предмет. Это была моя катана. – Захватил её... Подумал, тебе будет нужна.

– Выброси её, – проговорил я, указывая на окно.

Паша недоумевающе посмотрел на меня:

– Почему?

– Мне она больше не нужна. Барахло.

Паша несколько раз перевёл взгляд с меня на катану, и обратно.

– Уверен?

Я кивнул. Паша подошёл к окну, открыл его и выбросил на улицу то, что должно было охранять мне жизнь, но что забрало жизнь одного из близких людей: оборвало ниточку, соединявшую меня с отцом.

– Как себя чувствуешь? Ну, в целом.

– Нормально, наверное, – ответил я, пытаюсь сесть, но боль всё ещё стягивала всё тело. – Жить буду.

– Это хорошо, – улыбнулся Паша.

Повисло неловкое молчание.

– Ты что-то хотел? – я решил перейти сразу к делу.

– Да-а, – протянул Паша. – Такой вопрос: ты можешь ходить? Сам?

Я отвёл взгляд.

– Нет.

– Не, ты не волнуйся, – Паша постарался успокоить меня. – Всё нормально. Хорошо, хоть кости не сломаны. Толь-

ко сильные ушибы.

– К чему ты? Нас выследили? – попытался резко повернуться, но сразу же об этом пожалел.

– Нет. Нет... Всё нормально, в этом плане. Но... – начал Паша, оборвав фразу.

– Но?

– Нам всё равно нужно уехать. И как можно дальше. Остаться нельзя. Я долго обдумывал всё... До сих пор не могу поверить, что всё разрушилось так быстро... Снова... – Паша тяжело вздохнул.

– Если мы их всех подорвали – зачем уезжать?

– Вдруг, там были не все? – Паша отвернулся. – Нельзя рисковать. Да и здесь ничего нет. Как раз отсюда мы и доставали что можно на базу.

Я ответил не сразу.

– Хорошо... Когда уезжаем? Через неделю, две?

– Сегодня, – ответил Паша.

– Но... но ведь... это было вчера... Так быстро...

– Да. Понимаю. Мы вчера долго обсуждали... пока ты был в отключке. Только тебе не сказали... Не волнуйся. Я помогу спуститься. Ну, а на новом месте, уж залечим тебя. Будешь как новенький, – Паша улыбнулся и совсем тихонько хлопнул меня по плечу. – Никита пригонит нашу машину, а Сергей – автобус для остальных. У военных был, остался ещё с эвакуации.

– Сергей? – спросил я. – Кто это?

– Узнаешь. Со всеми ещё успеешь познакомиться.

В коридоре послышался хлопок входной двери.

– Всё, поехали, – объявил голос. Это был Никита. Паша

подскочил с кровати и открыл дверь.

– Как? Уже?

– Да. Всё готово, – ответил Никита. – Только давайте быстрее. Надо валить, пока чисто.

– Костя, подожди минуту. Я сейчас рюкзак захвачу и приду, хорошо?

– Ладно, – ответил я, опуская ноги вниз.

Под тёмной майкой, которая была на несколько размеров больше моего размера, было обмотанное бинтами тело, словно изолянтной сломанный провод. Кое-где бинт был тёмно-красный.

В комнату быстрыми шагами вошёл Паша. Он взял меня под руку и поднял. Я не смог сдержать болевой стон.

– Всё нормально? – спросил Паша.

– Да... да. Пойдём.

Все уже шли по лестнице вниз.

– А куда мы едем? – спросил я полушёпотом. – Есть какие-то идеи?

– Пока не знаю, – выдохнул Паша. – Неплохо было бы поселиться в какой-нибудь деревне или на ферме. Подальше от всего... Подальше от городов, понимаешь? Надо начать жить... самостоятельно: выращивать еду, какое-то хозяйство – в городах уже почти ничего нет. Что не разобрали – испор-

тилось или скоро испортится... Другого выхода нет.

– Понимаю.

Мы вышли на улицу. Было непривычно видеть столько людей на поверхности. Чуть впереди стояло несколько человек с автоматами, крепко держа рукоятку и внимательно смотря по сторонам. Восставших не было видно.

Паша помог мне сесть в машину, на заднее сидение, к Катрин. Никита поехал на небольшом чёрном автобусе. Женя была рядом с Пашей, на переднем сидении.

Катрин смотрела на пространство за окном: пустое поле, которое упиралось в стену леса.

Я увидел в дверях подъезда Максима. Он с грустью смотрел на меня.

– Все готовы? – спросил Паша. Все дали молчаливое согласие. – Поехали...

Он завёл машину, и мы проехали вперёд. Через минуту, хвостом, присоединился автобус.

Мимо машины проносился небольшой город, в котором осталось слишком много, но ещё не всё, что мы могли бы потерять. А впереди уже маячил новый светлый мираж.

Конечно, страх недавнего прошлого не давал полностью верить глазам, однако сердце очень рвалось к надежде.

День 711-713

— Ну, что, дети, начинаем урок? – спросила Ирина Олеговна, учительница по математике.

– Да! – хором отозвались все, кроме меня.

– Хорошо, – улыбнулась женщина. – Кто читал домашний параграф? – несколько человек подняли руки.

Ирина Олеговна расплылась в довольной улыбке:

– Замечательно, – она ходила взад-вперёд с задумчивым взглядом. – Кого бы вызвать?

В один момент она остановилась:

– Знаю! Тебя! – Ирина Олеговна указала рукой в мою сторону. Указательный палец показывал прямо в меня, но я, по привычке, обернулся – мальчик позади меня встал с растерянным жалким видом.

– Ирина Олеговна, я... ну...

– Что такое, Серёжа? Скажи мне, что такое «куб числа»?

Сергей постоял ещё, пытаясь что-то из себя выдать.

– Я... ну... куб – это... это когда... – он тщательно пытался услышать, что шепчут люди вокруг, но даже подсказки, видимо, были ему непонятны. – Короче, ну... это когда, ну, число там, и тройка, да?

– И тройка, да... А что дальше? – спросила Ирина Олеговна, останавливаясь у своего стола.

– Ну, она там... это! Стоит!

– Где?

– Над числом!

Казалось, Сергей, наконец, смог нащупать что-то у себя в голове. Взгляд же учительницы говорил о том, что он попал в ловушку.

– И зачем она там?

– Ну, может, умножить? – спросил он с жалкой надеждой и слепой вере в удачу. Но она ему отказала.

– Что умножить?

– На три?..

– Нет. Садись, Серёжа... что-то выдавил из себя, – вздохнула Ирина Олеговна. – Ладно. Так и быть. Поставлю «три».

– Стойте, не надо! – выпалил Сергей, но было уже поздно – лёгким движением учительница черкнула в журнале оценку. Увидев это, он, с досадой, сел обратно: – Блин...

Ирина Олеговна снова начала расхаживать по кабинету.

– У кого же проверить домашнее задание? – спросила она, проходя между рядами парт и мимолётом заглядывая в тетради.

Только сейчас заметил, что у меня-то ничего и нет: парта была пустая. Глянул под парту – пусто. Ни рюкзака, ни пакета – вообще никаких вещей.

Ирина Олеговна подходила всё ближе, а я не знал, что мне делать. Двойку совсем не хотелось, а брать соседский учебник и учить сейчас – бессмысленно.

С каждым шагом она приближалась. Учительница была

всего в нескольких партах впереди от меня. Какой-то мальчик не смог показать ей домашнюю работу, и она влепила ему двойку.

Через несколько секунд очередь дошла до меня. Я сразу весь сжался, будто меня будут бить. Ирина Олеговна просто прошла мимо. Ни слова, ни даже взгляда в мою сторону.

С удовольствием выдохнул: пронесло.

После урока – как оказалось, последнего – решил подойти к Коле – одному из нескольких своих товарищей-одноклассников. Он сидел на небольшом металлическом заборе, который огораживал цветастые клумбы, чуть в стороне от главного входа в школу

– Привет, – сказал я, подходя. Кучи младшекласников вылезали из маленьких дверей школы. Они собирались в группы по несколько человека и бегали, веселились, подбирали рюкзаки. Некоторые падали, даже плакали, больно ушибившись. – Как тебе матеша? Ну и жуть. Четыре «двойки»!

Коля смотрел всё так же вперёд, иногда переводя взгляд себе на туфли. Он будто и не замечал меня совсем.

– Коля?.. Коля-я? – потряс рукой перед ним, но он даже не шевельнулся. Это не могло не обидеть. – Знаешь, дурацкие у тебя игры! Да иди ты в жопу вообще!

Развернулся и пошёл домой. Не хочет со мной говорить – и не надо.

«Вообще, такое ощущение, что никто меня не замечает –

что за глупая игра?»

Впереди шёл толстый невысокий мужчина. Решил не сворачивать с пути и просто врезаться в него, чтобы посмотреть, что будет. Он тоже шёл прямо до последнего, пока я не отскочил, врезавшись в его огромный живот. Мужчина остановился, посмотрел вокруг, и пошёл дальше. Я сидел на обочине, в пыли. Не хотелось верить, но получалось, что меня действительно никто не замечал.

Встал, ускорился и чуть ли не побежал домой. Через несколько минут, уже открывал металлическую дверь квартиры.

– Мама! Бабушка! Паша! – крикнул с порога, даже не разуваясь. Сразу же побежал на кухню – мама сидела у окна, молча смотря в небо. – Мама! Мам!

Тряхнул её за плечи, но она даже не повернула голову. В комнате бабушки было пусто. Из последней комнаты, Пашиной, играла музыка. Резко открыл дверь. Паша лежал на кровати. Из колонок громко играла музыка.

Подойдя ближе, услышал невнятное бормотание и всхлипы:

– Тебя нет... почему? Почему ты оставила меня?

Подумал, что он это про меня и сел рядом:

– Паш, всё нормально. Я здесь!

Потряс его, но ничего не случилось. Он тоже не реагировал на меня. Даже попытался перевернуть его, но ничего не вышло.

– Почему? Почему? – крикнул он в приступе отчаянной грусти. Никогда не видел его таким.

– Паш, ты чего?.. – я встал и отшатнулся к выходу.

Кто-то тронул меня за плечо:

– Костя?..

* * *

— Кость, уснул? – спросила Женя. Оторвал голову от холодного стекла.

– Не, ну... – пробормотал я. – Да. Немного.

– Ты так тихо спал, – сказала Женя. Она держала в руке закрытую книгу. – Даже будить не хотелось, но ты стал что-то говорить, даже, как будто, испугался – вот и решила разбудить.

Немного потянулся и размялся, насколько это было возможно в салоне машины. За долгие часы поездки тело затекло. Заметил, что Женя выглядит озабоченной – поспешил её успокоить:

– Ничего. Всё нормально. Напомни, а куда мы едем?

– Вроде на ферму. Паша недавно говорил, – ответила Женя.

– Да. Костя, мы же обсуждали это неделю назад, – сказал Паша с переднего сидения.

– Место, куда я ездил отдыхать, когда маленький был, – уточнил Сергей, сидящий рядом.

– Да. Я помню. Просто хотел уточнить, совсем заспался...

А долго нам ещё ехать?

– Нет, – ответил Паша, а затем медленно произнёс: – Почти приехали.

Оглянулся и посмотрел в заднее стекло: автобус ехал в нескольких метрах от нас. Вокруг стоял совсем лёгкий туман, который растянулся повсюду с самого утра.

«Всё ещё надеешься на что-то? Это место такое же гиблое, как и всё, что до сих пор осталось», – сказал Голос.

За последние недели его почти не было слышно. Почти сразу, как мы уехали из Ширковки, он перестал проявляться в виде Максима. До сих пор не могу понять, как это работает. Он ведь совсем как настоящий. Но это уже не имеет значения. Сейчас важно только то, что мы, наконец, доберёмся до места, где можно будет остановиться не на несколько дней. Это будет наш новый дом. «Земля обетованная». И, возможно, последнее поселение людей. Жаль, что не все увидят это – не все, даже после уничтожения базы, выжили. Но они все останутся в наших сердцах.

«Рита, Женя, Олег – надеюсь, вы упокоены с миром. Пусть мы и не были особо знакомы, но, когда остаётся всего десяток живых людей рядом, волей не волей, становишься семьёй. Жаль, меня не было рядом – возможно, я смог бы что-то сделать...»

«Почему ты так упрямо веришь? Там ничего не будет. Мы оба это знаем», – сделал вид, что не слышал его. Как же он

надоел...

Между Пашей, Женей и Сергеем снова пошла болтовня о принципах квантовой физики относительно классической. Попытались втянуть и меня, но я ни слова не понимал. Поэтому решил ещё попробовать вздремнуть, приложившись к окну.

– Иди ко мне. Стекло холодное – простынешь ещё, – мягко произнесла Женя. Опустил голову к ней на колени.

– Эй, что вы там делаете? – спросил Паша с усмешкой. – Костя!

– Паша, не накручивай себя. Ты же знаешь, что Костя мне как младший брат, – она мягко гладила меня по голове.

Почувствовал, как Женя снова накрыла меня пледом – чуть съёжился, прижимаясь к ней ближе.

Стало тепло...

* * *

Проснулся от того, что машина остановилась.

– Приехали? – спросил сонным голосом, поднимаясь.

– Да, – ответил Паша. – Ты в машине посидишь или с нами?

Откинул плед и подтянул рюкзак.

– С вами, конечно.

– Женя. Иди к ним, – Паша говорил про автобус, – и скажи, чтобы ждали сигнал. Мы втроем пойдём. И пусть за нами

больше никто не идёт. Никите скажи, чтобы вокруг забора прошёлся. Пусть посмотрит, весь ли целый. Если что, надо будет сразу его чинить.

– Хорошо, – согласилась Женя, не задавая лишних вопросов – они с Пашей обычно хорошо понимали друг друга.

Мы вышли на прохладную улицу, где воздух так и норovil проникнуть во все щели в одежде.

Туман рассеялся, но тучи всё равно не давали солнцу пробиться. На часах было «14:12».

Оглядел место, куда мы приехали: машина стояла сразу за металлическим забором, который тянулся в стороны, заходя далеко за широкий кирпичный дом и какие-то небольшие постройки рядом с ним. Потрескавшийся, но всё ещё неплохой, асфальт шёл почти до главного входа – можно было проехать дальше, но нам нужно было быть готовыми отступить и уехать как можно быстрее, поэтому лучше было оставить машину у входа.

«Никогда не знаешь, где встретишь это чёртово стадо...»

– Чё-то как-то тухленько тут. Ни музыки, ни танцев... Раньше было лучше, – проговорил Сергей, но никто не оценил сейчас этой шутки.

Мы подошли к дому. Деревянная лестница в нескольких местах начала подгнивать, но была ещё достаточно крепкой. Некоторые дощечки предательски поскрипывали под ногами. Дверь оказалась открыта. Внутри, казалось, было очень пусто: в некоторых местах вместо окон были заколоченные

проёмы, пол покрыт тёмным слоем засохшей грязи и повсюду валялись клочки каких-то бумаг, газет.

От главного входа общий зал шёл в стороны, а небольшая лестница по центру вела наверх.

– Я наверх пойду, а вы идите в стороны, – шепнул Паша.

Кивнул и пошёл в левый коридор, а Сергей – в правый.

Коридор был узкий, слева от него были окна, а справа – несколько дверей. Вошёл в первую – это оказалась небольшая комната. Справа, у самого угла, стояла кровать, слева был комод и стол. Достал фонарик и аккуратно осмотрел всё под кроватью, столом, в комод – пусто. Никого и ничего.

После этого вышел и заглянул в следующую дверь: комната в полтора раза больше. Чем-то похоже на кухню. На стенах висело несколько деревянных ящичков, где когда-то была посуда и прочие принадлежности. От главной комнаты, в противоположной стене, шли ещё несколько коридоров. Заглянул в ящички: в углах было лишь скопище паутины и толстый слой пыли на полках.

Прошёл в один из проходов дальше – это оказалась спальная комната с металлическими старыми плитами у стен. Оба прохода вели сюда. С другой стороны висело несколько поржавевших умывальников. Здесь в тумбочках тоже оказалось пусто. Вышел из кухни. Оставалась последняя дверь.

«Думаешь, здесь ещё что-то осталось? Не будь дебилом.»

Сам понимал, что здесь уже давно ничего не осталось, но сейчас мы проверяли другое. Наверху едва поскрипывали

доски.

Перед тем, как открыть дверь, взглянул в уцелевшее окно – отсюда был виден деревянный сарай в нескольких десятках метров от дома. Он угрюмо стоял посреди поля, а деревянная дверь слегка покачивалась от ветра. Рядом было ещё несколько похожих.

За последней дверью оказался небольшой коридорчик. Окон не было. Прошёл дальше. Коридор впадал в комнату побольше, где несколько оконных проёмов были забиты деревянными досками. Свет почти не попадал. Здесь были несколько шкафов, дверь в конце и перевёрнутый на ребро стол. Открыл один шкаф, другой – пусто. Подошёл к третьему, аккуратно открыл дверцу, держа нож наготове. И не прогадал – внутри оказался охотник. Он резко прыгнул на меня, свалив на пол. Это была седая старуха с прогнившими зубами. Уже давно не жарко – поэтому гнили в теле почти не было. Она с силой пыталась вцепиться в меня своими ободранными пальцами (вместо мизинца на правой руке торчала костяшка).

– Свали, сука... – прохрипел я, делая локтевой рывок, который вонзил нож ей прямо в череп – бессильный труп обмяк, и я откинул его в сторону: – Покойся с миром...

Взял со шкафа старое полотно и накрыл им труп.

– Извини, что назвал «сукой». Просто к слову пришлось, – сказал, склонившись над телом. А после этого встал. Нужно было ещё проверить закрытую дверь.

На двери висели металлические обломки замка. Дальше оказался проход с лестницей, которая вела вниз. Вряд ли это был нулевой этаж – скорее всего, подвал. По крайней мере, пахло соответствующе: спёртым сырым воздухом. На отделанных стенах в месте стыков всё почернело. Маленький кружок света был единственным моим спутником.

«Не единственным».

Аккуратно спускался по ступеням. Внизу оказалась небольшая кирпичная комната с двумя коридорами по бокам. По потолку тянулись тёмные трубы, как вены, которые давно перестали гнать кровь по мёртвому организму. Здесь свободно гулял ветер – было заметно холоднее. Пол был бетонным. Слышался только шорох шагов и моё тихое ровное дыхание.

Заглянул в один коридор: небольшая комната с большим баком в центре, куда вели все трубы. Нужно было внимательно осмотреть всё – что и сделал: ничего. Пошёл в другой коридор.

Когда подошёл к углу, гнилая рука неожиданно вылезла из-за стены, больно вцепившись. От его сильной хватки невольно выронил фонарик и стеклышко, упав, треснуло, но свет остался. Восставший, мыча, вылез, завязалась борьба. Я не мог проткнуть ножом голову, потому что удерживал его всеми силами. Это был пухлый мужчина с меня ростом. Он прижал меня к стене. Ощутил на щеке прохладное смрадное дыхание.

Нужно было что-то делать. Долго его удержать не смогу – он медленно приближался.

– А-а, – простонал я, затем сделал одну из самых опрометчивых вещей в своей жизни: попробовал выгнуть левую руку, попутно проскальзывая под восставшего, пока тот не опомнился. Однако, я успел нанести удар. Мужчина не упал, но замер, смотря на меня пустым взглядом. Нанёс ещё один удар, контрольный, и только тогда он повалился к стене, плавно спускаясь и оставляя тёмную полосу. Отодвинул его в сторону и поднял свой фонарик – он всё ещё работал.

Переступил через огромную тушу восставшего и осмотрел небольшое помещение – пусто. Просто пустая комната. Можно было подниматься вверх. Думаю, другие тоже закончили осмотр.

Когда выходил из комнаты в общий коридор, встретил там Пашу и Сергея, идущих мне навстречу.

– Мы уже хотели идти тебя искать, – сказал Паша. – Долго не появлялся...

– Были... трудности, – ответил я.

– Восставшие? – спросил Сергей.

– Двое. А у вас?

– У меня трое, – ответил Сергей.

– У меня один, – сказал Паша.

– Что дальше? – спросил я. – Как думаешь, безопасно?

– Не знаю, – ответил Паша. Он взглянул на улицу, между досок. – Надо Никиту подождать – посмотрим, что скажет.

– Давайте тогда пока трупы вынесем – всё равно их сжигать потом, – предложил я.

– Не спеши, – сказал Паша. – Может ничего не нужно будет делать. Незачем тратить бензин. У нас его и так немного осталось.

– Ладно... тогда ждём Никиту, – согласился я. – Что-нибудь нашли?

– Пусто. Всё вынесли давным-давно, – сказал Паша и добавил: – Хорошо хоть кровати и шкафы остались.

– Я бы офигел, если бы и шкафы вынесли – кому они надо. Но, вообще, нашёл какие-то штаны – надо? Могу сбежать, – улыбнулся Сергей.

Посмотрел на него вопросительно.

– Что это вообще такое?

– Что? Штаны? – удивился он моей реакции. – Ты не знаешь, что такое «штаны»?

– Не-а.

– У-у, Паша, ну и что ты за брат! – начал Сергей ломать комедию. – Даже таким простым вещам, как «штаны», человека не научил! Э-эх, деревня! – он резко повернулся ко мне: – В общем, это такие трусы. Огромные труханы для бабушек. Так что, будешь брать?

– Фу-у! – выпалил я. – Засунь их себе в задницу!

– Не, мне не нужны, – усмехнулся Сергей. – Но тебе, за небольшую плату, могу уступить. Скажем, за банку горошка.

Улыбнулся в ответ:

– Давай, ты мне две тушёнки, а я заберу у тебя штаны эти твои?

– Э, брат, так дела не делаются. Ну-у, – протянул Сергей, – если не хочешь – как хочешь. Всё. Предложение больше не актуально! Сергей Барженов не раскидывается такими важными вещами, как «штаны»!

Мы все вместе засмеялись.

Через несколько минут в дверь негромко постучали, а затем она открылась. Сразу же выхватил нож и спрятался за колонну – Паша и Сергей подошли ближе к выходу. В дверь вошёл Никита:

– Эй, есть кто?

– Что с забором? – сразу же спросил Паша, убирая нож в чехол. Подозрительность стала настолько же привычным явлением, как говорить «будь здоров» при чихе.

– Херово: в нескольких местах скопился; половину, по-хорошему, лучше вообще заменить. Долго не простоит, короче.

– А пару месяцев? – спросил Паша. Никита кивнул. – Большого нам сейчас не нужно. За это время успеем разобраться. А ты сам что думаешь? В целом как, подойдёт?

– Ну, вполне нормальное место: места для огородов хватает, далеко от города, сам дом ещё не сгнил, – задумчиво ответил Никита и добавил: – Если забор починить, то вообще сказка будет... А у вас чё тут? Нашли что-нибудь?

– Да так, ржавые кровати, шкафы и тряпки. Дом отсырел

немного. Придётся попотеть, чтобы привести в порядок. Я вот думаю ещё насчёт отопления...

– В дальней комнате есть проход в подвал, – добавил я, а затем добавил: – Только... я не знаю. Там стоит металлический бак, но не знаю то ли это.

– Я посмотрю потом, – кивнул Никита. – Скорее всего, это котёл. Ничего другого в подвалы обычно не ставят. Если что-нибудь можно будет с ним сделать – сделаем. Нет – съездим в Грим. Там что-нибудь поищем. Ещё что-нибудь?

– Панталоны нашёл – надо? – спросил с улыбкой Сергей. – Костя тут торговался сейчас, может его перебьёшь.

Никита строго посмотрел на него – от чего у последнего улыбка исчезла, и он поспешно добавил:

– Ладно, понял. Как хочешь.

– Ну, что, тогда будем восставших выносить? – предложил Паша, оглядывая свою небольшую команду в виде троих человек.

– А много их? – спросил Никита.

– Шестеро, – ответил Сергей.

– Большие есть?

– У меня один, где-то в полтора раза больше меня. Толстяк какой-то.

Паша посмотрел на меня удивлённо:

– Толстяк? Как они ещё до сих пор живут?.. Пиздец... Ладно. Пойдём тогда и начнём с тяжёлого. У меня две женщины – там фигня будет.

– У меня подросток, лет четырнадцать, – сказал Сергей.
Мы пошли в сторону подвала.

– Печальная складывается ситуация... Семья? – предположил Паша.

– Похоже на то, – сказал Сергей.

Мы прошли мимо старушки, накрытой простынёй. Решили к ней вернуться позже. Спустились вниз. Никита прошёл в первое ответвление, где стоял котёл.

– Посмотрим...

– Ну, что там? – спросил Паша.

– Плохо видно, – глухо ответил Никита. – Не знаю. Наверное, с этой херовиной уже точно ничего не сделаешь. Может, получится что-то найти в Гримере, – добавил он, выходя. – Где там этот толстяк?

– Здесь, – я указал на второе ответвление – посреди небольшого коридорчика, лицом в стену, лежал толстый мужчина в рваных тёмных лохмотьях.

Паша переступил через него, чтобы войти в другую комнату.

– Там пусто, – поспешил сказать я.

Паша вышел через несколько секунд:

– Да, действительно. Ну-с, господа, как будем его вытаскивать?

– Давай его тут оставим. Подумаешь – он же мёртвый уже, никому не помешает, – предложил Сергей.

– Да. Пусть тут гниёт. Потом вонять будет – м-м, закача-

ешься, – добавил Паша.

– До весны не завоняет, – заметил я.

Никита ничего не сказал. Паша вздохнул и нагнулся, обхватывая тело и пытаясь его спустить на пол:

– Шутить можно хоть весь день, но тушу убрать надо, – Никита помог Паше, подхватывая с другой стороны – вместе они плавно опустили тело. – Давайте вместе: за руки, за ноги. Ну!

Мы все вместе взялись и кое-как потянули труп к лестнице. Казалось, что он весил под тонну. По полу протягивался след из тёмной крови. Когда начали подниматься, он слегка стукался затылком на каждой ступеньке. Только и было слышны наши вздохи и *тук-тук-тук*.

Мы вынесли труп через задний вход, который был справа от главной лестницы, и положили его на траву. За телом пожилой женщины пошли уже только мы с Пашей, а Сергей и Никита пошли за другими.

Примерно через двадцать минут дело было сделано – тела лежали кучей друг на друге. Повсюду лежали опавшие листья – Паша и Сергей быстро принесли с десятков кирпичей, чтобы оградить всё это дело и подложили деревяшки под тела. Никита в это время сходил за бензином, принеся с собой небольшую канистру и пару лопат.

– Сколько у нас ещё? – спросил Паша, когда Никита раскрывал канистру.

– Ещё две.

– Мало... – уже тише протянул Паша.

Сергей подошёл и слегка толкнул его в плечо:

– Да не парься. Что-нибудь придумаем! – он повернул голову. – Никита, съездишь со мной завтра в Грим?

– Можно, – ответил Никита.

– Вот видишь, – продолжил Сергей. – Завтра съездим, нароем что-нибудь. А вы тут пока что обустроитесь. Классно же начинается.

Паша улыбнулся:

– Да пошёл ты! Просто не хочешь нормально работать. Скидываешь, как обычно, всю работу, а сам сваливаешь.

У нас не было лидера, как такового. Никто никогда не поднимал этот вопрос. Обычно либо Паша, либо Сергей говорили, что, кому и как делать. Иногда это делал я, Никита или Катрин, но это было не то. Им было легче. Они просто... знали что нужно делать, и хотели. В любой ситуации. Как-то раз спросил у Паши, как ему это удаётся – почему не боится – он ответил: «Просто кто-то же должен это делать. Мне и самому страшно до чёртиков бывает, но людям всегда нужен тот, кто возьмёт ответственность, чтобы действовать самим увереннее».

Никита разлил бензин, черкнул спичкой и сказал:

– Покойтесь с миром, – и бросил спичку.

Пламя резко вспыхнуло – хорошо, что мы заранее отошли чуть подальше, чтобы не задело. По Никите не скажешь, но он был истинно верующим. Не тем, кто спорит до потери

пульса, пытаюсь убедить оппонента, что Бог есть, а тем, кто осознанно выбрал веру и хранит её в своей душе, как опору – не как неоспоримую истину для всех вокруг. Часто вижу, как он молится по вечерам – чаще всего за упокой души своей сестры. В этом я его отлично понимал... Сейчас он тоже молился.

Тела горели долго. Около получаса. Воздух наполнился кислой вонью палёного гнилого мяса.

Мы уже как-то говорили с Пашей на тему того, почему нельзя просто закопать тела – так ведь было бы правильнее и человечнее. Он сказал, что вирус в теле живёт ещё некоторое время и поэтому нельзя закапывать останки, не сжигая – земля будет заражена. Там, где было всё равно – мы оставляли. Здесь же мы собирались жить.

В это время Паша пошёл к остальным, чтобы заняться вселением, а мы втроём выкопали небольшую общую могилку. После того, как останки остыли, мы отнесли, что осталось, туда и закопали. Никита ещё раз перекрестился и беззвучно прошептал молитву.

– Можно с вами завтра? – спросил я, когда мы шли обратно.

– Я-то не против, – ответил Сергей.

– Как хочешь, – вставил Никита.

– Тем более, – продолжил Сергей. – Но нужно спросить у Паши – вдруг ты ему тут будешь нужен.

Когда мы вошли в дом, люди потихоньку рассеивались по-

всюду: кто-то тащил чемодан с вещами, кто-то выносил из одной комнаты комод, чтобы втянуть его к себе, кто-то сидел на стуле, кто-то оттирал тёмные следы на полу. Было такое ощущение, будто я попал совершенно в другой дом: всего час назад тут не было людей, дом казался пустым, мрачным, мёртвым – сейчас же сюда вернулась жизнь. Конечно, он всё ещё был мрачным, но уже было намного уютнее.

– Кость, помоги-ка, – позвала Женя. Она тянула сумку на верхний этаж. – Я тебе там комнату заняла. Напротив нас будешь жить. Небольшая, конечно, но окна выходят на передний двор. Потом сделаем сад – будешь любоваться.

Из одной из верхних комнат вышел Паша, держа в руках стопку тёплых одеял.

– Всем хватит? – спросила Женя, когда он проходил мимо к лестнице.

– Думаю да, – быстро ответил Паша. – Костя, спустись, как сможешь. Мне тоже руки нужны.

Комната Жени и Паши оказалась довольно просторной – у стены стояла двуспальная кровать. Точнее, только каркас и старый матрас на нём, но это, по современным меркам, уже было довольно много. Справа от двери был широкий шкаф.

– Неплохо вы тут устроитесь, – подметил я.

– Да, – улыбнулась Женя. – Место неплохое. Конечно, над ним ещё работать и работать, как и над всем домом, но не волнуйся – скоро всё здесь будет замечательно. Я уже вижу сколько всего можно сделать.

– Из тебя вышел бы неплохой дизайнер. Или строитель.

– Зато из меня вышел хороший человек, – улыбнулась Женья. – И из тебя тоже. Спасибо, что помог. Тебя Паша ждёт внизу.

– Да, точно, – я развернулся к выходу. – Всегда пожалуйста, – и вышел.

Паша стоял внизу, у самых дверей. Он молча протянул мне пистолет и пустую пластиковую канистру, а затем вышел на улицу – я пошёл следом.

Заметил, что машины уже были отогнаны ближе ко входу.

– Куда мы? – решил первым нарушить тишину.

– Сергей сказал, здесь рядом речка есть. Людям нужна вода.

– Это понятно, а дрова? Разве у нас были?

Паша на секунду повернул голову – я заметил его улыбку.

– Хватит тут дров. На пару недель – так точно.

– Ну, ладно, – я успокоился, а потом вспомнил не менее важный вопрос: – А что у нас с едой? На сколько недель хватит?

Паша ответил не сразу. Он подождал несколько секунд, а затем сказал потускневшим голосом:

– Не «недель», Костя.

– В смысле?

– Не «недель», а «дней». Если совсем затянуть – неделя. Остался ящик тушёнки, пару банок с «салатами» и ещё остатки той лисы. Больше ничего нет. Я думал, что здесь что-

нибудь найдём, но дом совсем пустой.

Остановился и пару секунд не решался идти. Такое ощущение, будто вся опора резко ушла. Паша тоже остановился, но не поворачивался.

– Как так?.. Совсем недавно ведь мы целый склад вскрыли...

– А вот так, Костя. Людям кушать хочется – будто сам не знаешь. Да и всё с собой не взять...

Мы пошли дальше. Земля была устлана покрывалом из потемневших листьев, но кое-где встречались и светлые пятна. Лес был негустой, но росло много кустарников. Хотя, какой лес бывает густым осенью?..

– Кто ещё знает об этом?

– Пока никто. Ну, кроме Сергея, тебя и меня. Ты ведь понимаешь – говорить всем не вариант. Это ничего не улучшит. Только нагонит мрачности. А после того, как Олега на прошлой неделе разорвало стадо – настроение хуже некуда. Только-только начали оправляться...

Земля пошла на спуск. Уже можно было услышать, как внизу журчала вода.

– Я... понимаю. Что?.. Что делать?.. Надо... не знаю. Ехать в город. Срочно. Твои планы по выращиванию – это круто, но до следующего лета нам что-то нужно будет есть. Да и потом тоже. Деревья и кусты так сразу не вырастут ведь. На охоте сейчас много не поймаешь...

– Поэтому Сергей с Никитой и поедут завтра. Ты не по-

едешь. Они вдвоём справятся, да и места будет больше. А мы с тобой завтра домом займёмся. Там, я заметил, на втором этаже крыша подтекает. Поможешь?

Паша уже всё решил, поэтому обсуждать это дальше не имело смысла.

Мы спустились к воде. Устье оказалось небольшим – всего около десятка метров. Но глубина, казалось, приличная.

– Осторожнее только, – сказал Паша. – Мало ли в воде охотник.

– Знаю-знаю...

Аккуратно набрал воды, постоянно вглядываясь в тёмную водную массу – впрочем, начинало темнеть уже и на улице. Вода оказалась не такой холодной, как я ожидал почувствовать.

После этого мы вернулись, не разговаривая. Речка была всего в 5-6 минутах от фермы. Мы принесли канистры, взяли другие, и пошли в новый заход. Потом ещё в один, и ещё. Пока воды не стало достаточно. Для такого количества воды необходима была огромная бочка. К счастью, такая нашлась в сарае. Там же была огромная гора поленьев. Часть сгнила, но другая всё ещё неплохо сохранилась.

Когда мы начали кипятить, сумерки уже спустились. Остались лишь тени, что отбрасывали мы от света костра. Мы решили делать это в сарае, чтобы можно было оставить бочку тут же. Я убрал мелкий мусор, сбегал за кирпичами и обложил ими место огня.

– Нужно организовать дозор за главными воротами, – сказал Паша. Несколько людей бродило по полю – я только и видел свет их фонариков.

– Не помешает, да, но нам сначала нужно разобраться с отоплением и едой. Да ты и сам знаешь.

– Мне ли не знать... – тихо, почти прошептав, сказал Паша.

Вода грелась очень долго. Через час только начали появляться пузырьки.

– Можешь идти. Я дальше сам могу, – сказал мне Паша. Я посмотрел на часы: «21:16». По всему телу чувствовалась смертельная усталость.

– Да... тогда пойду, – с облегчением ответил я.

– Да, конечно. Спокойной ночи.

– Спокойной, – ответил на автомате и вышел из сарая.

Сразу же ударило по глазам то, что ничего не было видно. На поле уже никого не было. Только чуть в стороне, сквозь окна и щели в проёмах, были видны маленькие огоньки – от свечей. У нас их было полно – несколько ящиков. Их много попадалось – выжившие люди почему-то совсем забыли про то, чем пользовались наши недалёкие предки веками.

Тихо вошёл в дом – на стуле возле входа, сидя в кресле-качалке, спала Катя (бывший биолог с научной базы). Она держала в руках книгу «Убить пересмешника», а рядом догорала свеча, медленно двигаясь к своему основанию.

Хорошая книга – мне и самому она очень понравилась,

когда читал её незадолго до того, как всё это началось...

Ещё несколько секунд постоял, наблюдая за тем, как девушка безмятежно спала – это зрелище как будто относилось не к этому миру, а к другому, прошлому. Мне нравилось видеть проявления прошлого в этом аду – из двух зол, так сказать.

После этого пошёл наверх – в свою комнату. Каждый шаг отдавался тяжестью по всему телу. Каждая ступень, казалась, была выше предыдущей. Но, через несколько секунд, подъём был завершён.

«Всё ещё веришь, что вы здесь останетесь надолго? Вы ведь просто бежите от неизбежного...»

– Не начинай лучше. Я устал.

Голос больше не сказал ничего. Прошёл в свою комнату. За то время, пока шёл в полутьме дома, глаза привыкли к ней, и сейчас ориентироваться в комнате было совсем несложно. Кровать уже была аккуратно заправлена, а на краю лежало сложенное тёплое одеяло – явно Женя постаралась.

Комната была небольшой, но мне многого и не нужно было.

Проверил каждый угол комнаты и шкаф. Затем снял с себя куртку, штаны, ботинки – положил это на стул рядом. После этого лёг в кровать, забираясь под холодное неприветливое одеяло. Через несколько минут оно начало уже греть меня, входя в резонанс с телом, которое уносило в тёплый

Утром проснулся рано. Снова снились кошмары. Вновь и вновь переживал тот момент, когда убивал Павлова. Один раз мне даже показалось, что можно его спасти, а потом кто-то нажимал за меня на курок.

Всё тело взмокло. Влажное одеяло было холодным. Откинул его на пол и натянул покрывало – теплее не стало.

В окно уже бил утренний свет. На часах было: «11:02». Нужно было вставать. Оглядел комнату: напротив кровати, в нескольких шагах, стоял шкаф из тёмного дерева. Верхних створок у него уже не было. Нижние тоже были под наклоном – нужно было ремонтировать. Весь пол был в тёмных грязевых следах. Слева от входа стоял старенький, но всё ещё крепкий стул.

Вылез из-под одеяла, встал. Затем быстро натянул джинсы. Кофта и так была на мне. После этого надел и застегнул куртку, обул ботинки. Неожиданно в дверь постучали.

– Можно? – спросил голос за дверью. Это был Паша.

– Конечно.

Паша вошёл в комнату, закрыл за собой дверь. Теперь почти всё пространство комнаты было занято.

– Уже встал... Давно? – Паша присел на стул. Плюхнулся на не застеленную кровать. Он указал на это: – Так это и

оставишь?

– Какая разница...

– Твоё право. Какие планы на день?

– Не умереть, – мрачно усмехнулся я, глядя в окно – там всё ещё не было солнца, но так и тянуло посмотреть.

«Смотрю, ты шутник от Бога», – прокомментировал Голос. Я проигнорировал.

– Не умрёшь. Никто больше не умрёт, – тихо сказал Паша, а затем добавил: – Это место неплохое – как думаешь? Будешь сегодня моим помощником. Будем приводить его в порядок.

Несколько секунд молчал и только потом ответил:

– Думаю, это то, что нам сейчас нужно. Все устали от этой бесконечной беготни и постоянного страха. Хочется остановиться – а где ж тут остановишься...

– Я тоже так думаю. Все мы устали. Утром прошёлся тут, осмотрел внимательно – всё чисто. Немного подремонтировать крышу, забор – и будет конфетка.

– Один ходил? Или с Сергеем, Никитой?

– Они ещё до рассвета уехали в Грим. Вчера ведь обсуждали.

– Понятно...

– В общем, как я и сказал уже: будешь сегодня моим помощником. В общем, план такой: нужно крышу закрыть – я в сарае шифер нашёл; забор укрепить. Женя с девчонками пока тут придумает что-нибудь с едой. Если есть свои дела

– я пойму...

– Паша, какие у меня могут быть дела? – усмехнулся я. – Конечно помогу. Тем более, что мы ещё вчера договорились.

– Вот и отлично! Тогда спускайся вниз – мы там что-то вроде кухни организовали, – Паша встал и взялся за ручку двери.

– Так быстро? – удивился я.

– Там пока только несколько стульев и стол, но в планах сделать это место намного поуютнее.

– Ты слишком оптимистичный, – сказал я.

– Кто-то же должен двигать нас вперёд. Ты и сюда-то ехать не очень хотел, но вот – мы здесь. Живы и здоровы. Вот увидишь, скоро это место будет другим. Не райский сад, конечно, но что-то типа.

– Если оно будет, – вставил я.

– Обязательно будет. И все мы здесь будем, – сказал Паша и вышел из комнаты.

Подошёл к окну и выглянул наружу: жёлтая листва понемногу покидала могучие кроны деревьев неподалёку; по небу вдаль – в неизвестность горизонта – летел косяк птиц. Отошёл от окна и вышел из комнаты.

В доме уже всюду бушевала жизнь. Так всегда происходит на новом месте: люди обживаются, а потом в спешке убегают, оставляя почти всё, с такой тяжестью, добытое. Сейчас мне хотелось верить, что в этот раз будет иначе.

«Костя, хватит. Неужели ты ещё не понял, что это невоз-

можно? Вы всегда будете бежать, пока можете бежать. И будете бороться, пока можете. Невозможно просто взять и выпасть из системы. Восставшие вас, рано или поздно, найдут. А если не они, так люди. И мы оба знаем, что страшнее. Лучше ставить на восставших – от них хоть знаешь, чего ожидать», – я не стал отвечать.

Сначала мы пошли с Пашей в сарай возле дома, взяли оттуда доски и необходимые инструменты. После этого прошли вдоль забора и закрыли несколько больших дырок под металлическими листами забора. В одном месте столб был повален – пришлось ставить заново. Стало более безопасно. Даже выглядело приятнее – хотя, может, мне просто так казалось. На это ушли почти два часа. Нужно было ещё заняться крышей, пока ещё светло. Тучи потихоньку расползались, и иногда появлялось солнце.

Выход на крышу оказался изнутри дома, на втором этаже, в другой стороне от моей комнаты. Мы принесли шифер, молоток, специальные гвозди с резиновой шляпкой – впервые видел такие длинные гвозди.

Наверху было страшновато – до этого никогда не был на таких крышах, тем более ещё и без страховки... Здесь ощущался ветер. Он немного сносил тело с крыши, но Паша крепко держал меня за руку, не давая свалиться вниз. Я помогал ему фиксировать листы, пока он вбивал гвозди.

Когда он проверил и убедился, что всё неплохо сидит, мы спустились вниз. Не сразу понял, что забыл забрать молоток

– поэтому пришлось ещё раз подняться и пройтись по крыше, но уже одному. К счастью, ничего не случилось.

Часы показывали «16:22».

– Сколько там? – спросил Паша, заметив, что смотрю на часы.

– Пол пятого.

– Уф, – вздохнул он, – ну и быстро же время летит, да?

– Ага.

Паша резко остановился перед лестницей вниз:

– Как думаешь, нормально мы поработали? – он облокотился на перила.

Встал рядом.

– Думаю, да, а что?

– Да есть у меня тут одна мыслишка насчёт отдыха, – улыбнулся Паша. – Нашёл неделю назад одну штуку, и вот не знаю, можно это использовать или нет – срок годности истёк год назад... или около того.

– А что ты нашёл?

– Пойдём, – Паша быстро пошёл вниз. Буквально побегал. Я попытался не отставать.

Мы забежали на кухню. Женя и ещё одна девушка – Аня – стояли у плиты. Они уже приспособили газовый болон. Паша начал быстро открывать шкафчики.

– Что ты там ищешь? – спросила Женя, подходя. – Ты мне сейчас всё здесь перемешаешь!

– У тебя здесь почти ничего нет! Что за наезды! – возму-

тился Паша.

– Тем более, – ответила Женя. – Так что тебе надо?

– Помнишь, я неделю назад принёс пачку молока?

– Молока? – переспросила Женя. Аня тоже удивлённо обернулась. – Любимый, ты там на крыше головкой случайно не ударился? Я молока не видела уже года два – как только поступила в уник и уехала из своего родного города.

– Забыла? – Паша продолжал искать. – Я так и знал, что забудешь... Вечно ты. Ладно, я сам... Где-то тут...

Через секунду после того, как Паша глубоко зарылся в нижнюю тумбочку, он вынырнул с металлической банкой.

– Вот!

– А-а, ты про это молоко! – воскликнула Женя. Она взяла Пашу за руку, где была банка. – Ты его ещё не выкинул? Оно же стухло давно! Выбрось! Не хватало нам апокалипсиса снаружи – так ты и внутри дома сделать хочешь? Не нужно никого травить этой гадостью!

Аня всё это время молча что-то готовила.

– Никого я травить не собирался! Отпусти меня, женщина! – Паша кое-как вырвался. – Вдруг оно не испортилось? Мы же едим просроченные консервы – и ничего, живы. Я давно уже молока не пил. Ты бы вместо жалоб, лучше нам воды нагрела.

– «Нам»? – переспросила Женя. – Ты нашёл ещё одного члена в свой садомазо клуб?

– Ой, шути-шути, а мы с Костей будем наслаждаться, ко-

гда тёплое молочко потечёт по горлу – так и знай! – выпалил Паша.

– Костя? Не смей мне ребёнка обижать! Если хочешь – сам травись, а его не трогай!

– Ой, да его никто не заставляет, – Паша обернулся ко мне: – Костя, ты ведь хочешь молока?

Женя пристально уставилась на меня. И Аня.

– Не знаю... Да, наверное? – вяло и неуверенно ответил я, никак не ожидая от брата такой подставы – перекидывать на меня стрелки.

– Вот видишь! – ликующе сказал Паша. – Дай нам воды, и мы пойдём.

– Да ты его запугал! – Женя подошла ко мне и обняла: – Где он тебя трогал? Как угрожал? Не бойся. Вместе мы дадим ему отпор.

– Отпусти моего брата и завари, пожалуйста, две кружки этого молока, – сказал, улыбаясь, Паша. Он оставил банку на столе.

– Мы ещё не закончили! – сказала Женя, отпустила меня и поставила чайник. Мы с Пашей прошли в соседнюю комнату. – Прибежите ко мне потом за углём, а я отвечу, что он кончился!

– Вечно она так, – прокомментировал Паша.

– Зато тебе с ней не скучно, так ведь? – спросил я.

– Это верно, – согласился Паша. – Не знаю, что было бы, не будь её рядом.

Через несколько минут Женя принесла две кружки с чем-то смутно белым внутри.

– Вот ваша отрава, господа – как и заказывали, – сказала Женя, поставив их на стол и скрылась за стеной.

– Спасибо, – быстро сказал я.

Паша взял свою кружку и вышел из кухни – я сделал то же и прошёл за ним. Мы вышли на улицу. Солнце медленно тянулось к горизонту посреди прорези из нескольких серых маленьких облаков, будто по шву. Паша сел на крыльце, перед входом – я сел рядом.

Солнце приятно грело. Чувствовалось даже через куртку.

– Ну, что, последние солнечные деньки идут, да? – сказал Паша как бы между делом. – Надо запомнить. Потом долго не будет...

– Ага...

Повисла неловкая пауза. Паша отпил немного из кружки.

– Ну, как? – спросил я. Паша немного скривил лицо.

– Знаешь, когда-то это действительно было молоко – отдалённо напоминает. Но, – Паша сделал ещё глоток, – пить, вроде, можно.

– Может не стоит? Давай лучше выльем... – предложил я.

– Нет, – настоял Паша. – Раз начали – давай допьём. Не такое оно и противное, чтобы продукт переводить. Ты даже не попробовал.

Я осторожно сделал маленький глоток, а затем подавил небольшой рвотный позыв. В горле был едкий горький при-

вкус, но и сладкий привкус молока тоже чувствовался – странное ощущение, в общем.

Затем отпил ещё. И ещё...

– Есть что-то в этом, да? – произнёс Паша. – А я что говорил? Эх, Ко-остя, тебе ещё столько всего нужно узнать... – после этих слов он смолк. Я тоже ничего не говорил.

Мы смотрели на закат, а ветер слегка обдувал тело.

Через минуту Паша заговорил:

– Я много думаю... о маме, бабушке, отце... Особенно об отце... после того... когда дядя Слава рассказал о нём... Ты помнишь, каким он был?

Попытался собрать разбросанные по памяти образы:

– Папа был хорошим. Мне... всегда казалось, что он – супергерой. И что всё на свете знает, о чём бы я ни спросил.

Паша усмехнулся:

– Да, он таким и был. Я тоже так всегда думаю. Он всегда выполнял обещания. Знаешь, как-то в четыре года я пожелал себе братика – теперь ты сидишь рядом со мной. Его нет, а исполненное желание, как память – есть...

– Паша, как думаешь, папа знал, к чему всё придёт? Мог ли он хотя бы рассчитывать, что всё будет так?

– Костя, ты всё сам слышал: никто ничего не ожидал, и что на самом деле папа не хотел даже продолжать эксперименты. Знаешь, я даже начать думать: может его совсем не случайные люди убили?..

– А кто тогда? – я взглянул пристально в Пашино лицо. Я

никогда не думал о том, что всё может быть так.

– Те, кому было выгодно его молчание, – мрачно ответил Паша и отхлебнул из кружки.

– Но ведь, он был одним из главных в проекте! Они же не могли... В смысле, это же по ним самим ударило бы.

– Костя, ты удивишься, что делали люди из правящих верхушек на протяжении всей истории. Особенно новейшей. Иногда молчание гораздо важнее, чем знание или выгода. Для некоторых людей. Лучше не думай об этом – мы всё равно уже не узнаем правду. Нам сейчас лучше приложить все силы к тому, чтобы привести это место в порядок и подготовиться к зиме. Это главное.

Я умолк. Мы оба молчали.

– Паша, как думаешь, папа бы нами гордился?

– Естественно! Разве может быть иначе? Мы же его сыновья! – Паша слегка толкнул меня в плечо.

– Хорошо, – сказал я с улыбкой. – Хорошо...

Слёзы готовы были прорваться, но я почти сдержал их – лишь несколько упустил, но быстро вытер. Это были первые слёзы за последние месяцы. Всё это время боль копилась внутри, ожидая момента, когда можно будет её выпустить. Но этот момент ещё не наступил.

Мы допили молоко в молчании, а спустя минуту услышали недолгий громкий гудок за воротами. Паша сразу же подскочил и пошёл к воротам.

– Кто это? – спросил я.

– Сергей и Никита, наверное. Иди в дом – мало ли кто там.

– Я с тобой... – я бросился за Пашей, но он жестом оставил меня.

– Не нужно. Иди в дом, – я не стал спорить.

Подобрал кружки и зашёл обратно в дом, встал возле двери и смотрел в окно. Подошла Катрин:

– Что случилось?

– Не знаю. Кто-то приехал.

Катрин устроилась рядом. Я не мог разглядеть, что же там было у забора. Но, кажется, машина проехала вперёд.

– Может за оружием сходить? – спросила Кэт.

– Погоди. Давай сначала посмотрим кто там.

– Ладно.

Она стояла так близко и даже слегка прижималась ко мне своим стройным миниатюрным телом. Ощущал на шее тепло её дыхания.

– Из машины кто-то вышел, – сказала Катрин.

– Вижу. Двое. Сергей и Никита, – передние двери были открытыми. Никита пошёл к багажнику, а Сергей к задним дверям. – Погоди, там ещё кто-то. Женщина, с ребёнком. Девочка.

– Что? Отойди... – Катрин отодвинула меня в сторону. – Да, реально.

Паша закрыл ворота и шёл к машине. Мы с Катрин вышли из дома. Остальные тоже понемногу подтягивались. Заметил на кузове машине новые тёмные пятна. Сергей акку-

ратно держал женщину под руку.

– Серый, кто это? – спросил Паша.

– Паша, помоги Никите – там сумки тяжёлые, – Сергей повернулся ко мне: – Костя, ты тоже давай.

Паша подошёл к Сергею и взял его под руку, стараясь отвести в сторону. Я пошёл к Никите.

– Ты мои вопросы не игнорь. Зачем ты их привёз? Кто это?

Сергей вырвал руку.

– Люди, Паша. Люди. А почему привёз? Потому что они живые! И здоровые! Я знаю, что ты сейчас будешь говорить – давай не будем. Не бросать же их там надо было.

Ещё никогда не видел Пашу в таком состоянии.

– А ты подумал о нас? Сергей, я только рад новым людям, но у нас и для себя-то еды нет – как их теперь кормить?

– Насчёт этого не волнуйся: мы привезли несколько сумок. Хороший склад попался. Только восставших много рядом – лучше туда в ближайшее время не соваться. Можно ещё будет ловушки расставить, на зайцев или птиц – как-нибудь справимся.

После этих слов Сергей снова подхватил женщину и повернулся девочке – на вид ей было около пяти:

– Пойдём, – улыбнулся он. Вместе они вошли в дом, проходя среди небольшой толпы вывалившихся людей.

– Блин, – вздохнул Паша и подошёл к нам. Он взял две большие сумки, я взял третью, а Никита – небольшой бочо-

нок. – Всё-таки нашёл?

– Это корпус только. Там ещё куча работы. С этим сразу не починишь, но место было – я захватил. Вдруг пригодится.

Мы вошли в дом. Сгрузили всё на кухне и в подвале. Стало темнеть.

Тихо пошёл в свою комнату, пока Паша с Женей и остальными разбирали сумки. И остановился на лестнице – маленькая светловолосая девочка стояла у перил наверху.

– Привет, – сказала она тихим тонким голоском. Она протянула маленькую ручку: – Меня зовут Кристина, а тебя как?

При этих словах мне на секунду стало больно, но затем я взял себя в руки и слегка пожал руку:

– Меня... Костя.

– Будем дружить, – она улыбнулась. – Мама мне сказала далеко не уходить. Вот я её и жду. А тебе мама разрешает уходить?

Присел на лесенку рядом с ней.

– Мама?.. Нет... уже нет. А вот раньше ещё как не разрешала – волновалась постоянно.

– А почему сейчас нет? Она умерла? – я удивился тому, как просто девочка сказала о смерти, будто это было совершенно естественно. С другой стороны – так оно и было, в сущности.

– Да...

– Давно?

– Давно, – согласился я.

– А как давно? – в эту секунду из комнаты напротив вышла женщина и направилась к нам.

– Кристина, сколько мне нужно повторять, чтобы ты не выходила, пока я не разрешу? – высокая рыжая женщина только сейчас заметила меня: – Ой, извините, моя дочка вам не надоела? Она вечно пристаёт ко всем с вопросами. Очень уж она любознательная.

– Нет. Ни сколько.

– Как вас зовут?

– Костя.

– А меня – Алеся, приятно познакомиться.

– Приятно, – согласился я.

Алеся взяла дочку за руку и повернулась.

– Ну, мы пойдём – надо эту проказницу уложить. Вы даже не представляете, какой сегодня был безумный день.

– Спокойной вам ночи, – ответил я и встал, чтобы пойти к себе в комнату.

– До встречи, Костя! – пискнула Кристина и улыбнулась – посередине в верхнем ряде не хватало зуба, но это даже выглядело мило.

– До встречи! – я улыбнулся в ответ и помахал рукой. После этого пошёл в свою комнату. Не раздеваясь, я сразу плюхнулся в кровать.

Через несколько минут дверь в комнату открылась – это оказалась Женя:

– Спускайся вниз, поужинай, – сказала она мягко.

– Не, я не буду, спасибо, – выдохнул я, переворачиваясь на другой бок и закутываясь в плед – одеяло так и осталось где-то на полу. – Не хочется как-то.

– Ты не заболел? Как себя чувствуешь? – она прошла в комнату.

– Нормально. Просто устал. Я потом поем.

– Потом не будет. Только утром. Ты бы хоть ботинки снял...

– Тогда утром, – Женя потрогала мой лоб и вышла, оставляя наедине с тишиной и полусумраком – вечными спутниками современной реальности.

Теперь я мог выплеснуть всю ту грусть и боль, которая скопилась за последнее время.

* * *

Утром я проснулся от пронзительного детского смеха. Было такое ощущение, будто заново ожил.

«Вставай. Новый день зовёт», – сказал Голос.

– Да, знаю... – простонал я и всё-таки полежал ещё. Но через какое-то время встал и оделся.

Внизу по коридорам бегала Кристина, а за ней – Алеся. Они играли в догонялки.

– Доброе утро, – протянул я.

– Доброе, – улыбнулась Алеся.

Прошёл на кухню – Женя с Аней расставляли консервы.

– Привет, есть что на завтрак? – сказал я.

– Да, сейчас...

Мне дали немного тушёнки и консервированных перцев.

Не хотелось ни с кем разговаривать – просто хотел походить.

Поблагодарил их за еду и вышел из кухни, а затем на улицу.

Паша сидел на веранде.

– Доброе, – протянул я, садясь рядом.

– Доброе. Как спалось?

– Как всегда.

– Не очень?

– Не очень.

– Мне тоже. Я снова почти всю ночь думал.

– О чём?

– Да о том, что поступил как придурок. Вчера накинулся на Сергея, потому что мне стало страшно за этих новых людей. А потом сел, подумал: «Паша, ты чего? Это же люди! Живые люди!» – после этого стало стыдно, но Сергей потом, как обычно, отшутился и сказал, что всё нормально. Думал ещё, что стоит делать, куда двигаться... Ладно, не буду грузить, перейду к делу: что думаешь, если снова начать собирать людей? Я прикинул: места тут много, еду потом начнём выращивать. Построим весной с тобой радиостанцию, как обустроимся, может ещё какой-нибудь сарай... Что скажешь?

– Не знаю, Паша. Это хорошо, конечно, но вдруг фанатики нас снова найдут?

– Мы шерстили радио много недель – пусто. И никаких следов в городах, – у Паши снова заблестели глаза. – Не будут же они включать пустое радио годами...

– Не знаю... страшно это.

– Подумай сам: разве у нас есть выбор? Мы, возможно, последнее поселение людей – обязаны выжить. А без большой группы это невозможно сделать. Мы вдесятером тут просто стухнем...

– Тут ты прав.

– Тогда ты со мной?

– А что остальные думают?

Паша ответил лишь через несколько секунд:

– Я с ними ещё не говорил... Решил с тобой сначала обсудить.

«Не надо, Костя. Не совершай прошлых ошибок».

– Ты сам сказал: у нас нет выбора. Конечно, я с тобой, но для начала мы должны обезопасить это место. Чтобы, если что, можно было его хорошо защитить.

Паша прямо-таки светился от радости и просто кивнул мне, а затем растянул руки для объятия – я вопросительно посмотрел на него, но ответил на них, спустя секунду.

– Спасибо, братишка, – сказал он, крепко прижимая меня к себе. Мне всегда казалось это чем-то странным, но сейчас я понял, что объятия – важная для человека вещь. Она помогает явно почувствовать и закрепить близость. После этого Паша встал и пошёл к дому: – Ну, я тогда поговорю с осталь-

ными. Нужно ещё сегодня домом заняться.

– Конечно, – я улыбнулся, но остался сидеть. Паша скрылся за дверями, оставляя меня в одиночестве.

Я прислонил голову к деревянной перилле и вздохнул – столько всего ещё предстояло сделать...

День 721-734

— Костя... Костя... иди к нам... – где-то далеко впереди слышал тихие стоны голосов. Они все говорили в унисон друг другу.

Я брёл среди гор мусора, по колено в грязи. Было холодно. Не понимал, почему здесь и что двигает мной, чтобы идти вперёд. Просто шёл, потому что иного выбора не было. Можно было остановиться и стоять в грязи, но это не имело смысла.

– Костя... – послышался детский смех сбоку.

– Кто здесь? Кто вы?! – крикнул я в который раз, но это было бесполезно.

– Костя... – ухо щекотал нежный женский шёпот. – Мы здесь...

Идти было тяжело. Ноги то и дело вязли в трясины. По сторонам заметил сложенные кучи разбитых машин, кроватей, шкафов, холодильников – разного мусора.

Попробовал идти ещё быстрее, но не вышло – лишь только скользнула нога, и я упал всем телом в эту странную жидкость. Она оказалась немного слизкой, но тёплой, даже расслабляющей. Она давала чувство безопасности, спокойствия – как будто мой трудный путь, наконец, закончился.

– Вставай, – кто-то вытянул меня за плечо из этого омута. Резко и жадно втянул воздух – его очень не хватало. – Ты

ещё не закончил.

Кое-как протёр глаза и обернулся – по голосу это была девушка, но мог увидеть лишь её невысокий силуэт.

– Кто ты? – спросил я.

– Не важно. Этот ответ не имеет значения. Важно то...

– Нет, мне хочется знать! – перебил её я – голос был очень знакомым.

– Что изменится от твоего знания? Ничего. Разве имена – не просто ярлыки?

– Да, – этими словами я оказался немного сбит столку. – Но, всё равно, я хочу знать.

– Ладно, – ответила девушка и подошла ближе. Увидел её чёткие линии лица и живые, настойчивые глаза. Лицо было очень знакомым. – Доволен?

– Я... я тебя знаю... только не могу вспомнить... – тихо проговорил я, а затем в память врезались воспоминания. Это была Катрин. Я вспомнил. – Но что... Как ты здесь оказалась?

– Это не важно, – девушка подала мне руку, и я поднялся. – Нам нужно идти.

Катрин прошла мимо меня вперёд – в противоположную сторону от голосов, которые слышал до этого.

– Куда? – я пошёл следом.

– Ты ещё не закончил все дела, которые нужно сделать, – быстро проговорила Катрин. Не понимал, о чём она говорит: одни загадки.

– О чём ты? – дернул её за плечо и развернул. – Скажи мне! Я никуда не пойду!

Катрин тяжело вздохнула. Её маленькие плечи с тяжестью опустились.

– Костя, я бы очень хотела, чтобы ты этого не делал, – начала она.

– Что не делал? О чём ты?

– ... но я не могу иначе... – Катрин говорила как заведённая, полностью игнорируя мои слова.

– О. Чём. Ты.

Катрин вздрогнула, а затем по её щекам протянулись две полоски слёз.

– Мне тоже тяжело, как ты не поймёшь? Они все уходят! Все! – она показала в сторону, откуда звучали голоса. – Все там! А мы – здесь! И их всё больше, а нас всё меньше... И груз становится тяжелее...

Её голос надламывался под тяжестью всхлипов. Обнял её, и она с силой прижалась, разрываясь более сильным приступом плача.

– Пожалуйста, не бросай нас. Мы не сможем.

– Я не собираюсь вас бросать, – тихо сказал я.

– Точно? – она посмотрела на меня с надеждой.

– Точно, – ответил я с улыбкой.

– Я рада, – улыбнулась Катрин. Её щёки были влажными от слёз.

Через минуту она отпрянула и вытерла слёзы.

– Идём, – тихо сказала она, взяв меня за руку.

– Но ты так и не сказала «куда»! – запротестовал я.

– Как «куда»? – удивлённо спросила Катрин. – Вперёд, конечно же!

* * *

Проснулся и медленно перевернулся к окну, со вздохом посмотрел вдаль: солнце уже встало, небо было светло-серым. Посмотрел на часы: «9:21». Ещё один день...

«Долго ещё будешь лежать?» – спросил меня Голос спутя несколько минут. Я отвернулся от окна и прислушался к звукам в доме: Кристина с Алесей играли внизу, кто-то ляпал по металлу ложкой – видимо, готовил – кто-то стучал молотком. Получалось, что только я и лежал.

«Давай иди».

Послушно поднялся, встал – тело обдало холодным воздухом. Попытался утеплить комнату пару дней назад, но всё равно ещё продувало. Медленно, но верно холодало. Перелётные птицы уже успели оставить нас здесь на голодное выживание. Хорошо хоть другие животные не могут улететь. Если хоть раз в месяц оленя убить – это уже экономия ресурсов. А весной-летом можно будет что-нибудь посадить – места для огородов хватало.

Одежда была холодной и казалась чужой, но я надел тёмный засаленный балахон, утеплённые джинсы и крепкую

чёрную кожаную куртку. После этого кое-как застелил кровать – Женя ругалась, если я не делал этого – и вышел из комнаты. Нужно было позавтракать и идти «на стену» – сегодня моё дежурство.

– Доброе утро, – поприветствовал, бегущую ко мне Кристину. За эти несколько дней она очень ко мне привязалась и часто приходила, прося, чтобы что-нибудь ей рассказал – в эти моменты приходилось напрягать память, чтобы выудить оттуда что-нибудь интересное, из детства, с основным. В том мире только и делал, что сидел в интернете – особо нечего было об этом рассказывать.

Так же заодно и с Алесей поздоровался.

– Привет! – весело отозвалась Кристина. На её маленьком лице ещё можно было разглядеть небольшие веснушки у самого носа. Заметил, что у неё уже начал расти новый зуб на месте выпавшего. Слегка погладил её по голове и улыбнулся в ответ.

– Да, утречка, – сказала Алеся. – Как спалось?

– Да как обычно, – отозвался я. – А тебе как?

– Хорошо, пока Кристина в семь часов не начала меня тормозить, – усмехнулась девушка. – Говорит, «мама, вставай, вставай, ты всё проспичь!»». Пипец, конечно.

– Это да. Она очень живая, – согласился я.

– Не то слово.

Кристина посмотрела на меня снизу вверх, потянув за руку:

– Пойдём играть!

– Я бы с радостью, – улыбнулся я, – но не могу. Не сегодня.

Мне нужно дежурить.

– Дежурить? – переспросила девочка. – А как это? Можно мне с тобой?

– Боюсь, твоя мама не разрешит, – при этих словах я плавно перевёл взгляд на Алесю.

– Пока нельзя, – мягко сказала девушка. Кристина попыталась что-то возразить, но Алесю ловко переменяла тему, задав другой вопрос, и они ушли куда-то по коридору. Я свернул в противоположную сторону и пошёл к кухне.

Внутри сидело несколько человек. Они молча поглощали свою небольшую порцию еды и, увидев меня, слегка кивнули – я их так же поприветствовал, быстро пройдя мимо. За перегородкой уже вовсю трудились Женя с Аней. Они стояли спиной ко мне и поэтому не заметили, о чём-то говоря между собой.

– Командир, что у нас сегодня? – спросил я, чтобы привлечь внимание на себя. Аня резко замолчала, а Женя с улыбкой обернулась.

– О-о, Костя. Сегодня, специально для тебя, открыли пару банок гороха. Так что на завтрак у нас: заправка для супа и горох.

– Прикольная смесь. Мне «на стене» будет круто бегать в туалет туда-сюда постоянно, – подшутил я.

– Сказано же: специально для тебя, – сильнее улыбнулась

Женя, попутно достав тарелку и накладывая на неё небольшую порцию.

– Неужели у нас продуктов так мало осталось? – спросил я.

– Нет, но ты же сам знаешь: готовимся к зиме. Нужно уже сейчас экономить, чтобы пережить, а там уж можно будет начать выращивать. Так что... в следующем году прошу к нам за свежими овощами.

– Если доживём, – мрачно пошутил я.

– Доживём, – с силой произнесла Женя. – Куда мы денем-ся.

Мне очень недоставало её этого оптимизма. Какой бы ни казалась плохой ситуация, она её старалась как бы обогреть своим присутствием, помочь каждому, чтобы ему стало легче. Я даже никогда и не видел, чтобы она переживала. По-настоящему переживала. Всегда улыбчивая и добрая. Словно тёплая, но крепкая, как сталь, стена.

Взял тарелку и пошёл в зал. Там сел за стол и быстро проглотил содержимое. Его на деле оказалось ещё меньше. После этого вернулся на кухню, поблагодарил за еду, помыл посуду (несмотря на возражения Жени, всегда это делал сам) и пошёл к выходу из дома.

На улице было прохладно. Хорошо хоть куртка не пропускала ветер и он, сталкиваясь, был вынужден огибать контуры тела. Деревья уже не шелестели в такт ветру, сбросив свою листву. Солнце скромно пряталось за облаками.

«На стену» – мы называли так дежурство, где нужно было половину суток дежурить на стене у ворот на входе, и периодически проверять забор.

Подошёл к грубо сколоченной лестнице и забрался наверх.

– Привет, – сказал я Паше, который сидел на стуле, закутавшись в толстую ватную телогрейку. Он вскинул руку, смотря на часы, а затем медленно встал со вздохом и потянулся.

– Уже? – спросил он высоким тонким голосом от того, что ещё тянулся, а после этого размял немного руки. – У-ух. Быстро время пролетело!

– Не сомневаюсь, – иронично ответил я.

Подошёл к деревянному ящику, который одновременно служил и ограждением, и небольшим столиком.

Пусто. Никого. Лес проглядывался на много сотен метров вокруг – ничего и никого.

– Всё спокойно было? – спросил я.

– Да. Вообще пусто. Пару раз за ночь ходил, конечно, посмотреть забор – всё в порядке.

Конечно, хорошо, что ничего не случилось, но в глубине души было скрытое желание, чтобы что-нибудь произошло и пошатало эту рутину.

Паша снял телогрейку и передал мне. Я быстро надел её, зная, как быстро одежда остывает, а затем подошёл к стульчику и подобрал винтовку, проверил магазин: четыре патро-

на. Разряжена. На предохранителе.

– Как спалось хоть? – спросил Паша.

– Да как обычно, – ответил я и усмехнулся: – Там на завтрак горох дают – поторопись.

– Жаль, что тебя это не коснётся, – ответил с усмешкой Паша и окончательно спустился вниз. Я ещё немного проводил его взглядом.

Теперь я был один-на-один с собой и миром за стенами, охраняя всех от него. Или его от всех нас.

Поднял винтовку и посмотрел в прицел на лес вокруг: деревья с уродливыми голыми ветвями и потемневшее покрывало из опавших листьев – вот и всё разнообразие. Только дорога к ферме немного выделялась двумя более тёмными полосами на земле. Сел на стул и стал вести наблюдение.

Секунды медленно выливались в минуты, а те, в свою очередь, ещё медленнее выливались в часы. Время стало не уловимым ветром, а массой очень тягучей смолы. Иногда я вставал и начинал мерить небольшую деревянную площадку шагами. От края до края было всего пять неполных шагов. Паша хочет улучшить её до зимы: сделать небольшой настил в виде крыши, ещё одну площадку с другой стороны и переход между ними. Сейчас здесь только трое кое-как помещаются – мало ли что случится.

Через несколько часов подошла Женя. Она держала в руках несколько пустых пластиковых канистр.

– Тебя проводить? – спросил я.

– Мы оба знаем, что тебе нельзя отходить. Лучше ворота подержи – у меня руки будут заняты, – сказала девушка. Спустился и помог ей открыть ворота, а затем пропустил вперёд, вышел сам и притворил за собой металлические листы.

– Осторожнее там, – сказал я.

Женя быстрой походкой почти сразу же скрылась, спустившись вниз по небольшому склону к реке. Стал ждать, осторожно осматривая окрестности.

Минуты стали идти ещё медленнее. Я стал волноваться, когда она не появилась через пять минут – обычно этого времени хватало. Но решил ещё подождать.

Через несколько минут она появилась, медленно хромя. Быстро побежал навстречу. Женя упала на одно колено и из её руки выпала наполовину полная канистра. Повесил винтовку на плечо, подхватил Женю за руку и приподнял.

– Что случилось? – заметил на её штанине небольшое пятно крови.

– Ничего. Я... в порядке, – вздохнула Женя и попыталась отстраниться, поднимая канистру, но я не позволил.

– У тебя кровь, – сказал я с тяжестью и вспомнил, что мы ещё находимся за забором. – Ладно. Идём внутрь. Не здесь.

Женя молча дала мне довести её за ворота, где я аккуратно её посадил на землю и закрыл за нами вход, задвинув большую металлическую задвижку.

– Что произошло? – спросил я, пытаюсь подобраться к её

ноге, но Женя попыталась её убраться – неудачно, и лишь тяжёлый тихий стон вырвался из её груди. – Дай мне посмотреть.

– Не на что там смотреть, – неожиданно выпалила она, и я заметил несколько крупных слезинок в уголках глаз. – Ты знаешь, что там.

От неожиданности я отпрянул назад и сел на землю.

– Нет...

Женя посмотрела на меня и из её глаз потекли слёзы:

– Да, Костя, – с этими горькими словами она приподняла штанину, и я увидел тёмную небольшую рану на стройной ноге – полукруглые следы укуса. Вся лодыжка была заляпана кровью. Рана была неглубокая.

– Нет... Нет. Нет. Только не ты... – начал я, но Голос прервал меня.

«Успокойся. Это уже случилось. Ты знал, что это может случиться. Ты знал, что это случится. Так всегда происходит: либо люди, либо восставшие – по-другому вряд ли получится».

Несколько секунд мы сидели молча, а затем решил заговорить, успокоившись немного:

– Как это произошло? – тихо спросил я, садясь рядом.

– Я и сама не поняла. Просто подошла к реке, как обычно, поднесла канистру, а затем... затем услышала плеск воды и, сразу же, дикая боль в ноге. Повернулась и увидела восставшего – он с жадностью впился в ногу. Я... быстро достала

нож и ударила ему прямо в череп...

– Бля... – протянул я. – Вот сука... Но... но как ты не увидела его?

– Он был в реке. Это... это был маленький мальчик. Костя, я даже не знала, что эта зараза и у детей есть. Даже дети... – начала Женя, будто ничего не произошло. Она нервно прижимала штанину вниз.

– Нам сейчас не об этом нужно думать, – напомнил я, возвращая её к реальности. – Тебя укусили. Ты... ты ведь умираешь!

Женя усмехнулась.

– Мы и так знаем, что будет – зачем об этом лишний раз думать? Со мной уже всё ясно, как белый день.

– Что тебе ясно?

– Мне конец, Костя. Это только вопрос времени, – её слова казались такими холодными и расчётливыми. Не хотел их слышать, но понимал, что это не изменит реальности. – И... послушай, Костя, у меня есть к тебе две просьбы. Возможно, последние. Ты сможешь выполнить их?

– Говори, – тихо сказал я, посмотрев на девушку. Её привычно розовые губы теперь слегка отдавали синим. Встал и начал ходить из стороны в сторону, чтобы хоть что-то делать.

– Не говори Паше сейчас. Я сама... ему скажу. Это должна сделать я. И сделать это, когда придёт время.

– Хорошо, я... – я как будто проглотил камень – так тяжело было проглотить вставший ком в горле. Во рту пересох-

ло, – не скажу. А что второе?

– Пообещай сразу, что выполнишь, – взволновано сказала девушка. Меня это заставило напрячься немного сильнее.

– Женя, что ты хочешь?

– Просто пообещай, что выполнишь.

– Но я не могу пообещать, не зная «что»! – едва не крикнул я.

– Просто доверься мне, пожалуйста, – протянула Женя.

Посмотрел на неё со злостью, обидой и недоумением, но, увидев в её глазах отчаянный страх, понял, что веду себя глупо и сдался:

– Ладно. Я, – вздох вырвался из груди, – выполню.

– Обещаешь?

– Обещаю, – протянул я, отворачиваясь от Жени.

– Всё, что попрошу?

Несколько секунд медлил с ответом, но, затем, ответил:

– Всё.

– Костя, я знаю, что Паша не сможет. Поэтому... тебе придётся, – начала Женя.

– Что придётся? – не выдержал я.

– Не дать мне превратиться в одну из этих тварей.

Весь мир резко втянулся в одну точку, и земля ушла из-под ног.

– Нет...

– Костя...

– Нет... нет! НЕТ! Нет-нет! Только не снова!..

– Костя, успокойся, – её твёрдый голос заставил меня повиноваться. – Мы оба знаем, что надеяться не на что. Все слышали это: лекарства не было. Сейчас им уже некому заниматься.

– И что?.. Нет! Я... не могу! Пусть другой! Не я!

«Мы втроём знаем, что ты сделаешь это. Это уже решено. Ещё один близкий человек умрёт от твоей руки. А я ведь предупреждал.»

– Костя, ты пообещал. Паша не сможет... Других не хочу просить. Я знаю, что ты сильный... и добрый... Ты сможешь.

– Нет...

– Не дашь мне быть одной из них...

– Нет... Я не могу!

Всё это было каким-то дурным сном – одним из тех кошмаров, что постоянно вижу.

– Не дашь мне причинить боль другим людям...

Не мог поверить в реальность происходящего.

– Не дашь мне сломать их жизни, – закончила Женя. Я снова сел рядом.

– Женя, я... я не смогу. Ты ведь знаешь, как много от меня требуешь – зачем? Почему я?

– Потому что ты сильный, Костя. Ты сможешь выдержать.

– Но... – я попытался возразить, что есть более сильные люди в группе, но Женя не дала мне сказать.

– Пожалуйста, позаботься о Паше. Он... ему будет тяжело. Я знаю, что он может попытаться сделать глупости. Уве-

рена даже, что сделает. Просто будь рядом. Ты ему очень нужен. Особенно потом...

– Я не смогу... – жалостно протянул я.

– Позаботься о Паше, – повторила Женя и со вздохом опустила штанину, поднялась, держась за забор. – Поможешь до дома дойти?

– Конечно...

– Спасибо. Только, помнишь уговор? Не говори никому об этом. Я сама скажу, когда придёт время.

Нехотя кивнул головой в знак согласия и взял её под руку.

– Как ты это скроешь? У тебя же кровь...

– Скажу, что ушиблась. Не знаю – придумаю что-нибудь.

Мы шли не спеша. Со штанины на землю падали капли крови, оставляя небольшой след. Шаг за шагом мы поднялись на веранду. Я открыл дверь.

– Позовите кого-нибудь, – крикнул я. К нам подбежал невысокий парень.

– Олег, позови Кэт, пожалуйста, – сказала Женя.

– Что случилось? – спросил парень. Я отпустил Женю, и она села на небольшой стульчик у входа.

– Ногу ушибла. Позови Кэт, – повторила Женя.

– Сейчас, – Олег отвернулся и побежал быстро по лестнице наверх.

– Костя, иди «на стену». У тебя дежурство.

– Но... – начал я.

– Иди. Дальше я сама, – настояла Женя.

Постоял секунду, решая остаться или нет, но решил, что мне нужно закончить дежурство. От меня здесь уже мало что зависело.

Вышел на холодную неприветливую улицу. Поднялся лёгкий ветер. Посмотрел на время: «12:54». До конца смены оставалось ещё семь часов. Вернулся на своё место и начал ждать, пристально следя за окружением. Но мои мысли не покидала сцена с Женей:

«Как такое вообще могло произойти?»

В процессе жевания одних и тех же картин, мыслей, идей – и прошло время. Солнце давно ушло за горизонт – оно с каждым днём оставляло нас всё более холодным ночам.

Сидел возле слабой горелки, когда кто-то меня окликнул.

– Не спишь? – спросил Сергей.

– Нет, – ответил я. – Уже всё?

– Да. Пришёл вот на смену. Пост принял, так сказать, – с улыбкой ответил он. Я не мог ответить на это. Его лицо было спокойным. Видимо, он ещё не знал. Женя не сказала остальным. На часах было «8:11».

– Ты ещё не принял, – всё-таки ответил я, но без тени улыбки. Затем снял телогрейку и передал её ему. – Теперь всё. Я пойду. Удачи, – тихо сказал я, и не дожидаясь ответного «спокойной ночи», начал спускаться вниз, во тьму, а затем пошёл к дому.

Внутри горело несколько свечей. Напротив входа сидела Аня, читая книгу за столом. Наверху услышал громкий за-

дорный смех Кристины.

– Отдохнуть пойдёшь? – тихо спросила меня Аня.

– А? Да, да... – протянул я, вырванный из мыслей.

– Женя ногу повредила – так что я за неё на кухне. Там каша осталась – хочешь? – я помотал головой. – Ты голодный же... – Аня встала из-за стола, но я жестом её остановил.

– Нет, не нужно. Я спать сразу, – и пошёл по лестнице наверх. Ноги подкашивались. На дежурстве отчаяние ещё можно было как-то отгонять. Теперь, когда я был дома, не знал, что мне делать. Разум требовал подходящего решения, но не находил его: все варианты были дерьмовыми.

Проходя мимо комнаты Паши и Жени, я услышал:

–... сказала только сейчас? – это был Паша.

– Паша, мы оба знаем, что это значит, – сказала твёрдо Женя.

– Нет! Есть же... должно быть. Хоть что-нибудь!

– Ничего нет. Не нужно фантазировать.

– Но почему? Почему ты?

– Паша... всё.

Дальше слушать не стал. Пашин голос выглядел очень напугано. Хотя, не лучше, чем мой, ведь я до сих пор не мог до конца в это поверить. И боюсь представить, каково будет Паше в ближайшие дни.

Тихо зашёл в комнату, снял ботинки, куртку и просто улёгся на кровать.

«Завтра всё встанет на свои места. С меня хватит этого

дня.»

Я знал, что лучше не станет – просто человек всегда хочет надеяться на лучшее. Даже в самые плохие моменты. Особенно в самые плохие моменты.

* * *

С каждым днём Жене становилось всё хуже. В первые дни она ещё выходила, пыталась жить обычной жизнью, изо всех сил не подавая виду, как ей тяжело даётся каждый шаг. Отлично помнил, как это было у Павлова. Смотреть за всем этим снова было тяжело, но знать, что мне нужно будет сделать дальше – ещё тяжелее.

Когда через три дня она неожиданно потеряла сознание и сильно ударилась головой о тумбочку, Паша настрого запретил ей работать. Правда раскрылась всем. Женя сильно возражала, но он и слышать не хотел. Паша был очень мрачным и раздражительным в эти дни – часто встречал его одиноко патрулирующим территорию.

Внутри дома градус отчаяния повышался с каждым днём. Через неделю Женя почти перестала выходить из комнаты. Лишь несколько раз смог заставить себя пойти её проведать – это было пугающее зрелище: тёмные круги вокруг глаз, бледная кожа, синие пятна на руках и шее. Жизнь действительно уходила из неё. Даже не так, она быстро вытекала, как сквозь пробоину, заменяясь ядом.

Женя пыталась быть весёлой, и даже начинал верить иногда, что ей стало лучше, но резкий кровавый кашель разрушал всякие иллюзии. Понимал, что её время истекает, но не мог это видеть и старался уйти поскорее. Понимал, что Женя не было тяжелее всех, ведь даже Паша старался уйти и она оставалась одна, но не мог ничего с собой поделать. Часто к ней ходила только Катрин. Мне даже казалось, что она очень спокойно к этому относится. Может быть поэтому старался избегать и её тоже – старался вообще быть один, как и Паша.

В один день сильная злость резко завладела мной. Злость на жизнь; на людей; на восставших – на всё, что так или иначе виновато в том, что Женя умрёт. Решил пойти зачистить окружающую территорию от восставших. Тогда дежурил Паша «на стене». Он меня не пустил. Хотел даже нагло пробиться, но, вдруг, понял, что он это делает не просто так: не хочет потерять ещё и меня. После этого отступил и пошёл обратно. Занялся единственным физически выматывающим, что мог в это время чтобы забыться – колот дрова. Никита смог починить печь – нужно было топливо.

Через одиннадцать дней Женя перестала выходить. По ночам все слышали её стоны в агонии, из-за того, что тело как будто сгорало изнутри – последние попытки иммунитета побороть активный вирус, выработать иммунитет, но это всё было бесполезно. Любой организм сдаётся – это лишь вопрос времени. И я понял, что день, который пытался отогнать всеми силами, уже почти пришёл.

— Костя! – ворвался ураганом в комнату Сергей. – Вставай! Быстрее...

Уже не спал в это время. В последние дни вообще почти не сплю. Только лежу, в ожидании утра. И каждый раз со страхом, что это будет тот самый день.

«Кажется, время пришло», – сказал Голос. Не хотел думать об этом раньше времени.

– Что такое? – спросил я, переворачиваясь и садясь на кровати. Смотрел на своего гостя с прищуренными глазами. От недосыпа всё тело ломило – такое ощущение, будто меня били несколько дней подряд.

– Паша попросил всех прийти.

– Зачем? – спросил я, хоть мне и прекрасно был известен ответ.

– Женя... – с трудом произнёс он, – она... время.

После этого Сергей молча закрыл дверь и, видимо, пошёл дальше по коридору. Я медленно перевёл взгляд на свои вещи рядом с кроватью и оделся. Всё вокруг ощущалось каким-то нереальным, искусственным. Будто мир являлся копией настоящего: кошмарной версией. Тогда как в настоящем все друзья остались живы, и вообще мир не стал огромной ловушкой для выживших людей.

«Ты знал, что так будет – нечего ныть сейчас. Я тебя сразу

предупреждал, но ты, как обычно, даже слушать не захотел – вот тебе и результат. Пожинай плоды своего упорства.»

– А что? Лучше было сдохнуть? А? Выстрелить тогда, после Кристины? Да? – не выдержал я, но всё же сдержался от того, чтобы не перейти на крик. Даже сам удивился тому, как неожиданно грубо ответил. – Может всем стало бы лучше от того, что я сдохну наконец, а? Ты к этому ведёшь?!

«Нет, но...», – попытался возразить Голос, но не дал ему закончить.

– Что «но»? Разве тут может быть «но»? Если ты не можешь определиться, так и не пизди под руку. Ты меня достал. Я ненавижу тебя. Сыт тобой по горло. Каждый раз, всегда, ты только и делаешь, что путаешь меня – зачем? Почему я? Отвали от меня. Уйди, пожалуйста...

Голос понимал, что на эти вопросы я не хотел по-настоящему знать ответ. Что просто выплёскиваю свою горечь бессилия. Поэтому он не ответил. А я, разгорячённый, встал и со всей силы ударил в стену – удар сразу же отдался болью в руке, и я начал махать ею, чтобы боль отступила. Только теперь снова мог думать нормально.

«Пойдёшь туда?»

– А что мне ещё остаётся делать? Скорее всего, это последний раз, когда я смогу увидеть её живой. Да и... я же обещал.

«Когда её укусили – она перестала быть живой.»

– Ты прекрасно знаешь, о чём я. Не нужно драматизиро-

вать.

«Собираешься исполнить обещание? Сможешь?»

– Я... не знаю.

Натянул тёплые джинсы, куртку и вышел из комнаты – возле комнаты Жени и Паши собрались все. Несколько девушек не выдержали и плакали, а остальные собравшиеся лишь мрачно стояли, смотря в пол. Почти все молчали. Только пара человек делилась своими мыслями и сплетнями, но почти неслышно. Заметил, что Никита стоит и смотрит в окно.

Вдруг, Паша резко открыл дверь и буквально вылетел из комнаты, тяжело шагая – он был очень зол. Я примерно понимал «почему». Да и все здесь – тоже. Все мы кого-нибудь теряли, а если этот человек – весь твой мир, то очевидна такая реакция. Просто так смириться не получится. Ты зол на обстоятельства, в которых это случилось; на мир, который это допустил; на себя, который не может ничего сделать – и все эти раздражающие элементы странным образом пересекаются в объекте, который страдает больше всех.

Встал в конец очереди, но неожиданно выяснилось, что Женя ждёт именно меня – поэтому пошёл вперёд. Восприятие времени растягивалось сильнее с каждым шагом вперёд. Шаг, ещё один. Кажется, будто прошли уже целые минуты – нет, даже часы. Наконец, я стоял напротив двери, где был прикреплён листок с нарисованной улыбающейся девушкой. Немного помешкал, но смог заставить себя взяться за ручку – ладонь была вся в поту – и открыть дверь. Скрипнув,

деревянная дверца отворилась. В нос сразу проник спёртый кислый запах. Не решался войти.

– Кто... там? – спросила очень слабым, еле слышным, голосом Женя. Она смотрела в потолок, не на меня. Ответил не сразу. Мне потребовалось секунд пять, чтобы окончательно взять себя в руки. После этого вошёл в комнату и закрыл дверь.

Женя лежала на кровати, накрытая плотным одеялом. Рядом, на небольшом кресле, лежал плед – видимо Паша там и спал. Сквозь неплотные занавески сюда проникал слабый дневной свет, который освещал большие плакаты с нарисованными персонажами, которых так любила рисовать Женя. У заражённых в самом начале появлялась небольшая светобоязнь, которая проходила через неделю.

– Кто... кто пришёл? Извини... нет сил повернуться.

– Это я, Женя, – сказал я, подойдя к ней, и взял за руку – она была ледяная. Пятна уже почти слились, оставались только два больших светлых просвета: на правой щеке и лбу. – Как ты?

Сел на край кровати.

– Лучше всех, как видишь, – протянула Женя и грустно улыбнулась.

Решил не медлить:

– Ты хотела со мной поговорить.

Женя не отвечала. Из-за того, что она очень слабо дышала, в голове промелькнула мысль, что она умерла, но в этот

же момент девушка заговорила:

– Я... да... Помнишь... ты обещал?..

Теперь уже я не хотел отвечать.

«Не делай вид, будто не знал этого», – действительно, я прекрасно всё понимал и ждал с опаской. Время пришло.

– Помню, – тихо сказал я.

– Хорошо, – прошептала Женя. – Мне нужно... чтобы ты помог... Пока я снова не пропала... и... и... не стала монстром, – говоря эти слова Женя периодически начинала кашлять. Заметил на платке, что она держала в руках, пятна крови. На подушке вокруг головы лежали целые пряди волос.

– Женя... – начал я, но тут же осёкся, потому что понимал, насколько эта просьба будет эгоистичной и мрачно добавил: – Ничего. Я... сделаю.

– Ты помнишь... о другом... обещании? – Женя всё так же лежала, смотря в потолок.

– Да. Помню. Я буду помогать Паше.

– Хорошо... – новый приступ кашля вырвался из Жениной груди. Когда она успокоилась, то добавила: – Она ждёт... тебя.

– Кто ждёт?

– Скоро... узнаешь, – ответила Женя и её лицо чуть искривилось в улыбке. – Пожалуйста... подготовься... Я хочу... попрощаться...

Прямо чувствовал, как тяжело ей давалось каждое слово. Будто она тянула тяжеленную борозду.

– Хорошо, – тихо встал я.

– Я... люблю тебя, – сказала Женя с ещё большей тяжестью. – Всех... вас...

Понял, что, если бы она могла плакать в этом состоянии, то непременно разрыдалась. А я ещё до этого решил оплакать её позже – после того, как дело будет сделано. До этого надо держаться со всех сил.

– Я тоже, – ответил и вышел в коридор. В груди сидело тяжёлое гнусное чувство. Будто предаю её. Но, на самом деле, понимал, что так будет лучше. Для всех. Иногда приходится принимать тяжёлые решения, и кто-то должен брать основную часть ответственности на себя, чтобы остальным было легче.

Вернулся в комнату, взял твёрдой рукой пистолет, проверил, взведён он или нет, и только после этого вышел в коридор, предварительно положив его в карман куртки, чтобы никто ничего не увидел. Сел в конец коридора и стал ждать.

Люди медленным потоком продвигались, заходя по одному. Многие выходили со слезами на глазах и старались быстро скрыться, чтобы никто не увидел их, но все всё видели и прекрасно понимали эту реакцию.

Катрин стояла следующей в очереди. Она периодически глядела на меня, но всякий раз, когда отвечал на этот взгляд, отворачивалась. Хоть она и выглядела спокойной, но мне казалось, что она переживает больше всех.

Через полчаса очередь кончилась. Люди теперь ждали

внизу. Молча посмотрел на небо через окно: светлое, голубое, без единого облачка – это было редкостью в эти дни. Если не брать в расчёт корявые голые верхушки деревьев, то это мог бы быть замечательный день...

«Замечательный, чтобы умереть, – сказал Голос. – Успокойся, Костя. Ей будет только лучше. Не противься.»

Встал, проверил пистолет – всё было в порядке – и только после этого пошёл в комнату к Жене.

– Все? – тихо спросила она.

– Да. Больше никого нет, – тихо сказал я.

– А Паша? Его... нет? – я заметил в её голосе нотки грусти.

– Нет.

– Ладно... Костя, помоги... мне встать, – с тяжестью произнесла Женья. Она тяжело дышала. Когда взглянул в её лицо, то мне показалось, что пятна стали ещё больше. – Я... хочу на улицу... сама... в последний раз... Там... будет лучше.

Молча подошёл к кровати и, аккуратно взяв за спину, сначала помог ей сесть, затем она медленно повернулась, свесила ноги, и я подхватил её под руку, а затем правой обхватил тело и медленно поднял. Женья почти не шла сама. В ней было очень мало сил...

Медленно мы подошли сначала к двери, а затем пошли к лестнице. Шаг за шагом. Женья тяжело дышала – я знал как ей тяжело, но она не жаловалась и только молча шла.

У самой лестницы она сказала: «Всё будет хорошо» – так всегда говорят, когда хотят успокоить, ведь больше нечего сказать, а человек всегда хочет верить в «лучшее завтра».

Мы начали спускаться. Я крепко держался свободной рукой за перила. Да и Женя, насколько ей позволяли силы, помогала идти.

Внизу люди расступились, давая нам пройти. Хотел пойти к главному входу, но Женя попросила вывести её через выход к заднему двору. Люди молча шли за нами.

– Какой... хороший день... – сказала Женя, когда мы вышли на улицу, и слегка улыбнулась. Я промолчал.

Никита стоял впереди с лопатой в руках. Заметил рядом с ним небольшую горку земли, а позади, скорее всего, была могила.

– Никита... сделал... Хорошо... – Женя разразилась кашлем и, не успев достать платок, укрылась рукавом кофты – заметил на жёлтой ткани красные пятна.

Когда мы подошли, Никита молча воткнул лопату и отошёл в сторону. Заметил, что его губы беззвучно шевелятся в молитве, а в руке он держал крестик на толстой верёвке.

– Спасибо... – сказала Женя Никите и добавила, указывая на неровную ямку: – Положите... туда...

– Но... – хотел возразить я, но Никита коснулся меня и покачал головой. Он подхватил Женю под другую руку и вместе мы аккуратно спустили её и положили на землю.

– Холодно... – сказала с улыбкой Женя. В её глазах про-

ступили слёзы. – Мне... будет... не хватать...

Упал на колени рядом и приподнял её за плечи, приобнял, аккуратно поддерживая голову. Слёзы были и на моих глазах.

– А нам тебя... – тихо сказал я. Кто-то позади громко заплакал – это был детский плач.

Я достал пистолет.

– Не могу... – сказал ещё кто-то и ушёл, рыдая. Остальные же тихо всхлипывали.

Женя попыталась поднять руку кверху, к небу, но ей не хватило сил, и я быстро помог ей своей рукой.

– Я... так и не... достигла... неба... – сказала она, а по щекам у неё текли слёзы. – Но... не жалею... – Женя посмотрела с улыбкой на меня. – Спасибо... тебе... Всем ... Всегда... хотела семью... Вы ей... стали...

Из груди вырвался стон: я не смог сдержать новую волну слёз.

– Костя... пожалуйста... – произнесла Женя.

Взвёл курок, переводя пистолет в огневое положение, и поднёс его к Жене. Руки затряслись. Всё тело стало тяжёлым.

– Давай... – сказала она с улыбкой.

Держал дуло у её лба, а она улыбалась, насколько могла. Вдруг как будто что-то обхватило мою руку, а затем спустился курок и прогремел выстрел.

Голова Жени откинулась в одну сторону, а пистолет отскочил в другую. Прижал Женю к себе и плакал. Больше не

мог сдерживаться, ведь ещё один близкий мне умер. Ещё одной частицы света не стало в этом мире. Ещё один Человек погиб.

Не знаю, сколько прошло времени, но вспомнил про остальную мир лишь когда кто-то тронул за плечо.

– Не плачь, – сказал детский голос. – Теперь ей лучше.

– Не могу... Это слишком... тяжело, – сказал я, стараясь проглотить душевную боль, что комом встала в груди.

– Мы оба знаем, что можешь. Ты делал это уже не раз.

– Но... – попытался возразить я, но мальчик меня перебил.

– Тебе нужно двигаться дальше – иного не дано. Умершие остаются позади, а ты, хочешь, не хочешь, но двигаешься вперёд – таков уж закон.

– Какой закон? – спросил я.

– Жизни.

Отпрянул немного от Жени и посмотрел на неё – на её лице застыла лёгкая улыбка, а лицо, кажется, разгладилось, стало спокойным.

– Спи спокойно, – сказал я, нежно укладывая её на землю, будто в кровать. – Нам... мне... будет тебя не хватать.

Оглянулся, но мальчика возле себя не увидел.

«Откуда был этот голос? Или, возможно, мне просто показалось, что он был?.. А, хотя, какое это имеет значение ...»

Вытер почти засохшие слёзы и встал, подобрал пистолет, вылез из ямки и подошёл к Никите. Он уже держал лопату

наготове.

– Всё? – спросил он. Заметил на его лице влажные следы, которые ему не удалось скрыть.

– Да, – тихо сказал я. Было странное ощущение, будто какая-то часть внутри меня пропала и теперь там была пустота.

Рядом стояли всего несколько человек – остальные не выдержали и ушли. Паши среди оставшихся не было.

– Где он? – спросил я. Никита в это время начал засыпать яму землёй.

– Кто? – спросил он.

– Паша.

– Не пришёл. Не смог.

– Понятно.

Среди оставшихся была Катрин, вместе с Аней, Алесей с Кристиной, и ещё несколькими людьми. Уверен, что для всех она была не только другом, но и чем-то светлым в жизни, как маленькое солнышко.

Когда могила была засыпана, и остальные начали уходить обратно в дом, я решил ещё несколько секунд задержаться. Молча смотрел на небольшой холмик свежей перекопанной земли.

– КОСТЯ! – злобно крикнул кто-то позади.

Обернулся и увидел Пашу, который нёсся на меня, как локомотив. В следующую секунду увидел, как он быстро замахнулся и ударил меня в лицо со всей силы. Всё произошло настолько быстро, что не успел никак отреагировать.

– Предатель! – крикнул он. – Зачем?!

От удара упал на землю, а Паша навалился сверху, поднял меня левой рукой за шиворот, а правой ещё раз ударил.

– Зачем ты?!.. Зачем убил её?! – у него были обезумевшие глаза. Никогда не увидел такого. Машинально попытался вырваться, как-то ударить его, но всё было бесполезно – Паша просто этого не замечал. – ЗАЧЕМ? А, ВДРУГ, ЛЕКАРСТВО?!

Нащупал что-то рукой в стороне и ударил Пашу этим по голове – его тело свалилось в сторону, и я быстро отполз.

– Отвали! – я встал, но больше не двигался, ожидая, что будет дальше.

– УБИЙЦА! – выкрикнул Паша, стоная от боли и держась за голову. – Ты убил её!

– Что ты, блять, несёшь?! Это она попросила! Паша, это вообще должен был сделать ты! Она попросила меня! Потому что ты не мог! Думаешь... думаешь мне не больно?!

Паша лежал на земле. Никита подбежал, но я рукой показал, что не стоит. Подошёл к Паше медленно, осторожно.

– Паша, – начал я как можно спокойнее, – пожалуйста, успокойся... Ты всех сейчас пугаешь. Послушай меня.

Он лежал на земле, прямо на кучке перекопанной земли – её могиле, – и что-то шептал. Наклонился к нему.

– Прости меня... прости... – шептал он, захлёбываясь в слезах. Паша пролежал так несколько минут, а затем молча, не говоря никому ни слова, встал и быстро пошёл в дом. Ни-

кита бросился за ним, но я остановил:

– Не надо. Я сам. Паша! – окликнул я брата, но он не обернулся.

Пошёл за ним в дом, но чем быстрее я шёл, тем быстрее был его шаг. Мы взбежали по лестнице вверх, и он закрыл дверь в комнату прямо передо мной. Дёрнул за ручку – закрыто. Ударил по двери.

– Открой! – никакой реакции. Снова дёрнул ручку и стукнул несколько раз. – Открывай же, чёрт тебя дери! Что за детский сад?! Давай поговорим!

Но он не открывал. Снова и снова ударял по дереву, но никакой реакции не было.

Кто-то одёрнул меня за плечо.

– Что?! – до меня не сразу дошло, что грубо это выкрикнул. Развернулся, чтобы извиниться – позади стояла Катрин. Она всё ещё держала руку на моём плече. Это меня настолько удивило, что не знал, что делать. Просто стоял и смотрел на неё.

– Пойдём, – тихо сказала она. Её тёмные волосы были аккуратно собраны в небольшой хвостик, а глаза на узеньком лице внимательно смотрели на меня. В них читалась сразу и сочувствие, и горечь, и даже некоторая злоба, но, всё же, больше всего в них была видна печаль.

– Что?.. – переспросил я, уже тихим голосом.

– Пойдём. Он не откроет. А у тебя кровь, – Катрин опустила руку, взяв мою, и потянула за собой – в сторону сво-

ей комнаты. Не стал задавать другие вопросы, потому что не понимал, почему так происходит.

Наконец, мы остановились перед её дверью. Дверь была помыта и, в целом, была довольно опрятного вида – по сравнению с моей, конечно.

– У меня небольшой беспорядок, конечно, но, думаю, это сейчас и неважно... – с этими словами она открыла дверь и пропустила меня вперёд. У неё была небольшая комната – примерно, как моя, только ширина немного больше и кровать была двуспальная. Окна уже были аккуратно заклеены, пол – помыт, а вещи висели на вешалках в деревянном небольшом шкафу, где не было дверец, но с первого взгляда создавалось ощущение, что они там и не нужны.

– Присаживайся, – сказала она, подводя меня к хорошо застеленной кровати. – Сейчас подлатаем тебя, – Катрин достала из-под кровати небольшой тазик. – Скоро вернусь.

После этого она вышла, оставив меня наедине с собой. Встал и подошёл к окну на улицу: от лёгкого ветра покачивались деревья, стоявшие полупрозрачной стеной вокруг нашей фермы.

Можно было обдумать то, что произошло. Всё случилось так быстро: смерть Жени, борьба с Пашей, Катрин...

«К чему всё идёт? А, может, в этом действительно вина простого совпадения? Да нет. Вряд ли.»

Знание того, что в этом доме больше нет одного из жителей, лежало тяжким грузом в груди. Всё ещё хотелось просто

проснуться, как это обычно бывало. Хотел встать и забыть всё, как страшный сон.

«Не думай об этом как только о плохом», – сказал Голос.

– А как мне ещё думать? – выдавил я, сквозь зубы. – Ещё один друг умер. Совсем недавно. Даже часа не прошло. И мне просто плюнуть на это?! Или подумать «ой, как круто, не нужно кормить одного»?

«Нет, но нужно сохранять разум...»

– Плевал я на разум! – едва сдержался, чтобы не выкрикнуть это.

«Время пройдёт, и ты смиришься, как всегда и бывает. Все умирают рано или поздно, а ты остаёшься жить – хочешь не хочешь, но это факт. Поэтому лучше начать сразу жить дальше, оставив прошлое позади», – мне вдруг стало так тошно от его слов, что ударил со всей силы по голове, чтобы он замолчал.

– Уйди, прошу тебя, – умолял я, стоя на коленях и держась от боли за голову. Голос не ответил.

Подполз к кровати и упёрся головой в неё. По небу летел длинный V-образный косяк птиц – я им позавидовал, ведь они спокойно могут поменять своё место обитания. Им не составляет труда взять и полететь туда, где может быть лучше. Им даже не страшны смерти их товарищей – они просто не обращают на это внимание.

«Хотя, откуда я могу знать? Может, они так же скорбят об ушедших, как и мы. Просто по-своему. По-птичьи.»

Незаметно даже для меня самого, глаза закрылись, и я умчался в сторону тех миров, где мог бы быть... или где хотел бы.

* * *

Когда Кэт разбудила меня, небо за окном уже начало темнеть.

– Пойдём, – тихо сказала она, приподнимая меня под руку. Послушно встал. Напротив кресла, что стояло в самом углу комнаты, и которое не заметил, стоял тазик с водой.

Кэт усадила меня и расстегнула куртку, закатала рукава.

– Ты тоже снимай, – сказала она.

– Зачем?

– А как мне твои раны обработать? Да и ты весь в грязи, – с этими словами Кэт опустила небольшую тряпку в воду, смочила её, а затем приложила к моему лицу – прикосновение мгновенно отозвалось небольшой болью, но я лишь слегка дёрнул щекой. – Больно? – я покачал головой и снял куртку, положил её тут же.

Это было так... стеснительно. Кэт осторожно и очень внимательно счищала с моего лица грязь и кровь сантиметр за сантиметром. Я всё ещё не понимал, как здесь оказался. Всё это время мы даже почти не разговаривали. Лишь исподтишка наблюдал за ней... Не позволял себе даже думать о ней.

Спустя несколько таких минут решил, наконец, узнать:

– Зачем ты это делаешь? – спросил я.

– Ты, правда, хочешь знать? – спросила Кэт. – По-моему, ты уже знаешь – просто не решаешься признать. Впрочем, как обычно.

– Не понимаю... – несмотря на разговор, всё так же сидел, а Кэт всё так же омывала меня.

– Всё ты понимаешь, – тихо сказала она, не убирая внимательный взгляд. – Ты знаешь, о чём я думаю – поэтому не вижу смысла в том, чтобы это повторять.

«Неужели?.. Нет. Этого не может быть... Или, всё-таки?..»

«Не отпугни её. Остановись», – говорил Голос, но уже не слушал его.

– Неужели ты тоже...? – спросил, не договорив половину вопроса.

– Кто знает, – на её лице на несколько секунд загорелась улыбка, а затем лицо снова стало внимательным. – Пообещала, что перестану перекладывать на «потом». Обещаешь – выполняй. Вот и выполняю.

– Ты сейчас о Жене говоришь? Ты ей обещала? – спросил я. Хоть мы почти и не общались, но было такое ощущение, будто сейчас невозможно быть более близкими людьми.

– Да... – сорвалось с губ Кэт. Она закусил губу и отвернулась. И тихо добавила: – Подожди секунду...

Понял, что она вытирает слёзы. Когда Кэт повернулась обратно, не заметил никаких следов.

Наконец, она закончила омыwać лицо.

– Доктор, буду я жить? – решил пошутить я.

– А? – переспросила Кэт. Она только через секунду поняла, что я сказал, и улыбнулась: – Конечно. Всё. Теперь ты уже более-менее выглядишь.

Кэт опустила тряпку в тазик, встала и отошла к кровати. В комнате значительно потемнело, и она, достав небольшую свечу из шкафа, зажгла её от карманной зажигалки, поставила на тумбочку. После этого сняла ботинки и залезла на кровать. Подложив ноги под себя, села лицом к окну. Наблюдал за этим молча, не зная, что делать.

– Ты чего там сидишь один в темноте? – спросила она, обернувшись. – Иди сюда.

Мне казалось, что в её голосе есть нотки плохо скрытой неуверенности, но, может, мне просто казалось.

Встал и прошёл к кровати. Сел рядом.

– Знаешь, теперь, когда этот дом опустел – ты понимаешь, о чём я, – начала Катрин, – как-то тяжело двигаться вперёд и надеяться, что завтра будет лучше. Впереди зима – холод, голод... Я ведь почти ни с кем не общаюсь. Мне всё кажется, что люди как-то неправильно меня поймут или что им будет просто скучно. Обычно долго обдумываю, пообщаться с человеком или нет. Взвешиваю все «за» и «против» этого действия. И почти всегда, даже если «за» значительно перешивают – всё равно не общаюсь... А с Женей такого не было. Когда мы с Пашей единственные выжили и нашли её

– испуганную, но стойкую – жизнь сразу изменилась. Стало легче. У нас с твоим братом постоянно случались разногласия, и даже иногда доходило до того, что мне хотелось уйти, но Женя всегда ловко и как-то играючи всё исправляла. Все считают Пашу и Сергея лидерами, но мне кажется, что настоящим главным звеном, что сдерживало нас всех вместе, была она – Женя... – Кэт замолчала, но ненадолго. И после – продолжила с лёгкой улыбкой: – Знаешь, она всегда говорила, что ты – наш лидер. Что ты удерживаешь нас всех вместе и как-то помогаешь Паше. То тут, то там. «Мелочи, но из них рождаются великие решения» – говорила она. Ты ведь не знал об этом, да?

– Нет, – честно признался я. – Никогда раньше не слышал об этом.

– Я так и думала. Она бы тебе об этом никогда не сказала. Кажется, конечно, будто Женя была очень общительная, но, на самом деле, мало кто её знал по-настоящему. Мне даже кажется, что кроме меня, Паши, может Ани, она ни с кем и не делилась своими мыслями... Она... просто была рядом. Для всех.

Кэт замолчала, и я решил поделиться тем, что вспомнил:

– Однажды человек, которого считал самым сильным и волевым, расплакался и признался, как же она устала – тогда понял, что все люди равны в том, что всем бывает тяжело, что нужно разделить общий груз – так всем будет легче. У кого-то будет меньше груз, у кого-то – меньше стыда. Все мы,

в конечном итоге – всего лишь люди. Мы не роботы, чтобы выносить любые тяжести в одиночку.

– О чём она тебя попросила? – вдруг спросила Кэт.

Мы говорили почти шёпотом. Спокойно, но с какой-то тоской.

– Чтобы остался и помогал Паше. И чтобы... помог ей.

– Я так и думала... Она... – вдруг Кэт прижалась ко мне, уткнувшись лицом в плечо – её тело периодически вздрагивало от всхлипов. Прижал её голову свободной рукой и погладил.

– Тише... – сказал с нежностью, а Катрин всё так же сильно плакала. Она не смогла сдержать всю эту грусть в себе и решила поделиться со мной.

«Почему?»

«Разве это имеет значение?»

Катрин недолго плакала. Когда она закончила, совсем уже стемнело.

– Можно тебя попросить кое о чём? – спросила Катрин очень тихо.

– Конечно, – ответил я.

– Остайся сегодня со мной, – сказала Кэт. – Хотя бы на эту ночь. Остайся. Не хочу оставаться одна...

Поддавшись внутреннему импульсу, даже сам не понял, как это сделал, но я поцеловал её. Быстро, неловко, легко в губы. Она не отпрянула.

– Я... конечно. Столько, сколько захочешь, – сказал я.

Катрин неожиданно обняла меня очень сильно, а затем впилась в мои губы, и мы повалились на кровать.

Кровь начала быстрее бегать по телу. Вся усталость будто испарилась. Весь мир отошёл на второй план, и сейчас были только мы вдвоём. Пламя, которое разгоралось вокруг нас, набирало силу с чудовищной скоростью, и мы оказались поглощены им. Каждая клетка наших тел была брошена в этот огонь, и теперь оно было внутри каждого из нас. Мы впились в губы друг друга, как будто мир в следующую секунду перестанет существовать и нужно именно сейчас ловить момент. Хотелось раствориться в ней. Не отдавал отчёт своим действиям – тело как будто само двигалось, но я был не против.

Постепенно одежда начала пропадать с наших тел.

– Ты точно этого хочешь? Со мной? – спросила Катрин.

– Всегда хотел, – ответил я, окончательно растворяясь.

После этого мы перебрались под одеяло, сняв всю одежду с себя и представ в первозданном виде перед друг другом. С интересом изучал каждый сантиметр её кожи, рельеф тела. На некоторые прикосновения Катрин отвечала более сильной реакцией, и я старался запомнить это.

– Эй, – засмеялась она, когда начал щекотать. – Так нечестно!

– Правил никаких нет, – улыбнулся я.

Уставился на неё, находясь над её миниатюрным и, казалось, хрупким телом. Катрин внимательно смотрела на меня

в ответ и, как бы отвечая на мой немой вопрос, сказала:

– Да. Я хочу.

После этого с силой выдохнул и решился перейти последний рубеж, о котором давно перестал даже думать.

* * *

Проснулся рано утром. Кэт тихо спала рядом, немного свернувшись. Её ровное спокойное дыхание легко касалось моего плеча.

За окном только начало светать. Небо ещё было тёмным, но предметы в комнате уже имели чёткое очертание.

«Неужели в твоей жизни произошло что-то хорошее? Или ты совсем потерял осторожность и хочешь убить эту девушку?».

Мне не хотелось будить Кэт и прерывать её сон. Мне казалось, что, если разбужу её, то она, будто хрустальная, треснет и рассыплется – вся магия ночи исчезнет.

Аккуратно стянул с себя одеяло, чтобы случайно не потревожить её подобным образом, а затем медленно перевернулся и встал. Пол подо мной скрипнул, но Катрин не проснулась.

Мне хотелось немного обдумать это, поэтому взял свои вещи и осторожно выбрался в коридор, где начал их надевать.

В этот ранний час, когда все ещё спали, дом казался пу-

стым. Только какая-никакая чистота его и небольшой уют, который мы успели создать, не давал почувствовать ощущение заброшенности. Каждый старался сделать что-то хорошее. И мы все вместе старались просто не допустить ситуации, где пришлось бы хоронить кого-то ещё. Но не всё в нашей власти – жизнь всегда вносит свои коррективы.

Когда подошёл к лестнице, то услышал тихие шаги внизу. Кто-то стоял у самой двери. Притаился и взгляделся в полутьму дома – за спиной у этого человека был рюкзак. Он дёрнул за ручку, и уличный свет выхватил фигуру Паши. Он быстро юркнул за дверь.

«Иди за ним», – сказал Голос, но я и сам понимал, что мне нужно это сделать. Совсем не нравилось это – особенно когда вспомнил, что вчера произошло.

«Нет, он не мог помешаться. Нет. Это сильное горе так подействовало», – должен был предостеречь его от ещё большей ошибки.

Быстро сбежал по лестнице и вышел вслед на улицу. Паша уже спустился по веранде и быстро шёл в сторону от ворот – хотел, наверное, чтобы его никто не заметил. Было видно, что Сергей наверху заснул.

Побежал за ним и догнал у самого амбара.

– Стой, – крикнул я. Паша остановился, но не оборачивался и молчал. – Куда ты?

– Не твоё дело, – буркнул он.

Я подошёл ближе.

– А мне кажется, что моё, – твёрдо ответил я и подошёл ещё ближе. Паша был всего в шаге от меня.

– Костя, пожалуйста, – тихо сказал Паша, – всем от этого будет только лучше. Особенно после того, что было вчера.

– От чего нам будет лучше? – спросил я, но уже знал ответ.

– Если я уйду, – подтвердил мои мысли Паша.

– Почему? Думаешь, все обрадуются тому, что за два дня мы потеряли двух людей?

– А разве они будут рады меня видеть после вчерашнего? – Паша, наконец, обернулся. На его лице были следы засохшей крови – той раны, что я ему нанёс. – Посмотри на себя. Что я с тобой сделал. Почему ты уговариваешь меня остаться? Я ведь... мог убить тебя вчера. И убил бы, скорее всего. Понимаешь? Я даже сам не понимал, что делаю... – в его голосе было отчаяние. Понимал, что он хочет остаться, но боится самого себя. – Почему ты сейчас меня уговариваешь остаться? Почему ты?

– Потому что ты мой брат. И ты нам нужен, – я легко коснулся его плеча. – Пойдём обратно. Домой. Не страдай ерундой.

– Нет, – Паша вырвался. – Нельзя. Я... не могу. Костя, пожалуйста, только не ты. Я смотрю на твоё разбитое лицо, на рассечённую скулу, на разбитую губу, на синяк – это я сделал. Нет... – Паша отшатнулся. В его кармане на секунду блеснул металл.

– Что у тебя в кармане? – спросил я, собираясь подойти

ближе, но Паша сделал шаг назад.

– Неважно, – сказал он.

– Паша, – с силой сказал я, – что у тебя там?

– Костя, просто иди в дом. Утром скажешь, что я ушёл и больше меня никто никогда не увидит – это я обещаю.

Только сейчас понял, что он хотел. Он не просто хотел уйти. Но также видел, что он сомневается.

– Паша, пожалуйста, идём в дом. Тебе не нужно уходить.

Я тебя прощаю, хорошо? Пойдём.

– Нет, – сказал он, собираясь развернуться.

Я понял, что у меня не осталось выбора.

– Раз по-другому тебя не заставить, – сказал я, заноса кулак, а затем с силой ударил его – от удара Паша потерял равновесие и упал, сев на землю. Он ошеломлённо смотрел на меня. – Значит так, слушай меня. Сейчас ты выбросишь эту хрень из своей головы, и мы пойдём в дом. В дом, где тебя ждут. Вспомни про свои планы насчёт других людей. Вспомни про то, как сам хотел превратить эту ферму в безопасное место. Понимаю, что тебе вчера было больно. Все это чувствовали. Да, ты перегнул палку, но я понимаю «почему». И я не обижаюсь. Не виню тебя. А теперь вставай, пойдём. Запомни: ты мой брат, и я буду следить за тобой всегда, чтобы ты не натворил херни вроде того, что хочешь сейчас. И мой кулак всегда поможет тебе прийти в себя.

Подал ему руку. Паша смотрел на меня без злобы – удивлённо, а затем он взялся за руку и встал.

– Они точно смогут меня простить? И ты? – спросил он.

– Я же сказал: я тебя уже простил. А остальные... Одно знаю точно: никто не хотел бы потерять ещё и тебя, – ответил я.

Паша, молча, с силой обнял меня.

– Спасибо... – сказал дрогнувшим он, сжимая меня. – И прости меня, пожалуйста.

– Я знаю, Паша. Я знаю.

Когда он отпустил меня, мы развернулись и пошли к дому.

– Спасибо тебе, Костя... за всё. Она всегда боялась, что может стать одной из них. Спасибо, что сделал это.

Ничего не ответил. Мы шли обратно в дом, и что-то мне подсказывало, что будущее и дальше будет смешивать цвета, но надеялся, что всё же белая краска станет встречаться чаще.

День 750

Размеренный стук колёс. Напротив меня разговаривали двое мужчин. Вагон освещался мерцающим светом.

– ... он ещё не понял даже, представь, – усмехнулся один, глядя на меня.

– М-да, жуть. Я бы такого не хотел, – сказал другой.

Оба они были какие-то... нечёткие. То есть, я не смог бы выделить в их образах что-то значимое, отличительное: тёмная куртка, светло-синие джинсы и белые, но уже испачканные, кроссовки. Хотел бы смотреть в окно, чтобы хоть как-то отвлечься, но там было пусто. Совершенная тьма, потому что мы въехали в какой-то длинный туннель, и сейчас увидеть что-либо не представлялось возможным.

– А помнишь, как мы в начале того года двоих забрали? – спросил второй.

– А то! Конечно, помню. Столько потом полегло – вот умора! – и оба принялись смеяться.

На секунду свет в вагоне пропал, но затем появился. Я решил выпить чаю.

– Проводник! – позвал я и стал ждать. Двое напротив умолкли – они внимательно смотрели на меня, как будто я был каким-то цирковым зверьком.

Прошло несколько минут, никто не появился.

– Он думает, что тут кто-то есть – вот идиот, – хихикнул

первый.

– Полнейший, – отозвался второй. Они заговорщицки переглянулись и прыснули смехом с новой силой.

Решил больше не терпеть.

– Почему вы надо мной смеётесь? – не выдержал я. Они прекратили смеяться.

– А кто сказал, что мы над тобой смеёмся? – спросил первый.

– Да! – подхватил второй. – Кто сказал?

Встал и посмотрел на них сверху вниз.

«Нет. Лучше оставить их», – вид у них был нездоровый.

Решил найти проводника и вышел из купе – снаружи стояло гробовое молчание. Как будто в других купе никого не было.

– Он ещё не понял, – хихикнул первый за моей спиной.

– Да, не понял, – ответил второй.

Пошёл к купе проводника.

– Проводник! Проводник! – звал я. Металлические защитные корпуса слегка позвякивали от вибрации. Тишину нарушал лишь этот звук и размеренный стук колёс – сигнал того, что мы всё ещё в пути.

Дошёл до купе проводника и раскрыл дверь – внутри оказалось пусто. Сидение выглядело так, будто им никто не пользовался долгое время. Никаких следов человека.

– Что за ерунда, – вырвалось у меня. Посмотрел на верхней полке, под сидением – никаких вещей не было.

Вышел и начал открывать по очереди двери всех купе. Каждая новая дверь нагоняла всё больше жути, ведь внутри никого не было. Даже эти двое куда-то испарились из моего купе. Весь вагон оказался пуст.

– Не может быть такого, – говорил себе я, пытаюсь просто не допустить мысли, что сошёл с ума.

Решил проверить остальные вагоны и пошёл в сторону головы состава – туда, где должен быть хотя бы машинист.

Следующий вагон оказался пуст, после него – тоже. Так было и потом, и снова, и так оказалось, что все вагоны пусты. Впереди был только локомотив. Раскрыл дверь и вошёл. Внутри горел тусклый свет. Стенки узкого прохода были все в приборах и датчиках, где стрелка моталась туда-сюда, но не доходила до красной отметки.

– Здесь кто-нибудь есть? – спросил я. – Я пассажир одного из вагонов... Там везде никого...

Прошёл вперёд и оказался перед приборной панелью. Какие-то цветные кнопки горели, какие-то – нет. Но было пусто. Никого.

– Что за ерунда, – сказал я сам себе полушёпотом и сел на одно из сидений.

Скользнул взглядом по приборной панели ещё раз: кнопки то загорались, то гасли. Автоматически.

И я только сейчас понял, что впереди нет просвета. Конца туннеля не видно. Я бы даже подумал, что мы прекратили движение, но стук колёс продолжался. Вгляделся в лобовое

стекло, но впереди не было даже малейшей светлой точки: сплошная тьма.

Вдруг какое-то неприятное ощущение возникло. Ощущение, что это конец и впереди больше ничего не будет. Но мне почему-то не было грустно...

* * *

Медленно открыл глаза и взгляделся в потолок, пытаюсь понять: утро сейчас или ещё ночь – как это бывает часто. Было раннее, холодное, пасмурное утро.

В углу стоял небольшой металлический обогреватель, но он не работал.

– Проснулся? – тихим мягким голосом спросила меня Кэт. Она не открывала глаза и просто лежала. В этот момент её лицо выглядело спокойным и даже безмятежным. В тени под одеялом можно было рассмотреть очертания её небольшой, но выразительной груди.

– Спи ещё, – шепнул я и выбрался из-под одеяла. Свесил ноги и сел. Во рту пересохло – взял и отпил из бутылки, которая стояла возле кровати.

Сегодня не моё дежурство – поэтому можно было расслабиться.

«Что делать?.. Целый день впереди, а я уже хочу, чтобы он закончился.»

– Сколько времени? – спросила Кэт тонким жалобным го-

лосом. Посмотрел на часы: «09:22».

– Столько, что тебе можно ещё вздремнуть. Давай, – укрыл её одеялом – она улыбалась.

– А куда ты? Давай ко мне... – спросила Кэт, ещё не уснув. Встал с кровати, натянул штаны, затем ещё одни, чтобы было теплее, водолазку, свитер. Обулся.

– Да так, пойду погуляю, – ответил я, отвернул одеяло и быстро поцеловал Кэт в лоб, а затем снова накрыл. – Всё равно не спиться уже. Я ненадолго.

– Хорошо...

Надел куртку, посмотрел ещё раз на уже спящую Катрин (до сих пор не могу понять, как ей удаётся там безмятежно спать). И только после этого вышел из комнаты.

В коридоре было тихо. Очень тихо. Хотя, мало кто ещё оправился после смерти Жени, чтобы просто так брать и веселиться. Прошло несколько недель, но, казалось, это было только вчера.

–... и тогда он взял и укатился... – услышал я, проходя мимо одной из дверей. Это говорила Алеся. Видимо, Кристина попросила почитать сказку.

Спустился по лестнице. Напротив входа, на стуле, сидел человек – не помнил его имени. Он читал журнал с машинами на обложке.

– Доброе утро, – поприветствовал он.

– Доброе, – отозвался я и вышел из дома.

На улице был свежий, холодный воздух. Ветер тихонько

гнал его из стороны в сторону. Чуть вдали можно было заметить дежурившего Пашу. Я сел на ступеньках.

Уже неделю мне снится этот сон. Точнее, не совсем точно-точно, но одно там одинаково: всегда остаюсь один, а затем – пустота.

«Не думай об этом. У вас здесь серьёзные проблемы назревают – скоро зима. С каждым днём всё холоднее.»

– Это не так страшно. Завтра Сергей с ещё несколькими пареньками должен съездить и демонтировать, наконец, до конца те солнечные панели, что остались на взорванной исследовательской базе. А с электричеством можно будет... да много чего можно будет.

«Почему вы так уверены, что там не взорвалось всё тогда?»

– Потому что Сергей сказал, что подстанция находилась в отдалении. У них там даже целый склад есть с запасными деталями. Так что что-нибудь, да найдут.

«Посмотри в небо. Какие солнечные батареи? Солнце раз в неделю вылезает – и то, не тёплое. Лучше другим займитесь.»

– «Другого» нет – это во-первых, – начал я. – Во-вторых, этой энергии хватит, хотя бы, на то, чтобы поддерживать обогреватели. Никита сказал, что с печкой идея плохая – нужно отвод делать, сварка нужна. Для сварки, опять же, нужно электричество, а ещё инструменты и обученные люди. У нас со всем этим дефицит.

«Тогда найдите другое место – разве это такая проблема?»

– Мне кажется, ты потупел за последнее время. Такие детские вопросы задаёшь, – усмехнулся я. – Нельзя уезжать. У нас нет шанса ошибиться. Я уже достаточно ошибался, чтобы понять, что нужно оборонять и развивать одно место, а не скитаться по всей стране, пока не сдохнешь от пули, голода или укуса. Тут у нас есть земля, есть защита, есть кров – там у нас есть непонятно что.

«А как же Кристина? Кэт? Ты о них подумал?»

– Этим я и занимаюсь. Это ты только думаешь о себе.

Голос больше ничего не сказал.

Встал, потянулся и решил прогуляться по территории. Всё-таки хорошо, что можно просто так, особо не боясь, просто взять и погулять. Как раньше. Как до всего этого безумия.

Вдруг с горечью подумал, что Кристине – другой Кристине – здесь бы понравилось. Она бы подружилась с той маленькой её тёской – они были бы как две сестрички. И Света смогла бы найти здесь покой. Мне кажется, она хотела его найти. И Павлов...

Поднял голову и посмотрел на небо.

«Интересно, где она сейчас? Надеюсь, она жива.»

«Не надейся. Она умерла ещё тогда», – не мог согласиться с Голосом, потому что не видел этого своими глазами. Света сильная – она могла справиться.

Обошёл дом и подошёл к небольшой могилке и самодель-

ному, немного кривому, деревянному кресту. Сергей не смог отговорить Никиту и тот поставил его на могилу – как напоминание и прощание. Никита сказал, что так будет правильно, «по-людски».

Пару дней назад, когда он ставил этот крест, я спросил его.

«Почему ты до сих пор веришь? Бог забрал у тебя столько всего. Если он существует – он допустил это. Почему ты до сих пор ему так верен?»

Никита ответил, что это допустили люди и что Бог точно так же огорчён всем. Но что самое главное – это смысл. Именно осознание какого-то Божьего замысла даёт ему силы идти дальше.

Тогда я понял, насколько важным для человека является вера. Мне даже захотелось что-то такое же, но не мог после всего этого поверить... просто не мог.

После своей небольшой прогулки зашёл в дом. Погода не располагала на то, чтобы гулять или что-то делать – в такой пасмурный день хотелось просто завалиться и весь день спать. Но я не мог спать.

Свернул влево и пошёл на кухню. Нужно было позавтракать. Кэт постоянно говорит, что пропускать завтрак – нельзя. Конечно, сейчас нет таких возможностей, которые были до апокалипсиса, но какая-никакая еда есть – и то хорошо.

Зашёл в небольшую кухню. Внутри горела одинокая горелка, которая давала немного света вокруг себя и позволяла выхватывать силуэты. За столами сидело несколько человек.

– Что на завтрак? – спросил я, заходя за шторы, которые мы недавно повесили. Никого не было. Это было очень странно. Подошёл и сам взял банку тушёнки. Вполне неплохое блюдо.

Взял с полки металлическую открывашку и вскрыл консервы прямо на кухне. Мне не хотелось сидеть со всеми, поэтому тут же и поел, достав вилку и прикончив банку в считанные секунды.

Когда выкинул металлическую банку в ведро, услышал звуки гитары. Сергей снова играл. С тех пор, как Женя умерла, он привёз гитару и каждый день играл по нескольку раз.

Вышел из кухни и пошёл на звуки музыки.

«... звёзды нас зовут, мы сможем прийти...» – пел он. Вокруг собрались почти все. Сергей играл всего несколько песен в день, но всегда разных. Он так и не рассказал о том, откуда же он это знает и умеет.

«... пронесётся свет, ударит гром, и мир проснётся незаметно...».

Это всё-таки позволяло отвлечься. Тем более, что Голос у Сергея был плавным, приятным, тёплым... Каждое его слово ласкало слух, заставляло улыбнуться.

Кто-то подошёл незаметно ко мне и слегка ущипнул за правый бок.

– Ай, – сказал я, потирая его. Позади стояла Катрин.

– Чего грустный такой? – она слегка обняла меня, прижавшись – так, чтобы заметил только я. Не стоило показывать

чувства на всех.

– Просто заслушался, – шепнул я. – У Сергея голос красивый.

– Он молодец, что старается дух поддержать и сам не унывает, – Кэт потянула меня в сторону. – Пойдём. Пора сделать то, что давно было необходимо.

– Что? – удивился я, но Катрин не ответила.

Мы поднялись по лестнице, в мою бывшую комнату. Здесь ничего не изменилось с того самого дня, как я стал жить с Катрин – больше не заходил в эту комнату. Единственное, что поменялось: посреди комнаты теперь стоял стул.

– Присаживайся, – улыбнулась Катрин.

– Зачем? – прошёл внутрь и сел. Кэт укрыла меня простыней и аккуратно завязала сзади. – Будешь меня стричь?

– Попробуем убрать твои дебри. На следующей неделе вы ведь начнёте ездить за едой в город к зиме – лучше тебя обезопасить немного, – Кэт взяла ножницы на тумбочке и подошла ко мне. – Тебе подлиннее или покороче?

Не ответил. Катрин засмеялась.

– Значит, покороче.

Она принялась поднимать участки волос и обрезать их. Методично, раз за разом, она срезала длинные локоны, увеличивая их количество на полу.

Через десяток минут Катрин сказала:

– Готово. Принимайте работу! – она быстро отошла и вернулась с зеркалом. – Блин, а тебя реально уже не узнать.

С поверхности зеркала на меня смотрел взрослый парень, у которого были чётко видны твёрдые скулы, немного впалые щёки и шрамы, щедро разбросанные по всему лицу – маленькие, едва заметные, но есть всё же. Синяк вокруг одного глаза и подбитая губа. Так же только сейчас заметил, что у меня скопился нос.

– Да красавчик ты, красавчик. Хватит так глазеть, – сказала Кэт, убирая зеркало. – Теперь намного безопаснее. Мы ведь не хотим, чтобы тебя схватили. Я ещё не одну ночь с тобой хочу провести.

Она погладила меня по голове и развязала простыню. Хотел помочь, но она рукой меня остановила:

– Иди. Я сама здесь уберу. Обмой голову лучше или сходи на улицу и отряхнись там.

– Хорошо. Спасибо, – подошёл к ней и поцеловал в щёку. За это Кэт ловко поцеловала меня в губы.

– Всё, иди, – улыбнулась она.

Кивнул и пошёл к выходу. Последовал её совету и отряхнул голову на улице – мыться под холодной водой совсем не хотелось. Нужно было как-то развеяться – пошёл в амбар и начал рубить дрова. После этого сходил ещё за водой к реке и немного прогулялся по территории.

С приближением зимы начинало рано темнеть. В пять часов вечера уже было темно – только «на стене» горел небольшой огонёк горелки. Есть совсем не хотелось. Решил пойти к Паше.

На улице заметно похолодало. С другой стороны от главного места подъёма были заделки ещё одного, который мы недавно начали делать. Хотелось ещё улучшить этот подъём – только пока не получилось застеклить или как-то закрыть подъём, чтобы можно было тут зимой сидеть. Сергей предлагал отменить дежурство на улице и перенести его в дом, но Паша не соглашался. Он вообще стал не стоворчивый после смерти Жени.

– Привет, – сказал я, поднявшись по лестнице. За стеной были видны силуэты голых деревьев и укрытая мёртвыми листьями земля.

– Ага, – вздохнул Паша.

– Как обстановка? Всё нормально?

– Как видишь: ничего.

– Слава Богу, – вырвалось у меня.

– Какому Богу? И за что? – тихо спросил Паша как бы сам себе, даже не смотря на меня. – Он ничего не сделал. Он всегда лишь бездействует или наказывает – за это ему слава? Бред.

– Это просто выражение такое. Не цепляйся к словам, – спокойно ответил я. – Тем более, я не думаю, что он всегда лишь наказывает. Просто хорошее тяжелее заметить, да и зачем? Совсем другое дело – замечать плохое. Ты его заметишь, как ни старайся закрывать глаза и убегать. Оно настигнет тебя, сядет на плечи и будет висеть тяжким грузом, не спрашивая разрешения или мнения. Да, Бог наказывает,

но следует помнить, что не всегда всё плохо.

– Твоя правда, – согласился Паша.

Мы замолчали. Справа, на ящике, тихо плясал огонёк в горелке. Ветер слегка поддувал, но ещё не критически. Однако мне становилось холодно. Паше должно было быть намного холоднее.

– Сходи домой, поешь. Я тебя подменю, – предложил я.

– Нет, я тут побуду.

– Почему? Может, тогда, тебе сюда принести?

– Не хочется есть. Ты иди, а то холодно, наверное. Всё нормально – не волнуйся.

Я постоял ещё немного, а затем пошёл домой. Почему-то резко навалилась усталость. Захотелось полежать, отдохнуть.

В доме, напротив входа, сидела Аня. Она читала роман – какой-то один из последних, которые вышли до апокалипсиса.

– Интересно? – бросил я, проходя мимо.

– Неплохой автор. У него всегда сюжет подаётся немного несвязно, но интересно. Правда, он никогда до конца не доводит книгу: любит обрывать. Странная фишка, но за это его многие полюбили, – ответила девушка, не переводя взгляда с книги. – Там все наверху в какую-то настольную игру играют. Хотя, стой. Ты же не ел, вроде. Возьми что-нибудь на кухне.

– Не, – отмахнулся я. – Я в комнату. Отдохнуть хочу. Доб-

рой ночи.

– Так ещё не ночь, – усмехнулась Аня.

– Да какая разница, – ответил я с улыбкой и поднялся по лестнице.

В самом деле, с комнаты, которая была за моей прошлой, доносились голоса, а слабая полоска света свечи из-под двери прочерчивала неровный прямоугольник. Я пошёл в другую сторону. Слегка подташнивало и кружилась голова. Наверное, из-за голода, но решил, что не пойду есть.

В комнате была Кэт. Она сидела напротив окна и смотрела куда-то вдаль. На звуки открывающейся двери она даже не обратила внимание.

– А если бы я был восставшим? – спросил я, подходя к кровати.

– Тогда я бы умерла, – спокойно ответила Кэт.

– Ты бы даже не стала сопротивляться?

– А зачем?

Снял ботинки, куртку, штаны и залез под одеяло.

– Не знаю. Может, чтобы выжить?

– Если сюда придёт восставший – значит, все мертвы. Тогда мне и выживать нет смысла.

– Разумно, – согласился я. – А если серьёзно, почему ты не обернулась? Неужели тебе всё равно?

– Нет, не всё равно. Просто знаю, что сюда никто не придёт, кроме тебя. Раньше так точно никто не приходил, кроме Жени. А сейчас вот ты. Я никому не нужна, – она усмехну-

лась.

Приобнял её хрупкое тело.

– Что за ерунду ты говоришь. Ты всем нам нужна.

– Брось, Костя. Так всегда было, что я остаюсь как бы в стороне. Есть другие, а есть я.

– Неправда! В школе ты всегда была... – я резко умолк. Память резким клином врезалась в голову, заставляя меня усомниться в своих же словах.

–... одна, – закончила за мной Катрин. – Даже ты был в компаниях с другими людьми. А я лишь наблюдала. Конечно, у меня тоже были компании, но они были не в школе – да и те потом кончились, гнилая компания. Знаешь, – улыбнулась она, – ты мне ещё тогда нравился. С младших классов, как мы с родителями переехали, и я пришла в вашу школу. Тогда ещё плохо знала русский. В мой первый день тебя попросили показать мне школу и помочь научиться говорить общие фразы правильно. Я была вне себя от радости, – Кэт на несколько секунд замолчала, а потом продолжила: – Ты как-то выделялся среди остальных. Не знаю, как это объяснить, но ты всегда был сам по себе – думал сам, делал сам. И поэтому ты мне понравился. Но я не решалась подойти к тебе. Тем более, когда у тебя в пятом классе случился нервный срыв и ты две недели лежал в больнице – не делай такое лицо, это все знали – потом вернулся необщительным, закрытыми... И я вообще потеряла надежду, что ты меня заметишь. Потому что только ты меня и замечал. К остальным

меня не тянуло и, видимо, это было обоюдным. Поэтому я и была всё время одна в школе. Да и после – скорее всего, тоже. У меня даже настоящих подруг, кроме Жени, никогда не было. Только ты – всегда молчаливый, слушающий музыку на уроках, парень-одиночка. И я, типа бунтарка, которая даже не знала, о чём с тобой заговорить. Представь, как я радовалась, когда ты пришёл на нашу базу. Я думала, что всё изменится, но всё оставалось по-прежнему: ты и я – одновременно такие похожие, но такие далёкие... И на базе. Мне показалось, что ты видел меня, но всё равно также был далёк...

– Я видел, – перебил её я. – Тоже хотел, но мне казалось, что ты не хочешь.

– Знаю, – усмехнулась Кэт. – Мы оба вели себя как идиоты. Женя мне то же самое говорила, но я не могла решиться. Вот, знаешь, это же нужно перешагнуть через многолетние убеждения – я не могла. Вот Женя и попросила меня признаться наконец, когда она умрёт. Это, наверное, очень плохо, но я даже ждала. Мы обе знали, что она скоро умрёт и поэтому Женя не обижалась. Знаешь, её последними словами было: «Не исчезни снова».

Катрин замолчала. Пока она говорила, я гулял по просторам памяти, и ко мне всё больше приходило осознание того, что я действительно её не замечал. Точнее, не замечал её одиночества. Мне всегда казалось, что она-то как раз дальше всех от меня. А на деле, оказалось, что мы были очень

близки.

– Вот я идиот! – вырвалось у меня.

– И я. Мы оба, – Катрин повернулась с улыбкой. – Зато сейчас ты здесь, рядом, со мной. И это главное.

Она обняла меня и вцепилась в губы. Приобнял её за талию, а затем прижал к себе. Дальше уже всё прошлое было неважно.

День 771

— Костечка, вставай, а то опоздаешь, – сквозь сон услышал голос мамы. Она ещё не зашла в комнату, но слышал её шаги за дверью.

Открыл глаза и посмотрел на окно, где слабо колыхалась от ветра тюль. За окном пели птицы, шумели машины, кто-то с кем-то ругался. В комнате было свежо и тепло.

Вдруг, резко стало очень грустно. Так сильно, что не смог сдержать резко подступившие слёзы. Уткнулся в подушку.

– Кость... – зашла в комнату мама и её фраза оборвалась. Она быстро подошла к моей кровати и села рядом, положив руки на меня, как бы обнимая. – Ты чего?

– Не знаю, – выдавил я и ещё больше расплакался. Мама помогла мне подняться, и я со всей силы обнял её – так, как никогда не делал. Мне вдруг захотелось это сделать, будто не видел её несколько лет. – Mam, прости меня...

– За что? – она тихо гладила меня по голове и спине.

– Не знаю, но за всё.

– Какой-то ты странный сегодня. Может тебе дома остаться?

– Не, – ответил я, уже успокоившись и вытирая остатки слёз. – Скоро сессия. Нельзя пропускать. Да и показ сегодня.

– Точно?

– Точно, – кивнул я, улыбаясь.

Мама встала с кровати и пошла к двери.

– Ты тогда собирайся быстрее и иди завтракать. Уже двадцать минут восьмого, – сказала мама перед выходом.

– Хорошо.

Встал с кровати и начал одеваться. Сегодня нужно было пораньше прийти на учёбу, чтобы закончить вовремя проект. Не зря же мы так долго с друзьями старались над ним.

Вышел в коридор. Паша уже обувался, чтобы уйти на работу.

– Сегодня у тебя важный день, да? – спросил он, зашнуровывая ботинки.

– Да. Мы, наконец-то, предоставим небольшую модель генератора на солнечных батареях.

– Помню-помню, – улыбнулся он и встал, протягивая мне руку. – Тогда удачи. Интересная у вас штука. Жаль, не смогу сам увидеть.

Пожал его руку.

– Спасибо. Но ты увидишь. Модель вернут через месяц.

– Буду ждать этого момента, – сказал Паша, уходя. После того, как он устроился на работу, всё наладилось. Больше не было проблем с деньгами. Мама смогла меньше работать, и у неё улучшилось здоровье. Мы стали больше общаться, Паша стал моей опорой при поступлении в техникум.

Прошёл на кухню – тарелка с яичницей и кусочком колбасы стояла, как обычно. Рядом была ещё одна тарелочка с бутербродами и кружка с чаем.

Быстро покончил с этим и помыл за собой посуду. Когда обувался, мама всучила шоколадный батончик – вечно она так, будто я всё тот же маленький мальчик, который только-только начал ходить в школу. Видимо, для родителей мы всегда остаёмся маленькими детьми.

– Удачи! – сказала она мне на прощанье. Улыбнулся и вышел.

Как обычно, решил спуститься по лестнице, не дожидаясь лифта. Несмотря на то, что пейзаж в подъезде был так себе и нагнетал убогостью – обшарпанные стены с потрескавшейся краской – всё равно хотелось радоваться. Будто я, наконец, сбросил тяжкие цепи.

Какой-то свехумный человек написал краской на стене слово из трёх букв – обычное явление. Если в вашем подъезде нет этого слова – значит, вы просто плохо искали или живёте не с борусийцами.

На улице стояла утренняя прохлада, которая свойственна майским дням. Сквозь рубашку чувствовал, как ветер ласкает моё тело – было даже немного щекотно. Пели птицы во-круг, а солнце не било в глаза – лишь приятно освещало всё.

– Доброе утро, – сказал двум бабушкам на лавочке. Они учтиво кивнули мне в ответ.

Дорога до техникума лежала через небольшой парк. Мне нравилась учёба ещё и по этой самой причине. Правда, зимой, когда жизнь впадает в спячку, особо не на что смотреть. Хотя... можно прогуляться по пустынному тёмному парку,

когда ещё не рассвело – тоже интересно.

Перешёл по мосту, под которым находилось небольшое озеро. В нём уже плавали утки. Людей почти не было – всё-таки субботнее утро. Многие спят ещё или нежатся в кроватях.

Техникум состоял из нескольких соединённых крыльев, но здание было одно. Мои друзья – одноклассники – уже стояли на крыльце. Один из них, чуть за лестницей, покурил сигарету, опасно озираясь.

– Здорово, – я прошёл по небольшому кругу, здороваясь с каждым. – Чего вы так рано?

– Рано? Это ты опоздал, – сказал один из товарищей.

– Да не важно, – ответил я с улыбкой. – Давайте быстрее доделаем. У нас... – я посмотрел на часы, но не успел увидеть, сколько времени там было.

– Два часа, Костя. Два часа, – ответил ещё один товарищ.

Когда последний, который курил, присоединился к нам, мы все дружно вошли в здание.

Внутри был небольшой холл, из которого в разные стороны шли широкие коридорчики. Мы прошли через лестницу и зашли в одну из небольших коморок – лабораторию. У самой стены, на деревянных подпорках, стоял небольшой металлический генератор. Он был около тридцати сантиметров в длину.

Мы провозились с ним больше часа, но, в итоге, заставили работать от света. Теперь маленькая лампочка, которая была

подсоединена в виде нагрузки, загоралась, если осветить наш прибор ещё более мощным источником. Может лампочка и была простым выбором – зато наглядным. Если светиться – значит, работает.

Через несколько часов мы уже шли домой. Наш макет забрали на следующий этап. Сказали, что, если он не пройдёт районный отбор, вернут через неделю. Но если пойдёт на национальный этап – тогда уж только через месяц.

Мы шли довольные, потому что теперь не нужно было беспокоиться об экзаменах – у нас, в любом случае, будет «автомат».

– Видели ту фиговину? – сказал один мой товарищ.

– Да-а, – протянул другой. – Она сама двигалась в сторону твоей руки – интересно, что там используется?

– Наверное, тепловой датчик, – ответил я. – Хотя, может и просто датчик движения переделали. Ты же видел – там он сферический. Возможно, устроен так, что пускает лучи во все стороны и приближается туда, к чему ближе. Я об этом подумал, когда провозили тележку и сфера в ту же сторону повернулась.

Все на несколько секунд замолчали. Видимо, это пришло в голову мне одному.

– Знаешь, – сказал один из товарищей. – Это имеет смысл. Да.

– Да какая разница? – протянул другой. – У нас скоро летние каникулы! Сессию сдавать не надо! Что ещё нужно?

Мы все вместе засмеялись этой простой мысли.

– Может, купаться пойдём? – спросил товарищ.

– Не. Ещё холодно, – ответил я. – Лучше через недельку.

Пусть вода прогреется.

– Через неделю я уже уеду.

– Тогда... когда уже приедешь, – ответил я.

Теперь нам нужно было попрощаться, потому что они шли на остановку, а я – домой через парк.

– Ну что, до созвона? – спросил я.

– Конечно. Может, вечером в комп зарубимся?

– Посмотрим, – ответил я и махнул рукой на прощание.

Мне махнули в ответ, и мы разошлись в разные стороны.

Шёл по тёплой, ещё не жаркой улице. Лёгкий ветерок не давал почувствовать жару. А ещё, впереди был небольшой парк – там можно было немного погулять. На улице было так замечательно, что совсем не хотелось идти домой.

Достал из кармана наушники – как обычно, запутанные – повозился с минутой, распутывая их, а затем вставил в телефон и музыка, тёплым жизненным потоком, потекла по телу, окрашивая восприятие в ещё более приятные краски.

Несмотря на то, что не считал свой город большим – людей на улице было много. Большинство были парочки. Правда, не все были молодые – среднего возраста тоже достаточно.

Территория парка начиналась с теневой области, которая спасала от назойливого солнца. Углубился в парк. Хотелось

увидеть уток. Стрелки часов показывали «13:22» – не вечер, можно было их увидеть.

На мосту стояла парочка с коляской-велосипедом, в котором сидела маленькая девочка.

Остановился, чтобы лучше их рассмотреть. Они выглядели немного необычно, что ли. Совсем не так, как обычные люди. Будто они и были по-настоящему «живыми людьми», о которых читал в книгах.

Темноволосый мужчина был высоким, с первого взгляда не сильным, но чувствовалась в нём какая-то твёрдость, даже надёжность. Он мягко обнимал светловолосую девушку, у которой волосы были аккуратно уложены. В ней тоже казалось твёрдость: в движениях, походке. Они улыбались, отрывая по чуть-чуть батон и кидая его уткам. Девочка с интересом смотрела из своего убежища через прутья поручня за тем, как кушали утки.

Мне даже начало казаться, что вокруг этих людей существует какая-то особая аура, которая не позволяет внешнему миру проникать внутрь их семейной гармонии. Подумал даже о том, что хорошо, раз есть такие семьи – значит, у этого мира точно ещё не всё потеряно.

Улыбнулся и пошёл дальше. Конечно, у меня промелькнула мысль подойти и пообщаться с ними. Уверен, что они даже были бы не против и мы могли бы о многом поговорить, но решил не разрушать их гармонию. Казалось, что, если вторгнусь к ним, эта сказка кончится. Пусть отдыхают.

После этого ещё несколько часов гулял по городу, проходя из одного двора в другой. Даже случился интересный момент: ко мне подошла девочка, лет девяти, и протянула небольшой бумажный цветок, похожий на лилию.

– Это вам, чтобы день был теплее и приятнее! – сказала она с улыбкой.

– Спасибо... – протянул я, не ожидая ничего подобного. – А зачем?

– Потому что вам нужно было. Потому что я захотела, – ответила она и, улыбаясь, пошла прочь. Признаюсь, она действительно заставила меня улыбаться всю дорогу до дома. Этот день был чудеснее и чудеснее.

Шёл неспеша и более длинной дорогой. Когда пришёл, начинался уже вечер, но солнце ещё светило.

– Я дома, – протянул я. Никого не было дома. Ни мамы, ни брата. А бабушки быть не могло – она летом переезжала на дачу. Мама даже думала во время отпуска поехать к ней, но пока не решилась.

Прошёл в комнату, разделся и сходил в душ. После этого воздух приятно обволакивал тело, когда вышел из ванной. Даже специально сильно не вытирался, чтобы это прочувствовать. Подошёл к окну в кухне и подставил тело под лучи солнца – был рад тому, что жив и всё хорошо. Протянул руку, открыл холодильник и взял оттуда колбасу, потом из хлебницы – два кусочка хлеба. Сделал бутерброды и положил оставшуюся колбасу обратно.

Поставив бутерброды на стол, включил компьютер и в это время надел лёгкие спортивные шорты и майку.

Играть совсем не хотелось. Поэтому включил случайный ролик и сел на кровать, проглатывая бутерброды. Затем лёг и, под действием тёплых лучей солнца и лёгкой сытости, поддался дремоте.

* * *

Открыл глаза и увидел рядом лежащую Кэт, которая внимательно смотрела на меня. Сон резко пропал, словно его и не было вовсе. Осталось лишь смутное приятное ощущение. Это было странно ощущать: обычно мне снились кошмары.

– Почему ты так смотришь? – тихо спросил я без всякой злобы, с мягкостью в голосе.

– Ты так улыбался во сне – что снилось?

Погладил её по волосам, которые слегка касались плеч – уже длинные. Нужно будет ей постричься.

– Не помню, – честно ответил я. Мне и самому было интересно.

– Расскажи, – улыбнулась Кэт. – Или ты от меня скрываешь?

Поднялся на локте.

– Я серьёзно не помню. Мне и самому хотелось бы узнать. Знаешь, только чувство осталось – приятное такое, тёплое.

– Ты точно не помнишь?

– Ага, – тяжело вздохнул я.

– Тогда ладно. Просто ты был очень довольным, даже счастливым.

При её словах посмотрел в старое деревянное окно: ещё темноватое небо постепенно светлело, оно выглядело как-то недружелюбно и даже зловеще – хотя, может мне так просто казалось?

– Поспи ещё, – сказала Кэт, касаясь моей груди.

– Ай, – протянул я, но лёг обратно. Кэт притянулась ко мне, а затем резко отпрянула и встала с кровати. – Что случилось?

Она бежала, прикрывая рукой рот. Её тошнило. Она подбежала к моей стороне кровати и достала из-под неё небольшой тазик.

Сел ближе. Кэт тяжело дышала, держась одной рукой за кровать. Рвота уже вышла.

– Легче? – спросил я. Кэт легко кивнула. Мы ожидали второй волны, но её не было.

– Уже второй день по утрам рвёт, – сказала Катрин, отдышавшись.

– Второй? Вчера тоже рвало? Почему ты мне не сказала?

– Успокойся. Это нормально, – не мог не согласиться. Такое случается иногда, когда ешь продукты, у которых давно вышел срок годности. Мы настолько к этому привыкли, что считаем тошноту чем-то обычным. Кэт взяла небольшую тряпочку и вытерла рот. Она тяжело вздохнула, но с облег-

чением. – Вроде лучше.

Она встала и взяла тазик.

– Я сейчас. Надо убрать это, – и вышла.

В комнате тихонько, почти неслышно, гудел обогреватель. Солнца, конечно, было мало, чтобы поддерживать электричество всё время, но можно было позволить себе включать их по ночам – это уже было огромным достижением. Да и дизеля пока хватало. Недавно удалось найти целую бочку.

Конечно, пришлось помучиться, чтобы установить солнечные батареи и правильно их подключить, но Сергей, Паша и ещё несколько учёных с базы смогли это сделать. Правда, не без жертв – Сергей упал с крыши и сильно ушиб ногу. Теперь вместо него я езжу на вылазки в ближайшие города. Сегодня мы должны ехать в Грим.

Катрин вернулась через несколько минут с чистым тазиком.

– Нормально? – спросил я.

– Пойдёт.

Она засунула тазик обратно под кровать и подошла к окну.

– Может, ещё поспишь? – предложил я.

Кэт скользнула рукой по потрескавшейся краске на деревянном подоконнике, стёрла пыль с пальцев и села на кровать.

– Ай. Я просто полежу, – она прилегла на край. Провёл рукой по её плечу. Кэт погладила мою руку своей, а затем

опустила. Лёг рядом и мы уснули – так незаметно наступило утро.

Мы не выезжали в темноте специально. Конечно, так было меньше времени, но безопасность – превыше всего. Лучше всего видеть всё при свете дня. Можно было, например, случайно из-за восставшего съехать в кювет – мы старались не рисковать лишний раз.

Как только на улице достаточно посветлело, тихо встал, стараясь не разбудить Катрин, оделся и вышел. В доме было тихо. Каждый занимался чем-то своим: Алеся с Кристиной шили возле входа, где работала настольная лампа – точнее, шила только Алеся, а Кристина сидела рядом и внимательно смотрела; из кухни доносились какие-то звуки; несколько человек перетаскивали сумки с едой из амбара на улице в подвал – где мы специально подготовили место, чтобы ничего не подмёрзло. Каждый старался внести свою долю в общее дело выживания.

Спустился по лестнице, поздоровался с Кристиной и Алесей – девочка снова позвала играть в догонялки.

– Извини, не могу сейчас, – ответил я, потрепав её по маленькой головке. – Позавтракаю и мы в город поедем.

Кристина на секунду надулась, но затем улыбнулась.

– А вечером сможешь? – спросила она.

– Конечно. И завтра – тоже, – ответил я с улыбкой.

– Ура! – воскликнула девочка.

Алеся улыбнулась при этом. Она на секунду отвлеклась

от работы:

– Всё-таки в Грим поедете? Я слышала, что там тысячи восставших. И на улицах встречаются целые стада.

– Да. Никита сказал, что скоро будут заморозки – мы решили сделать пару больших вылазок, – я заметил, как девушка с беспокойством смотрит на меня, и решил её успокоить: – Не волнуйся. Мы не поедem вглубь города. Так, на окраине что-нибудь поищем – и сразу обратно. Всё будет в порядке.

Алеся кивнула и добавила:

– Удачи вам. Если что – бросайте всё и возвращайтесь. Вы живые нам намного важнее.

– Обязательно, – ответил я и повернулся вправо – к кухне.

За столом сидел Паша. Он молча поднял на меня взгляд и проследил за тем, как я сел напротив.

– Едем? – спросил я.

– Выбора нет, – ответил Паша. Он ковырял вилкой что-то в банке консервов без этикетки. Поковырял пару секунд, а затем протянул мне: – Держи. Не хочу больше.

Взял банку – это оказалась тушёнka. Хорошая, почти без сала. Паша встал из-за стола, накинул капюшон, вышел и у выхода повернулся:

– Буду у машины. Не медли, – и пошёл к выходу.

Быстро покончил с оставшейся половиной банки и выбросил в мусорное ведро. Двое, которые сидели за другим столом, обсуждали план того, куда они пойдут сегодня. Обычно и я с ними ходил, но сейчас замещал Сергея. Поздоровался,

проходя мимо, но задерживаться не стал и быстро отказался от предложения пойти с ними.

На выходе Алеся ещё раз пожелала мне удачи, и я вышел на улицу.

«Готов?» – спросил Голос.

– А я думал: скажешь ты что-нибудь или нет, – сказал я с улыбкой, идя к воротам.

«Я всегда здесь. Ты же знаешь. Просто ты обычно не хочешь меня слушать – какой тогда толк говорить?»

– Если ты говоришь чушь, какой толк слушать?

«Резонный ответ, но ты просто не хочешь признавать, что я прав. Ты просто бежишь в свою раковину и когда-нибудь заплатишься за это.»

– Почему ты мучаешь меня? Скажи: что я такого сделал? Уже почти подошёл к воротам.

«Я не мучаю тебя, а оберегаю: от боли, от гнева – от всего реального мира. Пойми: я не злодей. Просто хочу уберечь и тебя, и окружающих от тебя.»

– Потом договорим, – я кивнул Никите, сидящему «на стене» и толкнул ворота.

Паша уже завёл машину и сидел внутри. Сквозь лобовое стекло заметил, что он разобрал и проверял пистолет.

Вышел наружу, но вдруг увидел бегущую в мою сторону Катрин.

– Что такое? – спросил я, когда она подбежала ближе.

– Почему ты меня не разбудил? – она прошла мимо, к ма-

шине.

– Разве ты едешь с нами? – Катрин кивнула. – Паша мне ничего не сказал, – ответил я, закрывая ворота.

– Он ещё сам не знает.

Паша высунулся из машины.

– Кэт?

– Я еду с вами, – сказала она, садясь на заднее сидение.

Вот так, без спроса и разрешения. Паша спорить не стал.

Подошёл к ней.

– Иди лучше домой. Ты же сама знаешь: чем больше людей – тем опаснее. Два человека – оптимальный вариант.

– Я не буду мешаться под ногами, – заверила она. – Просто хочу проследить за тем, чтобы всё было хорошо. Паша не спорил – значит, это не обсуждается. Я так решила. Лишние руки вам не помешают.

Понял, что она уже всё решила. Паша, видимо, тоже это понял – поэтому и не спорил. И вот так всегда. С ней просто невозможно было спорить, если она уже решила.

Молча согласился и залез на переднее сидение.

– Мешки в багажнике? Ничего не забыл? – спросил я, на всякий случай.

– Всё на месте, – сказал Паша, завёл машину, нажал на педаль, и мы поехали.

Никита махнул на прощание. Мы поехали по заросшей тропе среди леса. Если я правильно помнил, мы сюда от главного шоссе недолго ехали. Значит, и обратно доедем быстро.

– Зачем ты пришла? – спросил я. – Оставалась бы дома.

Катрин на заднем сидении уже вытянулась и легла.

– Чтобы за тобой приглядывать, глупенький. Я часто езжу в город, а ты там не был ни разу – лучше присмотрю за тобой, – ответила Катрин. Я посмотрел на Пашу, в поисках какой-то поддержки, но он лишь сосредоточенно следил за дорогой.

– А далеко нам до того склада, о котором ты говорил? – спросил я Пашу. Он ответил не сразу.

– Нет. Только придётся пройтись немного. Но там рядом. Обычно мы за несколько часов успевали, – подытожил он.

Мы выехали на потрескавшийся от травы и времени асфальт. Конечно, зарослей сейчас не было, да и природа ещё не так сильно ворвалась на территорию человека, но она делала осторожные шаги всё дальше и дальше.

– А сумка ещё одна есть? – спросил я.

– Всё нормально. У меня рюкзак есть, – ответила Катрин вместо Паши.

На секунду повернулся – Кэт улыбнулась мне – и повернулся обратно. Мы незаметно взяли друг друга за руки на несколько секунд – мелочь, но такая приятная: касаться кого-то настолько близкого.

Казалось бы, что миру конец и ничто не может стать лучше, но именно такие моменты заставляют увидеть какую-то радость дня. Увидеть, что не всё ещё потеряно.

Достал пистолет, на всякий случай отсоединил магазин и

ещё раз разрядил – он и так был пустой. Продул дуло, разобрал ствол и собрал снова. Лучше перестраховаться, пока было время. Здесь если оружие откажет в неподходящий момент – а так оно обычно и случалось – тебе уже мало что поможет.

Периодически на обочине встречались слегка проржавевшие брошенные машины.

– А вы встречали людей за всё это время? – спросил я, когда мы проезжали мимо очередной машины. – Вдруг и наша машина когда-нибудь станет вот так же...

– Видела однажды. Тогда вот только холодать начинало. В Гримере как раз. Но он быстро пробежал, да и я в здании была – никак не пересеклись бы.

– Ты даже не попыталась? – удивился я.

– Нет, – ответила она так, будто это был вопрос о погоде.

– Почему ты не окликнула его? – спросил я и сразу же понял «почему». Мне вдруг стало стыдно за такой глупый вопрос. Кэт сделала вид, что не слышала его.

Когда до города оставалось всего несколько километров, заметил на обочине, впереди, нескольких сгруппировавшихся восставших. Они что-то ели.

– Можешь помедленнее проехать возле них? – спросил Пашу.

– Ладно.

Несколько восставших лишь слегка повернулись в нашу сторону, отвлекаясь от поедания собаки или чего-то такого.

Но туша была слишком большой для собаки.

– Это собака?

– Вряд ли, – ответил Паша. Он слегка ускорился, потому что один восставший сильнее обернулся к нам. – Скорее всего, волк.

– Волк? Здесь? Это же почти город, – удивился я. – Хотя, он действительно был слишком большим для собаки...

– Когда нас не стало в городах, наступление зверей стало лишь вопросом времени. После нас осталось очень много, а в лесах сейчас всё равно не безопаснее – вот они и идут сюда.

– Офигеть, – вырвалось у меня.

Знак на шоссе говорил о том, что до Грима два километра, но уже здесь начинались редкие спальные районы, которые так и не успели войти в границу города. Дорога стала здесь лучше, кол-во брошенных машин больше, а пустых мест – меньше. Домов, как костей истории, становилось всё чаще. Наконец, появилась огромная табличка с выцветшей надписью: «Добро пожаловать в Грим!». Я обернулся – на обратной стороне было: «Счастливого пути!» и снизу приписка: «МИРУ ПИЗДА».

Мы аккуратно объехали затор из брошенных машин и въехали в небольшой туннель, который вышел сразу к развязке. По сторонам, стенами, высились высокие пятиэтажки. Дорога впереди вела к огромным многоэтажным гигантам – туда мы и ехали.

Конечно, видел в фильмах подобные здания, но в жизни –

ни разу. В нашем городе не строили дома выше шестнадцати этажей. А там, впереди, были дома с несколькими десятками этажей. Смотря на них, можно было на мгновение забыть об окружающем апокалипсисе.

– Понимаю, – неожиданно сказал Паша. – У меня такое же ощущение было, когда впервые увидел.

– Ты здесь был? – я никогда об этом не слышал.

– Конечно, – улыбнулся Паша, впервые за несколько недель. Но лишь на секунду. – Я здесь даже в детстве был, с папой. Ты тогда ещё совсем маленький был и лежал с мамой в больнице.

– Никогда об этом не слышал.

– Странно, – только и сказал Паша.

Мы проехали несколько кварталов. Начал замечать странность: в самих домах и дороге, то тут, то там, были видны небольшие воронки.

– Интересно, что здесь было? Как будто война прошлась, – подметил я.

– Она здесь и была, – ответил Паша. – Ты, может, не знаешь, но по радиации мы разговаривали с разными людьми. Один, военный, рассказывал о том, что у них был приказ бомбить Грим с артиллерии, вертолётов, самолётов – всего, с чего можно было.

– Зачем?

«Ты знаешь ответ».

– Надеялись так остановить заразу. Здесь была сильная

вспышка. Маленькое зло, во имя великого добра.

– Почему тогда об этом не было по телевизору?.. Да даже если и было – здесь были здоровые люди! – воскликнул я. Меня аж передёрнуло.

Паша лишь пожал плечами.

Нам приходилось медленно ехать, чтобы объезжать брошенные машины и воронки в дороге.

Казалось, что домам нет конца. Они всё появлялись и появлялись на горизонте бесконечной стеной. В небольших арках были видны боковые улицы – такие же бесконечно длинные. То тут, то там, встречались небольшие парки или площади с огромными отлитыми статуями героев своего времени – нашей истории, которая скоро будет забыта. Почти во всех домах на главной улице, на первом этаже, располагались магазины. Вдоль дороги стояли проржавевшие рекламные щиты и голые стволы деревьев, листва с которых прибилась к краям дороги и брошенным машинам. Вывески над разбитыми магазинами зазывали внутрь: магазины кроссовок, салоны сотовой связи, пироговые, кафе, фастфуды, шаурмичные, аптеки, банки – всё это бесконечной вереницей тянулось вдоль улицы. Такого у нас в городе нигде не было.

Вдруг машина свернула на боковую улицу – впереди оказался неожиданный тупик: дорогу перекрыло огромное упавшее здание. Но и в боковой улице затором стояли машины, не давая проехать. Наша машина остановилась.

– Приехали, – сказал Паша, достал ключи зажигания и вы-

шел из машины.

Вместе с Катрин мы вышли следом. Паша пошёл к багажнику, а я не мог оторвать взгляда от кучи обломков, которые и представляли собой когда-то огромное здание.

«Как такое вообще могло произойти?»

Обломки стекла, бетона, дерева, пластика были везде. Те дома, на которые упало это здание, сплющились в месте соприкосновения. Теперь это было большой огромной стеной мусора из обломков, словно толстая змея – Анаконда – которая умерла посреди города.

Не сразу понял, что стою так один – больше никто не удивился. Решил подойти к Паше, который доставал вещи из багажника.

– Почему оно упало?

– Кто знает, – ответил Паша, доставая сумку и протягивая её мне. Катрин уже надела рюкзак. – Может, основание подорвали.

– Зачем кому-то делать это? – мне пришла в голову неожиданная версия: – Развлечься что ли?

– Как вариант. Не забивай этим голову, – сказал Паша, захлопнул крышку багажника, подошёл к машине и включил ручной тормоз, чтобы машину быстро не угнали, если что. На сигнализацию лучше не ставить: если все восставшие с района соберутся сюда – о машине точно можно будет забыть.

– А куда нам? – спросил я. Паша шёл впереди, а мы с Ка-

трин – позади.

Паша не ответил. Он включил фонарик и вошёл в маленький проход, среди груды обломков. Зайдя следом, оказался в узком коридоре. Внутри здание ещё сохранило кое-какую планировку. По крайней мере, внутри можно было пройти.

Мы двигались вперёд. Паша часто сворачивал. Хорошо, что через несколько метров коридор немного расширился, и можно было теперь спокойно идти по нему.

Через несколько минут мы перелезли через небольшое бетонное ограждение – в месте, где это огромное здание упало на дом. Тут, где когда-то была улица, находился спуск под землю.

– Что это? – повсюду висела паутина – неудивительно, ведь эти места были давно забыты.

– Тише, – шепнул Паша. Мы спускались по широкой лестнице вниз, как будто в подвал дома.

– Это подвал? – еле слышно шепнул я.

– Это метро, – ответил Паша.

Через несколько метров лестница кончилась, выводя нас в небольшой зал. Маленькие кружки света периодически выхватывали что-то знакомое, из прошлого мира: афиша кино; реклама шампуня; новая модель телефона, которая предлагалась в рассрочку всего за двенадцать рублей в месяц на два года – м-да уж, выгодно. Были здесь и ларьки с мелкими товарам – давно пустые.

Никогда не был в метро. В нашем городе его нет. Да и во-

обще, по всей Бурсии они есть всего в десятке самых крупных городов, где жителей больше миллиона. Мне всегда было интересно: как здесь всё устроено, ведь в фильмах показывали зарубежное метро – британское или американское, обычно.

– Ничего себе, – сказал я. – Кэт, ты была в метро раньше?

– Да.

– Я имею в виду: до катастрофы, в том мире?

– Да. Мы с родителями часто ездили в Европу: во Францию или Италию. Была ещё в Лондонском метро.

– Ого, – удивился я, потому что ничего этого не знал. По сути, я ничего о ней так и не узнал.

«А какой смысл? Всё это осталось в прошлом мире. Вас уже не могут связать воспоминания оттуда.»

«Всё равно. Мне хотелось бы больше о ней знать.»

«У тебя будет время. Всё равно ты меня не слушаешь, чтобы от неё уйти.»

«Потому что ты несёшь чушь и хочешь меня запутать.»

«Потому что ты не хочешь слушать правду», – я ничего больше ему не ответил и на этом спор утих. Вечно одно и то же.

В одной из длинных стен были вмонтированы несколько дверей с толстым стеклом. Над ними была надпись на красном фоне: «ВХОД В МЕТРО. Время работы: 5:30 – 0:40».

Осторожно подошёл к двери и толкнул – она, под тяжестью времени бездействия, поддалась не сразу. Угадал, в ка-

кую сторону она открывается. Но, после того как вошёл, заметил, что Катрин открыла их в другую сторону. Двери открывались в любые стороны. Следом были ещё одни двери, а затем – ещё один зал, побольше: слева был ряд турникетов, а справа – кассы и неработающие терминалы. Подошёл и посветил в тёмный экран.

– Это терминал оплаты, – сказала Катрин. – Для тех, кто не хотел в очереди за жетонами стоять.

– Жетонами? – спросил я. Не понимал, что это и как оно используется в метро. – В обычном транспорте ты заходишь, покупаешь билет у водителя и пробиваешь. Или в небольших кассах на остановке, за чуть меньшую стоимость. Разве здесь не так?

– Нет, – усмехнулась Кэт. – Тебе нужен жетон – маленькая пластмасска – чтобы турникет пропустил. Ещё можно было по проездному ездить – там с карточки поездки списывались.

До меня сразу же дошло.

– Вот зачем они здесь. А с этих терминалов, получается, можно было этот проездной пополнить? Удобно.

– Да, – согласилась Катрин.

– Чего вы там застряли? Давайте быстрее – день не бесконечный, – сказал Паша, который ждал нас за турникетами.

Мы пошли к нему. Повсюду валялись камушки, упаковки из-под чипсов/сухариков, встречались даже гильзы. Восставших не было.

– Мне говорили, что здесь полно восставших – пока я никого не видел, – сказал я, пройдя к давно остановившейся змее эскалатора. – Только у города.

– Не шути так. Нет восставших – не жалуйся, – отрезал Паша. Хотел было возразить, но в последний момент решил, что не стоит.

Лесенки были неустойчивые – так и казалось, что вот-вот отвалится секция под ногой и полечу в какой-нибудь механизм. На стенах тоже была реклама – наверное, это единственное, что делали настолько надёжным.

В конце концов, туннель вышел к широкой длинной платформе, конца которой не было видно – мощности фонарика просто не хватало.

– А точно другого пути не было? – спросил я.

– Был бы – не ходили, – ответил Паша. Посмотрел на Катрин – она просто пожала плечами.

Паша шёл вперед. Он пошёл правее и спрыгнул с платформы вниз. Я подошёл к краю и осветил: внизу лежали десятки трупов. Вернее, то, что от них осталось: кости, лохмотья. Только сейчас понял, что запах здесь был не просто спёртым, а даже отдавал гнилью.

– Паша, осторожнее – тут какие-то трупы, – сам не понимая «зачем», сказал я. Он даже не обратил внимания и пошёл вперёд.

– Костя, я думаю, что крысы уже позаботились об этих беднягах. Посмотри: одни кости. Восставшие живучие, ко-

нечно, но не настолько. Это только в мультиках и играх может быть, – сказала Катрин.

Ещё раз посветил и только затем, аккуратно, спрыгнул вниз – приземлился прямо на чьи-то кости, которые хрустнули подо мной, ломаясь. Сразу же испугался и отскочил.

«Ты убивал людей как мух: без особых мук совести и переживаний. А здесь испугался костей?»

Не обратил внимания на это. Не знал, кто это – поэтому не знал, как быть с их останками. Вдруг, это был кто-то порядочный, хороший? Да и не привык смотреть на смерть в таком виде: останки просто лежали в куче мусора

Мы пошли вдоль путей. Старался обходить скелеты людей и не смотреть на черепа – самое жуткое, что есть в человеке после его смерти. У кого-то была прострелена голова, у кого-то – нет. Кто-то даже ещё не успел разложиться. Конечно, я верил Паше – раз уж он сюда пошёл, то здесь безопасно – но всё равно аккуратно проходил возле трупа каждый раз. От охотников не застрахован никто.

Вообще, меня впечатлил огромный зал. Такое ощущение, что станция – это маленький вокзал. И вот-вот должен прийти твой рейс... Но этого уже никогда не будет.

Мы вошли в боковой туннель – переход к следующей станции. Было немного страшновато. Знал, что никакого поезда здесь быть не может, но всё же мы шли по путям и смутное ощущение страха присутствовало. Тишина и мрак окутали, словно кошмарное покрывало.

«Страх помогает держать голову наготове и не даёт отвлекаться – это хорошее чувство, полезное»

Паша остановился и повернулся. Он приложил палец к губам, а затем схватил меня и Катрин, толкнул к стене и прижал собой.

– Фонарики! – шепнул он.

– Что? – переспросил я.

– Выключите фонарики! – повторил Паша, выхватывая у меня из руки фонарь и выключая его. Паша пригнулся и жестом указал Катрин сделать то же самое.

Я прижался к стене и опустил на одно колено.

– Что такое? – спросил я.

Паша не ответил. Он смотрел вперёд, как бы пытаясь заглянуть за поворот туннеля. Вдруг, я увидел лучи света из той стороны. От неожиданности даже подскочил. Это были люди!

– Люди, Кэт! – радостно воскликнул я. Паша резко обернулся и схватил мой рот рукой. Огни резко зашевелились, а затем плавно исчезли. Через минуту Паша убрал руку.

– Ты чего? Это же живые люди, – шепнул я. Но понимал на самом деле, что сглупил. Мы ничего не знали об этих людях. – Ты же сказал, что здесь никого.

– Я и сам так думал, – сказал Паша. Заметил, что он уже держал пистолет наготове в левой руке. Паша встал и только засобиравшись вперёд, как позади нас резко включился свет.

– Куда собрался? Стой-ка, – скомандовал человек, кото-

рого не мог рассмотреть из-за прямо бьющего в глаза света. Паша остановился. – Опустит ствол. Давай.

– Кто вы? – спросил Паша, медленно опускаясь, чтобы положить пистолет, а затем вставая.

– Это наш вопрос к вам: кто вы, блять, за покемоны такие? И что вы здесь забыли?

Паша несколько секунд не отвечал. Неожиданно Катрин решила вмешаться:

– Послушайте. Это ошибка. Давайте мирно разойдёмся. Думаю, вы так же, как и мы, просто хотите выжить – так давайте не...

– Молчи! – гневно прошипел Паша. Он всё так же стоял спиной к неизвестным.

– Повторяю вопрос: куда намылились? Ходите тут по нашему городу, по нашему метро. Повернись-ка, – сказал неизвестный человек Паше – он не двигался. – Повернись!

Паша медленно развернулся.

– Что-то рожа у тебя знакомая, – сказал он. Я так и не смог разглядеть никого за лучом света – фонарик был очень мощным. – Случаем, не пересекались?

– Сомневаюсь.

Чувствовал в кармане тяжесть пистолета. Секунда – и он окажется у меня в руках.

«Это происходит, – начал Голос. – Видишь? это то, о чём я предупреждал тебя.»

«Нет. Всё будет нормально»

– Будьте людьми, – начала Катрин, – дайте нам уйти. Мы не хотим никому зла. Ничего у вас не взяли. Нам просто нужно пройти.

– Куда? – спросил неизвестный.

Катрин посмотрела на Пашу, но он лишь ответил ей взглядом, который говорил: «Не говори ничего!».

– Вижу, ваш друг не из разговорчивых, – сказал неизвестный.

«Стреляй. Просто достань пистолет и стреляй.»

Не мог выстрелить. Не знал какие это люди. А убивать их за простое недоразумение – чем тогда буду лучше тех, кого так ненавижу?

«Ты же понимаешь, что стрелять всё равно придётся. Либо ты, либо они, Костя.»

Но не мог выстрелить первым.

– Давайте так – мы же не суки бессердечные, да и среди вас есть женщина: бросайте всю снарягу, а там, может, мы за вами не пойдём.

– Что? – переспросил Паша.

– И это, по-вашему, «не бессердечные»? – возмутилась Катрин. – Да мы через два шага умрём! По-вашему, это лучше: оставить нас без оружия и кинуть к толпе восставших?

– Восставшие? – переспросил неизвестный с заметной усмешкой. – Это вы про безмозглых этих? Если так, то да, это было бы даже забавно. Но, всё равно, это же лучше, чем если бы мы каждому из вас всадили по пуле в голову – и дело

с концом. Так и так у нас будет ваша снаряга, но в первом варианте у вас будет шанс, во втором – не будет. В метро безмозглых нет – мы за этим следим. Ну, а если вздумаете что – там впереди наши друзья, так что отбиваться и бежать вам некуда.

«Стреляй!» – кричал Голос. Я даже почувствовал, как кто-то скользнул по внутреннему карману моей куртки, нащупывая очертания металлического ствола. И сам потянулся за ним, но тут что-то металлическое звякнуло.

– Глаза! – крикнула Катрин. Посмотрел в сторону, откуда был звук, затем хлопок и резкая вспышка ударила в глаза. Потерял ориентацию. Перед глазами стояла белая стена.

– Бежим! – крикнула Катрин. Услышал шаги, выстрелы – несколько пролетели совсем рядом с моей головой.

Снова очередь, снова кто-то отстрелялся. Наощупь заполз за небольшое заграждение, стараясь ориентироваться по звукам выстрелов, и прижался.

– Костя, сюда! Выламывай! – кричала Кэт.

– Я ничего не вижу! – сказал я.

– Мой голос. Иди на мой голос! Прямо!

Ещё одна очередь прошла прямо по моему заграждению. Несколько раз выстрелил наугад в ответ.

– Я не успею!

– Успеешь! Давай! Всего несколько шагов. Там, с другой стороны, наступают – у нас есть секунд десять, чтобы смотаться!

Помедлил, пытаюсь заставить себя, а затем собрался с силами и, после ещё одной очереди, вынырнул. И сразу же резкая боль – левая рука повисла, словно ватная, но не остановился, пока чьи-то руки не словили меня.

– Быстрее... – сказал Паша.

– Рука, – сказал я, – я не чувствую руку...

– Потом, – ответил Паша.

Белая пелена постепенно рассеивалась. Начал улавливать силуэты и их слабые движения. Тронул плечо – вся ладонь оказалась в чём-то тёплом.

– Что?.. – меня всё ещё веди. Не понимал куда меняведут и кто, но не сопротивлялся. Был уверен, что это Кэт или Паша.

– Всё будет нормально, – неожиданно сказала она, но тихо, как бы успокаивая. Я уже различал окружающий туннель. – У него плечо прострелено. Ерунда.

– Нам надо быстрее них пройти к следующей станции... Они не знают, пойдём мы обратно или вперёд – у нас тут преимущество. Но лучше двигаться быстрее. Костя, ты как, видишь уже?

– Не всё, но силуэты различаю.

– Тогда ускоримся, – сказал Паша и побежал вперёд. Кэт выпустила меня и побежала за ним. Сделал то же, одновременно смотря на руку – она была вся в крови. При каждом движении начал ощущать тупую боль в плече, но решил терпеть.

Мы добежали до следующей станции и остановились у выхода на платформу. Нужно было осмотреться, прежде чем бежать.

Рукав у меня уже был весь в крови.

– Жив? Голова не кружится? – спросил Паша.

– Нормально, – ответил я.

– Хорошо. Сейчас быстро пробежим, а там, наверху, залатаем тебя как-нибудь.

– Паша, кто это? Ты точно не знаешь? Ты сказал, что здесь никого, – спросил я.

– Потом, Костя. Не сейчас, – шепнул Паша и, запрыгнув на платформу, помог нам с Катрин.

Мы быстро побежали наверх по лестнице. Паша держал наготове нож. У меня начала кружиться голова, подташнивало, но старался бежать наравне со всеми, перепрыгивая по несколько ступенек. Конечно, так быстро бежать опасно, но нам сейчас было не до предосторожностей.

Через минуту мы вырвались за двери и поднялись по засыпанной листьями лестнице на улицу. Свет улицы с непривычки ударил в глаза. Мы были прямо возле огромного перекрёстка.

– Сюда, – сказал Паша, сворачивая сразу в сторону. Заметил, что вдалеке была огромная толпа – нет, даже волна – восставших. Это заметил и Паша: – Сука... Быстрее.

Пока ещё не было сигнала крикуна – они нас не заметили. Но это был вопрос времени. Восставшие всегда замеча-

ют живых.

Мы вбежали в открытые двери на углу здания. Паша сразу же закрыл дверь за нами, но нечем было подпереть. Здесь был проход влево по первому этажу и двери, за которыми находилась лестница наверх – она оказалась закрытой.

– Дай посмотрю, – сказал Паша, подходя ко мне и неожиданно резко дёргая за плечо. Я едва сдержался от вскрика. – Похоже, пуля не прошла. Надо доставать и прижигать рану. Блять, да что за непруха...

– Может дома достанем? Ты же видел, сколько там оставших, – сказала Катрин. – Аня, вроде, в анатомии разбирается.

– Нет. У него пробита артерия – пуля ещё осталась, но всё равно кровь слишком быстро выходит. Не успеем. Можно перевязать, но всё равно не успеем.

Стоял и смотрел на это всё беспомощно, не зная, что мне делать. Такое ощущение, будто от меня уже мало что зависело.

«Я говорил тебе: стреляй. Ты никогда меня не слушаешь, а это только начало.»

«Я уже сказал: не будет ничего.»

«Уже есть», – ответил Голос и замолчал.

– Это херово, – откровенно призналась Катрин. – Пиздец... что делать...

– Давайте реально доедем до дома. Тут же недалеко идти до машины? – спросил я с надеждой в голосе.

– Либо обратно в метро, либо в обход около часа, – Паша отвернулся от моего взгляда. – У нас нет столько времени.

Отошёл и прижался к стене.

«Нет. Это всё не по-настоящему. Это просто сон. Нет. Просто сон...»

«Очнись! Ты умираешь! Хватит истерить! Тебе нужно что-то делать! Соглашайся на то, чтобы пулю достали сейчас.»

– Я не могу решать за тебя, Костя, – тихо произнёс Паша.

– Если надо – тогда делайте, – решил я.

Катрин с волнением смотрела на меня, но решил не отвечать на её взгляд.

– Учти, что это лишь временно. Когда мы приедем, нужно будет твою рану снова вскрыть и прочистить, потому что не смогу достать весь мусор, и нет подходящих инструментов. В любом случае, нам нужно торопиться. Идём.

Паша прошёл дальше по коридору.

– Чего встали? Идём, – сказал он. Мы с Кэт замешкались, но через секунду догнали его.

Идти стало тяжелее. Тело бросало в стороны, а ноги дрожали. Держал свободной рукой ноющее от боли плечо, но это несколько не помогало – за мной тянулся след из капель крови.

Мы вышли в новый коридор с кучей боковых комнат вдоль стен. Паша дёрнул ручку одной двери, другой, третьей – она оказалась открыта. Мы зашли внутрь.

Всё происходило одновременно и быстро, и крайне медленно. Точнее, я понимал, что всё быстро, но видел как замедленную съёмку: меня положили на пол, разрезали ткань вокруг раны, я увидел огромную кровавую дырку в плече, но мне показалось, что это не моя рука. Казалось, что это всё вообще происходит не со мной.

Паша достал из рюкзака небольшую баночку и оплеснул сначала руки.

– Зачем? – спросила Кэт, сев сверху на грудь и придавив руку, не давая двигаться. Она просунула мне в рот кусок какой-то ткани. – Терпи, будет очень больно.

– Сначала нужно нащупать пулю. Попадая в тело, она не прямо летит, а немного смещается. Держи его крепко, – ответил Паша и вставил палец прямо в рану. Боль была такой сильной, что не мог сдержаться и кричал, брыкался. Такое ощущение, будто тело само пыталось изгнать палец Паши, но Кэт крепко держала.

– Блятфф! БЛЯТФФ! СУФКА, СУФКА, СУФКА! – кричал я, сквозь кляп.

– Терпи, Костя. Терпи... – с тяжестью проговорил Паша.

– Кость, терпи, пожалуйста, – сказала Кэт. Ей самой было тяжело видеть мои мучения.

– БЛЯТФФ! БОВФНО! БОВФНО! А-А!

Паша достал палец, достал зажигалку и нож. Я тяжело дышал. Голова кружилась. Рука адски болела.

– Сейчас будет ещё больнее, но тебе нужно вытерпеть –

иначе нельзя, – сказал он, нагревая лезвие огнём. Паша поднёс его к ране, помедлил секунду, а затем выдохнул и сказал: – С богом, – и вставил нож в рану.

– А-А! – завизжал я каким-то не своим голосом. Окончательно потерял контроль и уже не мог сдерживаться. – СУФ-КА!!!

Прошла целая вечность, прежде чем Паша достал маленькое тело пули.

– А теперь последнее... – сказал он, но его прервал резкий крик, который ни с чем никогда не спутаешь. Это был крикун – значит, нас нашли. Паша резко подскочил к окну: – Блять... Меняем план. Кэт, поднимай его.

Паша подошёл и быстро побросал всё обратно в рюкзак Катрин.

– А рана? – спросила она, доставая ткань у меня изо рта и помогая встать.

– Потом прижжём. Просто перевяжи сейчас тканью от рукава.

– Но... – начала она, однако Паша перебил.

– Быстрее! Там их сотни. Сотни, понимаешь?

Больше возражений не было. Я слабо понимал, что происходит. Всё ходило ходуном. Кэт по-быстрому перевязала плечо. Паша помог мне подняться. Кое-как мог стоять сам на ногах.

Сразу, как только мы вышли из кабинета, справа появились восставшие – несколько бегунов неслось прямо к нам.

Попытался достать нож трясующимися руками, но не получилось. Один восставший повалил Пашу, у них завязалась борьба. Кэт достала пистолет и прострелила двум мертвецам головы. Только Кэт прицелилась в восставшего, с которым боролся Паша, как резкий крик повалил нас. Я упёрся в стену и поэтому не упал. Собрался с силами, подошёл и с силой ударил восставшего ногой по лицу, сам чуть не упав – он перевернулся, и Паша вонзил нож ему в голову.

– Спасибо, – сказал Паша. Появились новые восставшие.

Отошёл к Кэт, но заметил, что Паша боролся с ещё несколькими восставшими, а позади него почти на расстоянии прыжка, был бегун – Паша его не видел. И он не смог бы отбиться или увернуться. Времени, чтобы доставать пистолет или нож не было. Да и чтобы обдумать всё – тоже. Я просто бросился вперёд, а в следующую секунду зубы больно впились мне в руку.

– А-А! – крикнул я. Паша обернулся. В его глазах застыл ужас. Я откинул восставшего в сторону.

– Что... – сказал он и быстро убил своих восставших, а затем и моего. – Зачем?

– Ты не видел, – сказал я как бы в оправдание. Меня ки-нуло в жар.

Посмотрел на Кэт: она с паникой смотрела на нас, но ещё не понимала, что произошло. Да и я сам не понимал до конца. Быстро бросил взгляд на правую руку – там, чуть ниже плеча, была рана от укуса.

«Меня укусили. Это конец», – но думать было некогда – надо было бежать от восставших. Хотя бы спасти Пашу и Кэт.

Восставших впереди становилось всё больше. Мы все быстро отступали назад.

– Что случилось? – спросила Кэт, но я ей не ответил, пропуская вопрос без внимания.

– Надо бежать, – ответил я.

Только мы развернулись, как позади, как гром среди ясного неба, раздался ещё один крикун. Теперь восставшие появились и позади. Пути выхода были отрезаны.

– Туда! – скомандовал Паша и, подхватив меня, затащил внутрь соседней комнаты. Кэт захлопнула дверь и начала тянуть стол к двери. Усадив меня на стул, Паша помог ей. – На какое-то время это их задержит.

– Что случилось? – в панике спросила Кэт. Я молча показал ей рану от укуса.

Она несколько секунд тупо смотрела, не принимая всё за правду.

– Зачем? – тихо спросил Паша. Он стоял у окна, не смотря на меня.

– Ты бы не успел среагировать, – сказал я, пытаясь улыбаться.

– Я бы успел.

– Нет. Ты даже не видел.

– Ну и пусть меня бы укусили! – резко сказал он, повер-

нувшись. В его глазах стояли слёзы. Кэт стояла рядом, ничего не говоря. – Я должен был умереть, а не ты! Зачем?!

Паша подошёл ко мне и взял за края одежды. Восставшие стучали в дверь, пытаюсь выломать её.

– Вам надо идти. Долго их это не задержит, – проговорил я, как бы пытаюсь перевести внимание от своей проблемы.

Паша заплакал. По его щекам потекли слёзы.

– Я не могу потерять ещё и тебя... Нет. НЕТ! – крикнул он, отпустил меня и со всей силы ударил в стену в отчаянии. – СУКА!

– Паша, послушай... – начал я, но Паша меня оборвал.

– Нет. Мы приедем домой и что-нибудь придумаем. Здесь первый этаж – можно будет тебя спустить.

– Да, – еле слышно сказала Кэт и упала лицом в мои колени, плача.

– БЛЯТЬ! Я уже не жилец, Паша! И буду лишним грузом! – крикнул я со всей силы, что у меня была, чтобы отрезать их. Паша посмотрел на меня. – Послушайте, вам надо бежать. Бежать без меня, потому что со мной вы не сможете быстро бежать. А я их задержу.

– Нет! – ответил Паша.

– Вы должны! Времени нет. Скоро они всё здание окружают, – я замолчал. Паша молчал. Кэт плакала у меня на коленях. Я решил добавить: – Паша, у меня будет к тебе просьба, – он внимательно уставился на меня. – Позаботься о Кэт... и о нашем доме.

– Костя, что ты несёшь... Не могу... – начал он.

– Нет, ты можешь! – твёрдо сказал я.

Паша отвернулся и ещё раз ударил в стену.

– Блять... Хорошо... – сказал он, вытирая слёзы. Затем начал открывать окно.

– Кэт, любимая, – от этих слов Катрин ещё больше заплакала, – я люблю тебя.

Кэт подняла голову и резко примкнула к моим губам, а затем отпрянула и уткнулась лбом в моей лоб.

– Пойдём, прошу... – тихо проговорила она. – Как...

– Позаботься о моём глупом брате, – она едва кивнула. – Обещаешь?

– Костя, почему... так? – говорила она сквозь слёзы, как бы не слыша меня.

– Кэт... обещай. Это моё последнее желание.

– Обещаю, – еле слышно сказала она.

Ещё раз, напоследок, поцеловал её.

– Идите.

– Нет! – крикнула Кэт, но Паша молча уже взял её за руку и потянул к открытому окну.

Я молча проводил их взглядом. Кэт, перед тем как спрыгнуть, еле слышно сказала:

– Я люблю тебя, – после этого я остался один-на-один с восставшими за дверью.

Было так странно с ними прощаться. Понимал их тяжесть, но для меня, как будто, всё уже было решено – никакого

страха.

Неожиданно моему взгляду попало что-то живое под столом. Кое-как слез со стула и посмотрел: там прятался маленький чёрный котёнок.

– Как ты здесь оказался, малыш? – тихонько подхватил его и прижал к груди. Котёнок пытался сопротивляться, но ему было слишком страшно для активной борьбы. – Тебе нельзя здесь быть... Скоро здесь будут злые восставшие.

Кое-как встал. Голова кружилась. Боль в плече отдавалась по всему телу. И пошёл, упираясь плечом в стену. За мной тянулся кровавый след. Медленно дошёл до окна.

– Беги, – сказал я, выпуская котёнка вниз на землю, и посмотрел вокруг: Паша и Кэт уже скрылись.

Улыбнулся и медленно опустился на пол, прямо у окна, напротив двери. Кое-как достал пистолет из кармана. В обойме оставалось всего два патрона. Теперь я был совсем один.

«Один?..»

– ... Ты никогда не был один, – неожиданно раздался детский голос совсем рядом. Маленький мальчик сидел на стуле и болтал ногами. – Я же говорил тебе: стреляй... А ты!

– Ты и сейчас будешь меня мучить? – спросил я.

– Дурак, – обиженно ответил мальчик. – Я хочу, чтобы ты поговорил кое с кем. Секунду.

После этих слов мальчик исчез. Через несколько секунд услышал знакомый голос:

– Не сдержал ты обещание, да? Эх, ну что с тобой поделаешь, – передо мной, на корточках, сидел человек в военной форме. Теперь он уже не казался таким высоким. Это был Павлов. – Зато ты защитил своих близких – можешь этим гордиться.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я.

– Я всегда был с тобой, здесь, – ответил Павлов, указывая на сердце, а затем на голову, – и здесь.

– Ты – моя галлюцинация?

– А разве это имеет значение? Я здесь – это главное.

Мы несколько секунд молчали.

– Как думаешь, я смог стать героем, как ты? Хотя бы приблизиться к этому? – неожиданно спросил я.

– Как я? – он усмехнулся. – Конечно. Я думаю, что для них, да и для остальных, ты останешься героем в сердцах, как я для тебя. Ты молодец. Я тобой горжусь – все гордятся, – ответил Павлов с улыбкой. – Секунду, с тобой ещё один человек хотел поговорить.

За дверью раздавались крики, но уже не реагировал на них. Восставшие ломились в дверь. Заметил как шатаются петли у двери – она совсем скоро не выдержит.

– Привет, Костя, – сказал нежный женский голос. Я неожиданно заплакал, хотя не сразу понял, чей он.

– Мама? – она, улыбаясь, кивнула. Мама была одета в лёгкое светлое платье и была совсем молодая, как в воспоминаниях из моего детства.

– Мама... я искал тебя. Долгие месяцы. Искал... Извини, пожалуйста... – начал я, но расплакался. Мама обняла меня.

– Ну-ну, – сказала она, успокаивая: – Я знаю. Теперь ты можешь отдохнуть. Ты проделал большой путь и вырос хорошим человеком. Мы с отцом гордимся тобой. Вы с Пашей вышли замечательными мужчинами... Ой, чуть не забыла: с Днём Рождения! Теперь ты совсем взрослый! Эх, а ещё совсем недавно я тебя на руках держала...

Снова расплакался и уткнулся в мамину грудь:

– Спасибо.

Мама чуть отпрянула и кивнула мне. После этого снова появился Максим. Он стоял на месте мамы:

– Вот видишь, ты никогда не был один, – я кивнул. – Послушал бы ты меня – всё нормально было. Эх, ладно – после драки кулаками не машут... – он сел рядом со мной. – Что делать будешь?

Ещё раз посмотрел на дверь, за которой были сотни голодных восставших. А затем передал пистолет мальчику. Он встал и приставил ствол к моей голове. Не хотел стать одним из них.

Мне не было грустно. Наоборот, даже появилось какое-то облегчение.

– Хорошо. Удачи тебе, где бы ты ни был потом... – сказал Максим, взвёл курок и раздался выстрел.